

С 623 213 1
3-14

А. И. Загоруйко

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА

КОЛЕСА®

А. И. Загорулько

**ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ
ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО
СУБЪЕКТАМИ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

код экземпляра

33682

КОТЕДЖ
ФИРМА

ХАРЬКОВ 1996

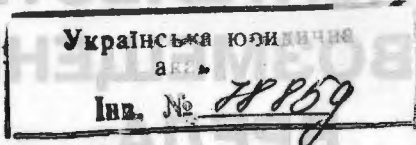
ББК 67.99(2)3
3-14

Рецензент

Заслуженный юрист Украины, д-р юрид. наук,
профессор А.А. Пушкин

Редактор

кандидат юрид. наук К.К. Гулый

Загорулько А.И.

3-14

Обязательства по возмещению вреда, причиненного субъектами гражданского права. — Харьков: «Консум», 1996. — 112 с.

ISBN 966-7124-10-X

В монографии с учетом содержания Конституции Украины 1996 г. проанализировано законодательство Украины, регулирующее обязательства, возникающие вследствие причинения вреда субъектами гражданского права. Изучена практика его применения, осуществлены сравнение украинского законодательства с законодательством других стран, обобщение литературы по данной проблеме и разработка на этой основе позиции автора о существе, месте и роли деликтных обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, а также о надлежащем их регулировании в новом гражданском законодательстве Украины.

Для научных и практических работников, специалистов, студентов и всех заинтересованных граждан.

3

1203020400-003

96

Без объявл.

ББК 67.99(2)3

ISBN 966-7124-10-X

© А.И. Загорулько, 1996
Совместное коллективное предприятие с иностранными инвестициями фирма «Консум», 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Актуальность данной монографии обусловлена прежде всего построением в суверенной Украине гражданского общества и отвечающего ему правового государства. Гражданское общество, которое только и может покоемиться на рыночной экономике, предполагает, что отношения, складывающиеся в нем и составляющие предмет гражданско-правового регулирования, должны признаваться отношениями самостоятельной и независимой от государства сферы человеческой жизни. Роль государства в таком обществе заключается лишь в установлении «правил игры», которые обязаны соблюдать участники данных отношений, действующие в качестве физических или юридических лиц.

Важную часть отношений этого общества составляют обязательственные правоотношения, в том числе и деликтные обязательства, возникающие вследствие причинения вреда противоправными действиями субъектов гражданского права. В соответствии с ними в ряде случаев обеспечивается восстановление нарушенных абсолютных прав (права собственности, иных вещных прав, права интеллектуальной собственности, личных неимущественных прав), образующих в своей совокупности основу гражданских правоотношений. Разумеется, все эти отношения, в том числе деликтные обязательства, и ранее составляли предмет регулирования ГК Украины¹. Однако переход Украины к построению гражданского общества обусловил потребность создания принципиально иного ГК по сравнению с тем, который был принят в Украине во время действия в ней плановой административно-командной хозяйственной системы и вхождения ее в ныне уже не существующий Союз ССР. Соответственно потребовались новые подходы к решению многих вопросов, связанных с деликтными обязательствами, а также возникла необходимость несколько по-иному переосмыслить их теоретическое (научное) обоснование, хотя недостатка в литературе, относящейся к деликтным обязательствам, не было. Новых фундаментальных работ, посвященных этим правоотношениям, нет до сих пор. Особо актуальным является исследование деликтных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда противоправными хозяйственно-техническими действиями или, точнее говоря, противоправными действиями субъектов гражданского права. Нормы, их регулирующие, как известно, составляют основу деликтного права. Но в условиях рыночной экономики и предпринимательства эти обязательства должны сыграть существенную роль в борьбе с недобросовестной рекламой и конкуренцией, изготовлением и реализацией товаров, могущих причинить вред. Становится актуальным возмещение не только имущественного, но и морального вреда. Все это требует, наконец, чтобы в новом ГК в разделе «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда» была дана развернутая и четкая клас-

¹ Далее, если иное не оговорено, для краткости — ГК.

сификация всех видов обязательств с определением в ней надлежащего места исследуемых в данной работе обязательств.

Изложенным предопределяются архитектоника и методы настоящего исследования. В главе I рассматривается общая характеристика обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права. Глава II посвящена общим условиям возмещения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права. В главе III анализируются специальные условия или особенности отдельных видов обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права. В главе IV исследуются объем и способы возмещения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права.

Автор отдает себе отчет в том, что многие проблемы, касающиеся обязательств по возмещению вреда, причиненного субъектами гражданского права, остались за рамками данной монографии. Более того, некоторые из них являются дискуссионными и не претендуют на окончательное решение.

Автор признателен профессору А.А. Пушкину за ценные замечания и советы, высказанные при подготовке рукописи к изданию.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Понятие и система обязательств в гражданском законодательстве Украины

Чтобы проанализировать обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, необходимо прежде всего остановиться на понятии обязательств как особом виде гражданских правоотношений, показать их систему и их функциональную роль. Согласно ч. 1 ст. 151 ГК обязательством признается такое правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п.; а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Насколько можно судить по имеющимся разработкам проекта нового ГК, такое же определение обязательства предполагается сохранить и в нем. Следует отметить, что новый ГК Российской Федерации (ч. 1. ст. 307) содержит аналогичное определение обязательства. Полагаем, что данное определение обязательства является общим, охватывающим как обязательства, возникающие из договоров, других правомерных действий, так и обязательства, возникающие вследствие причинения вреда и из так называемого неосновательного обогащения¹. В названной статье указанных источников далее говорится, что обязательства с учетом данного их определения возникают из договора и из иных оснований, предусмотренных законом.

Несомненно, обязательства, из каких бы оснований они ни возникли, имеют несколько общих признаков. Поэтому вполне оправданно иметь в гражданском законодательстве в разделе «Обязательственное право» особый подраздел, который бы охватывал нормы, решающие вопросы, общие для всех видов обязательственных правоотношений. Однако нетрудно видеть, что ГК, построенный по схеме действовавших во время принятия его Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, в подразделе «Общие положения об обязательствах» (главы 14-19) содержит нормы, рассчитанные, главным образом, на регламентацию обязательств, возникающих из договоров и других правомерных действий. Статья 152 ГК Украины говорит об обязательствах, возникающих непосредственно

¹ По терминологии ГК, это обязательства, возникающие вследствие приобретения или сбережения имущества за счет другого лица без достаточных оснований.

из плановых актов и договоров, заключенных на основе государственных заказов; ст.ст. 153-160 решают вопросы, связанные с порядком заключения договоров. В последующих главах этого подраздела говорится об исполнении этих обязательств, обеспечении обязательств, ответственности за нарушение данных обязательств и основаниях их прекращения. В одном из вариантов проекта нового ГК (Киев, 1994 г.) прямо сказано, что нормы, относящиеся к «Общим положениям об обязательствах», применяются только к обязательствам, возникающим из договоров, других правомерных действий и иных оснований, не противоречащих закону. Причинение же вреда противоправными действиями противоречит закону, однако оно порождает обязательство. На него также должны распространяться нормы «Общих положений об обязательствах». Важно только, чтобы в этом подразделе раздела «Обязательственное право» содержались нормы, действительно решающие вопросы, общие для всех видов обязательственных правоотношений.

Бесспорно, ведущее место в системе обязательств занимают договорные обязательства, опосредующие нормальные экономические отношения обмена. В силу особой важности и значения договора как основания возникновения этих обязательств, а также в силу того, что договор, являясь двусторонней (взаимной) сделкой (ст. 41 ГК), порождает желательное для сторон обязательство лишь при условии соответствия его закону, нуждается как таковой (как юридический факт) в самостоятельной правовой регламентации. При этом данная регламентация договора должна предшествовать регламентации действия возникшего из него обязательства: его исполнения, ответственности стороны за нарушение обязательства, возможного изменения его содержания и прекращения. Эта логическая последовательность и в ГК Российской Федерации, сохранившем прежнюю структуру подраздела «Общие положения об обязательствах», регламентирующего действие обязательства, главным образом договорного, но исключившего из него нормы о самих договорах, оказалась нарушенной. Нормы об общих положениях договора выделены в самостоятельный подраздел, следующий за подразделом, который по существу регламентирует действие обязательства, возникшего из договора. Телега оказалась впереди лошади. Необходимо избежать этой ошибки при разработке нового ГК. Договорные обязательства должны быть представлены в новом ГК в разделе «Обязательственное право» в двух самостоятельных, хотя и однородных по своему содержанию, подразделах: «Общие положения о договоре и обязательствах, возникающих на его основе» и «Отдельные виды договорных обязательств». Нормы этих двух подразделов и образуют в своей совокупности то, что обычно принято называть договорным правом. При этом, конечно, состав отношений, регулируемых этим правом, должен быть существенно расширен в связи с переходом Украины к рыночной экономике, в частности путем включения в него, наряду с традиционными договорами (купли-продажи, поставки, подряда и т.д.), и таких договоров как лизинг, аудит, банковские договоры и др.

Близкими к договорным являются и обязательства, возникающие вследствие односторонних правомерных действий. В силу этих обязательств одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги, совершить иное положительное действие, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанностей. Особенность данных обязательств состоит в том, что здесь отсутствует предварительная договоренность сторон об их установлении. Более того, она и не предполагается, как например в договорах о присоединении. Обязательства возникают в силу волеизъявления только одной стороны, а содержание его определяется условиями этого волеизъявления или условиями, непосредственно предусмотренными законом. Известно, что такие обязательства в гражданском праве Древнего Рима назывались квазиконтрактными обязательствами (как бы договорными)¹.

В ГК (глава 39) из числа этих обязательств предусмотрены лишь обязательства, возникающие из публичного обещания вознаграждения, сделанного путем объявления конкурса. Однако состав этих обязательств сейчас необходимо расширить. Должно быть предусмотрено и обязательство из публичного обещания награды, сделанного без объявления конкурса. Так, лицо, которое выступило с публичным обещанием награды за достижение указанного в сообщении результата (обнаружение пропавшей вещи, сообщение необходимых сведений, например, о предполагаемых убийцах и т.д.), обязано выплатить (передать) обещанную награду лицу, предоставившему этот результат.

Приобретают весьма значительный характер, в особенности с учетом требований рыночной экономики, так называемые обязательства по ведению чужих дел без поручения, в силу которых лицо, действующее в интересах другого лица без его поручения, вправе требовать от него возмещения понесенных им расходов в пределах фактически произведенных затрат, если они были оправданы обстоятельствами ведения дела.

Думается, что не следует включать в состав данных обязательств обязательства, возникающие при конкурсных торгах в форме тендера и аукциона. Во всех этих случаях речь идет о договорных обязательствах, точнее, о способах заключения договоров. При торгах в форме тендера его инициатор заключает договор с тем, кто предложит лучшие условия договора. При торгах в форме аукциона продавец заключает договор с тем, кто предложит наиболее высокую цену за продаваемый товар. Место нормам, регулирующим данные отношения, — в договорном праве.

Подводя итог сказанному об обязательствах, возникающих из односторонних правомерных действий, все же следует отметить, что они,

¹ См.: Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М., 1960. С. 204; Подопригора А.А. Основы римского гражданского права. К., 1990. С. 243; Черниловский З.М. Лекции по римскому частному праву. М., 1991. С. 188.

несмотря на их близость к договорным обязательствам, тем не менее нуждаются в самостоятельном правовом урегулировании. В отличие от действующего ГК, где они (далеко не в полном составе) объединены в одном подразделе с отдельными видами договорных обязательств, в новом ГК им следует посвятить в разделе «Обязательственное право» специальный подраздел, в котором нужно дать нормативное регулирование как общих моментов, так и видовых особенностей данных обязательств. Вместе с тем договорные обязательства и обязательства, возникающие из односторонних правомерных действий, могут быть охарактеризованы как позитивные (положительные) или регулятивные обязательства¹. С помощью этих обязательств собственники или иные владельцы имущества, обладатели других имущественных прав (например, авторы изобретений, произведений науки, литературы, искусства), осуществляя свое право на распоряжение имуществом, другими имущественными правами (например, авторы указанных нематериальных благ), заключают договоры на их использование другими лицами, вступают в дозволенные и охраняемые законом (государством) отношения, на основе которых удовлетворяются их нормальные (естественные) потребности. Иначе говоря, названные обязательства — это правовые отношения нормального экономического оборота, нормальной экономической жизни. Соответственно и правовая регламентация этих обязательств должна отвечать их сущности. Они всегда при этом являются имущественными правоотношениями.

Совершенно иной характер имеют обязательства, возникающие вследствие причинения вреда и из неосновательного обогащения. В частности, обязательства из причинения вреда, как будет показано далее, могут быть и неимущественными, когда, например, причиняется моральный вред. Значительные особенности свойственны и законодательной регламентации этих обязательств (например, при решении вопросов о природе возмещаемого вреда, возврате имущества, полученного или сбереженного без достаточных правовых оснований, и др.). И обусловлено это тем, что названные обязательства возникают в связи не с реализацией, а с нарушением указанных имущественных прав как абсолютных: права собственности, других вещных прав. Кроме того, обязательства из причинения вреда могут возникать и в связи с нарушением абсолютных личных неимущественных прав, осуществление (реализация) которых вообще не приемлет какой-либо формы регулятивных (позитивных) обязательств. Вот почему обязательства, возникающие в связи с нарушением абсолютных гражданских прав, и принято называть охранительными².

¹ См.: Гражданское право / Под ред. Е.А. Суханова М., 1993. С. 12.

² См.: *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 25, 794. Подробно об учении об охранительных правоотношениях см.: Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль. 1991; *Пушкин А.А., Самойленко В.М., Онопенко В.В.* Охранительные обязательства // Бизнес-Информ. Х., 1994. С. 13-14.

Однако не всякие нарушения абсолютных прав влекут за собой возникновение охранительных обязательств. Например, если собственник неправомерно лишается владения своим имуществом или ему создаются препятствия в пользовании и распоряжении имуществом, он может предъявить к нарушившим его право собственности лицам виндикационный или негаторный иск. В связи с этим охранительные обязательства не возникают. Он истребует свою вещь по праву собственности (ст. 144 ГК). Если же имуществу собственника причиняется повреждение, имеет место его уничтожение, иски, основанные на праве собственности, не могут быть предъявлены. В этих случаях возникают охранительные обязательства, в силу которых лицо, причинившее вред имуществу, обязано его возместить. Точно так же и тогда, когда в результате причинения вреда жизни и здоровью граждан у них имеют место имущественные потери (лишение заработка, расходы на лечение и т.д.), возникают охранительные обязательства, в силу которых эти имущественные потери должны быть возмещены. Теперь согласно ст. 7 ГК, где говорится о защите чести, достоинства и деловой репутации, гражданин или организация, являющаяся юридическим лицом, в отношении которых распространены порочащие их не соответствующие действительности сведения вправе, наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения как имущественного, так и морального вреда, причиненного их распространением. Недавно включенная в ГК ст. 440-1 также предусматривает, что моральный (неимущественный) ущерб, причиненный гражданину или организации деяниями другого лица, нарушившего их законные права, возмещается лицом, причинившим ущерб.

В случаях приобретения или сбережения имущества одним лицом за счет другого лица без достаточных на то оснований нарушаются или ущемляются права этого лица. Поэтому и в данных случаях возникают охранительные обязательства, в силу которых кем-либо приобретенное или сбереженное имущество без достаточных к тому оснований должно быть возвращено лицу, право которого оказалось нарушенным (ст. 469 ГК)¹.

Таким образом, охранительные обязательства — это не только отдельный вид, но и особый тип обязательств, характеризующийся тем, что охватываемые этим понятием обязательства являются не просто внедоговорными, а возникающими непосредственно в силу императивного предписания закона, и всегда представляют собой односторонние обязательства (кредитор — только потерпевшая сторона), направленные на возмещение подвергшихся умалению абсолютных прав субъектов гражданских правоотношений. Поэтому неоправданным является включение этих обязательств в ГК в один ряд не только с договорными, но и с теми внедоговорными обязательствами, кото-

¹ В гражданском праве Древнего Рима, как известно, и эти обязательства, защищаемые так называемыми кондиционными исками, в частности исками о возврате не должно уплаченного, относились к категории обязательств, возникающих как бы из договора.

рые возникают на основе односторонних правомерных действий. Охранительные обязательства должны быть представлены в новом ГК в разделе «Обязательственное право» самостоятельными подразделами, в состав которых, помимо названных обязательств, должны быть включены и обязательства, возникающие вследствие предотвращения угрозы ущерба чужому имуществу (например, в случаях добровольного спасения его от пожара)¹, и обязательства, возникающие вследствие создания угрозы жизни и здоровью граждан, а также их имуществу и имуществу юридических лиц в связи с нарушением природной окружающей среды².

Такова в целом система обязательств, таково должно быть ее нормативное регулирование с учетом современных реалий и тенденций дальнейшего развития обязательственного права в новом ГК. В этой системе обязательства из причинения вреда занимают вполне определенное место и выполняют свойственную только им социальную функцию. Исходя из четкого понимания в целом системы обязательств, функциональной роли каждого из типов и видов обязательств, образующих эту систему, можно раскрыть подлинную сущность являющихся предметом настоящего исследования обязательств, возникающих вследствие противоправного причинения вреда действиями субъектов гражданского права, охватываемых понятием обязательств из причинения вреда.

§ 2. Обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, в структуре обязательств из причинения вреда

Обязательствам из причинения вреда, как известно, посвящена специальная глава 40 раздела III «Обязательственное право» ГК (ст. ст. 440-466). Относительно того, какое место эти обязательства занимают в структуре обязательств в целом и как в соответствии с этим должны быть институтированы регулирующие их нормы в новом ГК, сказано выше.

Сейчас же важно отметить следующее. Эти обязательства в свою очередь имеют определенную систему, а именно: они состоят из обязательств не только по возмещению вреда, причиненного противо-

¹ Правда, единства мнений относительно самостоятельного (обособленного) закрепления этих охранительных обязательств нет. Например, насколько можно судить по материалам разработки нового ГК Республики Казахстан, эти обязательства рассматриваются как разновидность обязательств из причинения вреда. Напротив, из материалов, связанных с разработкой нового ГК, следует, что эти обязательства, равно как и обязательства, возникающие вследствие спасения жизни и здоровья другого человека, относятся к обязательствам, возникающим из односторонних положительных действий. Представляется, что все же правильнее считать эти обязательства самостоятельным видом охранительных обязательств.

² Эти обязательства, используя терминологию гражданского права Древнего Рима, можно условно считать обязательствами как бы из деликтов (как бы из правонарушений).

правными действиями, но и обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, на что в свое время впервые справедливо обратила внимание Д.В. Боброва¹. Такого понимания обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, придерживается, например, и А.С. Шевченко, посвятивший одну из своих работ специальному исследованию возмещения вреда, причиненного правомерными действиями². Таким образом, неправильно считать широко распространенное в литературе мнение, что якобы любые обязательства, возникающие в случае причинения вреда, являются деликтными, т. е. возникающими из правонарушений. Следовательно, институт возмещения вреда решает и должен решать более глобальную задачу — обеспечение ликвидации последствий причинения вреда, восстановление нарушенных прав потерпевших с помощью обязательств из причинения вреда, который может наступить в результате не только противоправных, но и правомерных действий. Этим определяется и область применения обязательств из причинения вреда. Да и в ч. 1 ст. 440 ГК говорится, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред, за исключением предусмотренных законом случаев. Здесь нет акцента на то, что подлежит возмещению лишь вред, причиненный противоправными действиями. Напротив, считается, что при определенных обстоятельствах и правомерно причиненный вред подлежит возмещению. Значение этих обязательств обусловлено их общей ролью с обязательствами по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями, которую они должны играть в рамках обязательств, возникающих вследствие причинения вреда. Входить в иную систему обязательств, например, договорных или других внедоговорных, или принимать характер каких-то иных обязательств, выходящих за пределы обязательств из причинения вреда, они не могут. Их место в системе именно последних обязательств. Вместе с тем обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными и правомерными действиями, имеют и весьма существенные различия. Противоправно причиненный вред подлежит возмещению во всех случаях. Вред, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению лишь в случаях, предусмотренных законом (ч. 3 ст. 440 ГК). И одно это уже обуславливает и в системе обязательств из причинения вреда, несмотря на их общую цель, потребность в самостоятельном урегулировании данных обязательств. К сожалению, глава 40 ГК не содержит внутренней классификации предусматриваемых ею обязательств, что является ее недостатком, который также должен быть устранен при разработке нового ГК.

¹ См.: Боброва Д.В. Проблемы деликтной ответственности в советском гражданском праве. Дисс. ... д-ра юрид. наук. К., 1988; Автореферат по указанной диссертации. Х., 1988. С. 30-31.

² См.: Шевченко А.С. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями. Владивосток, 1989.

Не вдаваясь в детальный анализ обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, все же отметим их некоторые специфические особенности. Во-первых, обязанность по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, не предполагается. Правомерность его причинения всегда должна быть доказана, а обязанность его возмещения обоснована ссылкой на конкретный закон. Во-вторых, рассматриваемые обязательства не могут квалифицироваться как возложенная на должника (причинителя вреда) ответственность за причинение вреда, так как вред причиняется правомерными и, следовательно, всегда невиновными действиями. В-третьих, в силу этих обязательств не ставится цель осуждения поведения причинителя вреда (должника). Единственная их цель — обеспечить восстановление имущественного положения потерпевшего. В-четвертых, в силу этих обязательств возмещается только имущественный вред. Вред моральный при этом никогда не возмещается. Именно всеми этими признаками, в частности, и характеризуются предусмотренные ст. 445 ГК обязательства по возмещению вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости. Однако называть их ответственностью за причинение вреда, как это сказано в заголовке ст. 445 ГК, неправильно.

Думается, что к числу такого рода обязательств по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, относятся и предусмотренные Кодексом торгового мореплавания Украины (КТМ) обязательства по распределению убытков, именуемых общей аварией. Согласно правилам об общей аварии убытки, возникшие во время морской перевозки и выразившиеся в намеренных и разумных расчетах или повреждениях, произведенных в целях спасения судна, фрахта и перевозимого на судне груза от общей для них опасности, распределяются между судном, фрахтом и грузом соразмерно их стоимости.

Но это есть обязательства по возмещению правомерного вреда, причиненного действиями субъектов гражданского права — лицами физическими и юридическими, т. е. действиями, которые лишены властного характера. Основанием возникновения этих обязательств является только факт причинения вреда действиями, считающимися согласно закону правомерными.

Особой разновидностью названных обязательств следует считать обязательства, возникающие из правомерных действий органов государственной власти и управления. Эти обязательства обусловлены не только фактом причинения вреда, но и выраженным в законе согласием государства как суверена возмещать причиненный его органами вред субъектам гражданского права. Поэтому основанием возникновения данных обязательств является уже сложный юридический состав, включающий в себя и причиненный в результате его реализации вред охраняемым государством правам и интересам субъектов гражданского права, обязанность возмещения которого приняло на себя государство. Понятно, что эти обязательства должны подчиняться еще целому ряду дополнительных (специальных) правил. Именно такими

обязательствами являются предусмотренные Законом «О собственности»¹ обязательства по возмещению вреда, причиненного собственнику принятием законодательного акта, прекращающего право собственности (п. 4 ст. 48), и обязательства, возникающие вследствие реквизиции имущества у собственника при обстоятельствах чрезвычайного характера — стихийных бедствиях, авариях, эпидемиях, эпизоотиях (п. 3 ст. 55). По смыслу ст. 52 данного закона к этой же группе обязательств из причинения вреда правомерными действиями органов государственного управления следует отнести и обязательства по возмещению вреда, возникающего при прекращении права собственности на дом, иные строения, сооружения или насаждения в связи с изъятием земельного участка, на котором они расположены, в случаях и порядке, установленных законодательными органами. Поскольку эти обязательства хотя и направлены на защиту права собственности, но не являются сами по себе отношениями собственности, то при инкорпорировании норм Закона Украины «О собственности» в новый ГК нормы, регулирующие рассматриваемый вид обязательств, должны быть включены в его подраздел «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда», притом в качестве особой разновидности той группы норм, которые призваны регулировать обязательства по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями. С учетом того, что эти обязательства создают право потерпевших требовать возмещения вреда лишь в случаях, когда они прямо предусмотрены законом и когда изданный на его основе акт управления, ущемляющий или нарушающий имущественные права субъектов гражданского права, отвечает всем условиям этого закона, одновременно должно быть указано: «Возмещение вреда, причиненного субъектам гражданского права подзаконными нормативными актами и актами индивидуального действия, не соответствующими требованиям закона, производится по правилам норм, регулирующих деликтные обязательства».

Хотя сфера действия обязательств по возмещению правомерно причиненного вреда и расширилась в последнее время, но все же она является ограниченной. Да и по природе и сущности своей эти обязательства всегда должны быть персонифицированы и индивидуализированы законом применительно к строго определенным ситуациям. Другое дело — деликтные обязательства, т. е. обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями. Здесь уже действует другой принцип (так называемый принцип генерального деликта), согласно которому сам факт причинения вреда признается (предполагается) противоправным, если причинивший вред не докажет, что был уполномочен на совершение действий, причинивших вред. Так, вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению, если при этом не были превышены ее пределы (ст. 444 ГК). Если эти пределы оказываются нарушенными, возни-

¹ См. Ведомости Верховного Совета Украины. 1991. № 20. Ст. 249 (с последующими изменениями и дополнениями).

кает деликтное обязательство. В новом ГК в числе способов защиты гражданских прав следует предусмотреть и самозащиту этих прав¹. Однако и способы самозащиты должны быть соразмерными нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Если в этих случаях причинение вреда будет выходить за пределы соразмерной самозащиты, возникнет деликтное обязательство. Не должен подлежать возмещению также вред, причиненный лицу в связи с пресечением его преступных действий либо его задержанием и доставлением в соответствующие органы власти. Желательно и это правило иметь в новом ГК. Но в этих случаях, чтобы не возникло деликтное обязательство, причиненный задержанному лицу вред должен быть продиктован обстоятельствами ситуации и не выходить за пределы, диктуемые этой ситуацией.

Из принципа генерального деликта следует положение, согласно которому имущественный вред подлежит возмещению в полном объеме только лицом, его причинившим². Возмещается при этом и моральный вред (ст. 440¹ ГК).

Из сказанного можно сделать вывод, что потенциально сфера действия деликтных обязательств весьма широка³ и заранее не ограничена законом. Закон говорит лишь о том, что вред не возмещается, когда действия причинителя вреда в силу прямого указания закона или исходя из смысла гражданского законодательства можно признать правомерными. И это вполне обоснованно, ибо осуществление прав и исполнение обязанностей не должно причинять вред государству, обществу и другим лицам. Это в полной мере согласуется и с принципами гражданского права, с одной стороны, и неотвратимостью возмещения вреда, причиненного действиями, выходящими за пределы осуществления прав и свобод, — с другой.

Далее отметим то, что в структуре деликтных обязательств, охватываемых общим понятием обязательств по возмещению вреда, предусмотренных главой 40 ГК, необходимо различать два вида обязательств — обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права — лицами физическими и юридическими, и обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями государственных органов и их должностных лиц в области административного управления (ст. 442 ГК)⁴, а также незаконными действиями органовозна-

¹ Это уже предусмотрено в ГК Российской Федерации.

² Напротив, в обязательствах по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями, обязанность возмещения вреда может быть возложена и на другое лицо, указанное в законе (см., например, ст. 445 ГК).

³ Другое дело, что по мере укрепления правосознания субъектов гражданского права на практике сфера действия этих обязательств будет сужаться.

⁴ Думается, что ответственность за вред, причиненный незаконными (противоправными) действиями общественных организаций, а также их должностных лиц, предусмотренная ст. 442 ГК, в новом ГК должна быть исключена из числа данных обязательств и переведена в состав первого вида деликтных обязательств. Это будет соответствовать законодательству о государственной службе.

ния, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 443 ГК). Несмотря на их общность, они все же имеют и свои особенности.

Обязательства, предусмотренные ст.ст. 442, 443 ГК, имеют непосредственной целью защиту абсолютных прав субъектов гражданского права от неправомерного нарушения этих прав органами государственной власти и управления в связи с осуществляемой ими деятельностью, регулируемой не гражданским, а государственным и административным правом. Эти обязательства, как и обязательства по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов власти и управления, тесно соприкасаются с проблемой суверенитета государства¹. Поэтому неслучайно как в теории, так и на практике актуальным остается вопрос об определении того, когда эти органы за вред, причиненный незаконными действиями, отвечают на основе деликтных обязательств, характерных для всех субъектов гражданского права, а когда — при наличии ряда дополнительных условий. Обычно принято считать, что органы государственной власти и управления отвечают за вред, причиненный противоправными действиями, на основаниях, установленных для всех субъектов гражданского права, когда вред причинен их хозяйственно-техническими действиями². В тех же случаях, когда противоправно причиненный вред обусловлен их властными действиями, они возмещают вред в порядке, установленном законом. Согласно ст. 442 ГК вред, причиненный гражданину, может возмещаться на общих основаниях деликтных обязательств, однако при условии, если иное не предусмотрено законом. Кстати, во всех тех случаях, когда органы государственной власти и управления, будучи уполномоченными на причинение вреда, нарушают закон, предоставивший им такие полномочия, неправомерно причиняют вред, они возмещают этот вред на основе деликтных обязательств, подпадающих под специальное правовое регулирование. И это тоже следовало бы учесть в новом ГК.

В целом институт обязательств из причинения вреда призван гарантировать восстановление нарушенных абсолютных прав субъектов гражданского права, исходя из того, что устойчивость и стабильность этих прав — неперемное условие нормального развития отношений, составляющих предмет гражданского права, а возможность восстановления этих прав в случаях их нарушения не может быть обеспечена вещными и подобными им исками, проистекающими из личных неимущественных прав. Соответственно с этим определяется и особая роль института обязательств из причинения вреда в системе правовых мер по защите прав и интересов граждан и организаций. Восстанов-

¹ См.: *Срьоменко Г.В.* Цивільно-правові засоби захисту прав осіб від неправомірних актів органів влади і управління. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 1994. С. 9-11.

² Термин «хозяйственно-технические действия» представляется не вполне удачным, юридически не точным, поэтому мы употребляется другое выражение — «действия субъектов гражданского права».

ление нарушенных прав с помощью названных обязательств состоит не в восстановлении положения, существовавшего до нарушения, поскольку это невозможно, а в возмещении (компенсации или заглаживании) вреда. Иначе говоря, в случае причинения кем-либо другому лицу вреда, выразившегося в нарушении абсолютных прав, вне или независимо от ранее существовавших между ними регулятивных обязательств, сам факт его причинения при наличии других, предусмотренных законом условий служит основанием возникновения особого обязательства — охранительного, в силу которого кредитор (потерпевший) вправе требовать от причинителя возмещения нанесенного ущерба. В этом смысле можно согласиться с В.Ф. Попандопуло в том, что обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, как охранительные правоотношения представляют собой специфическую форму существования нарушенных абсолютных правоотношений¹. В этом смысле прав и Ю.Х. Калмыков, утверждающий, что охранительные обязательства, обусловленные прежде всего причинением вреда, возникают там, где нарушаются нормальный ход, обычная «жизнь» абсолютных правоотношений².

Отметим, что все это имеет не просто теоретическое, но и весьма существенное практическое значение. Например, во всех тех случаях, когда собственник или другое лицо, обладающее иным вещным правом, незаконно лишается своего имущества, но это имущество сохраняется в натуре, иск из причинения вреда не может быть предъявлен. Может быть предъявлен только виндикационный иск. В случае повреждения имущества допустимо предъявление и виндикационного иска, и иска из причинения вреда в размере, на который понизилась стоимость поврежденного имущества. Сказанное имеет и то важное практическое значение, что правила института обязательств из причинения вреда, как это в свое время подчеркнул еще Пленум Верховного Суда СССР, не могут применяться и к договорным обязательствам, и к обязательствам, возникающим из других правомерных действий³. Они смогут применяться лишь в случаях, когда взыскивается возмещение за вред вне указанных обязательств.

Входящие в институт обязательств из причинения вреда подинституты, регулирующие отдельные виды обязательств по возмещению вреда в случаях нарушения абсолютных прав субъектов гражданского права, в свою очередь решают вопросы возмещения вреда в соответствии с их специфическим назначением и ролью в структуре данного института. Учет этого также имеет не только теоретический, но и практический аспект. Результаты такого подхода к структуре институ-

¹ См.: Попандопуло В.Ф. Динамика гражданского правоотношения и ее виды. Владивосток, 1981. С. 18-19.

² См.: Калмыков Ю.Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976. С. 15.

³ См. Сборник постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР 1924-1944 гг. М., 1945. С. 7, 174.

та, обязательства из причинения вреда могут и должны быть использованы для дальнейшего совершенствования законодательства и, что не менее важно, — для точного и единообразного применения норм этого института на практике.

Обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями, составляющие основную массу обязательств в системе обязательств из причинения вреда, в силу самого характера противоправного причинения вреда теснейшим образом связаны с гражданско-правовой ответственностью за нарушение абсолютных прав субъектов гражданского права¹. Более того, они являются правовой формой ее реализации.

Однако при этом необходимо иметь в виду, как правильно указывает Р.О. Халфина, существенное различие двух видов гражданско-правовой ответственности: а) ответственности за противоправное поведение, являющееся юридическим фактом, порождающим обязательство; б) ответственности за нарушение обязанности в существующем договорном или ином регулятивном обязательстве².

Так, если вред явился результатом неисполнения или ненадлежащего исполнения уже существующего между сторонами обязательства, возникшего из договора, административного акта и т.п., то обязанность по его возмещению выступает в качестве санкции за нарушение данного обязательства. Поэтому тогда, когда в соответствии с требованиями ст. 208 ГК договорное или иное регулятивное обязательство не исполняется в натуре или когда такое обязательство как-то иначе нарушается одной стороной, например она отказывается от принятия исполнения, происходит не возникновение нового обязательства, а замена одной обязанности (исполнения в натуре) другой (возмещение убытков). Напротив, как правильно отмечается в литера-

¹ Представляется, что достаточно широко деликтные обязательства, прежде всего связанные с возмещением имущественного вреда, характеризуются В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком, считающими, что это «особая разновидность охранительного правоотношения, и возникает деликтное обязательство только при нарушении абсолютного права и только там и постольку, где и поскольку нарушение абсолютного права и обеспечивающей его запретительной нормы связано с причинением носителем субъективного права имущественного ущерба в смысле уменьшения его имущественной сферы». Оно применяется для того, чтобы устранить отрицательные имущественные последствия правонарушения, восстановить имущественную сферу потерпевшего в прежнее состояние на компенсационной основе, т.е. путем полного возмещения причиненного вреда» (Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983. С. 27).

² См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 322. В гражданско-правовой литературе вопрос об ответственности ставится и в более широком плане, не только в отношении договорных или деликтных обязательств, а и в отношении других гражданских правоотношений, таких, как лишение права собственности на имущество ввиду его бесхозяйственного содержания (см. Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 96-97). Однако такие меры, как представляется, являются мерами не гражданско-правовыми, а государственно-административными.

туре, обязанность возместить противоправно причиненный вред по правилам главы 40 ГК сама по себе является мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда, обязанному этот вред возместить согласно закону с целью восстановления нарушенного положения потерпевшего¹. В качестве особенности, присущей только деликтной ответственности, выступает то обстоятельство, что до совершения правонарушения между причинителем вреда и потерпевшим этой ответственности не существует. Или, как говорит Е.А. Флейшиц, здесь возмещение вреда не связывается с нарушением обязательства, существующего между ответственным за вред и потерпевшим².

Ответственность за противоправно причиненный вред, вызванный нарушением абсолютных прав субъектов гражданского права, существует, проявляется и реализуется в виде самостоятельного гражданского правоотношения³. Напротив, ответственность за нарушение договорного или иного регулятивного обязательства выражается лишь в замене одной обязанности должника другой и определяется условиями договора или иного правомерного волеизъявления в соответствии с законом, регулирующим данный вид регулятивного обязательства. Поскольку нормы главы 40 ГК конструируют обязательства по возмещению противоправно причиненного вреда в виде ответственности за причиненный вред, то они выполняют не только компенсационную, но и восстановительную функцию.

Вместе с тем нельзя не видеть, что нормы главы 40 ГК прежде всего рассчитаны на всестороннее регулирование обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права. Это обусловлено тем, что основу всех гражданских правоотношений составляют абсолютные правоотношения, и необходимо, чтобы в гражданском обществе им была обеспечена не только вещно-правовая, но и обязательственно-правовая защита. Исторически это самый древний вид обязательств. Договорное и все другие регулятивные обязательства возникли значительно позже, когда натуральное хозяйство превратилось в меновое⁴. Одновременно это и наиболее универсальные обязательства, так как возникновение их не ограничено случаями, прямо указанными в законе, как это установлено для обязательств по возмещению вреда, причиненного органами государственной власти и управления. Властное воздействие последних на гражданские правоотношения в правовом государстве

¹ См.: *Смирнов В.Т.* Обязательства, возникающие из причинения вреда. Л., 1972. С. 9; Загальна теорія цивільного права / За ред. О.А. Підпригори і Д.В. Бобрової. К., 1992. С. 202-210.

² См.: *Флейшиц Е.А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 7.

³ См.: *Алексеев С.С.* Теория права. М., 1994. С. 135; *Пушкин А.А.* Гражданско-правовая ответственность // Основы государства и права. Х., 1995. С. 121-122.

⁴ См.: *Подпригора А.А.* Основы римского гражданского права. С. 250.

должно быть сведено к минимуму, к разумным пределам. Возможность воздействия, в том числе и не основанного на законе, субъектов гражданского права друг на друга сохраняется весьма широко. Соответственно обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, нуждаются и в более широкой законодательной регламентации. При этом актуальность и более широкая регламентация этих обязательств особенно повышаются в связи с переходом республик бывшего СССР, в том числе Украины, к рыночной экономике, в условиях которой противоправное причинение вреда может выражаться и в неправильном использовании рекламы, и в недобросовестной конкуренции, и в предоставлении (продаже и т.д.) вещей, таящих в себе опасность, что в ГК совершенно не учитывается и непременно должно быть учтено в новом ГК.

Однако определенная дифференциация правового регулирования этих обязательств с точки зрения условий (оснований) их возникновения имеется. ГК, как известно, предусматривает общие условия (основания), при наличии которых возникают данные обязательства (ст. 440 ГК), и ряд особенностей, которыми характеризуются в своем возникновении отдельные виды обязательств этой группы (ст.ст. 446-450 ГК)¹.

¹ Принимая во внимание тот факт, что ч.1 ст. 456 ГК, где говорится об ответственности за повреждение здоровья и смерть гражданина, связанные с исполнением им трудовых обязанностей, в новой ее редакции согласуется со ст.ст. 440 и 450 ГК, мы сочли возможным специально на анализе этой статьи не останавливаться. Кроме того, в литературе считается, что нормы ст. 456 ГК вообще должны быть включены в трудовое законодательство.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Основания возникновения обязательств по возмещению противоправно причиненного вреда и условия его возмещения

Вопрос об основаниях возникновения обязательств по возмещению противоправно причиненного вреда и условиях его возмещения до сих пор считается дискуссионным. Это связано с тем, что не все представители юридической науки однозначно трактуют понятия оснований возникновения данных обязательств и условий возмещения вреда в силу этих обязательств. Одни из них допускают смешение или отождествление этих понятий, другие, различая эти понятия, не устанавливают четкости и ясности в их соотношении.

По мнению большинства цивилистов, основанием возникновения деликтных обязательств является состав правонарушения, характеризующийся определенной совокупностью составляющих его элементов как объективных, так и субъективных. К объективным элементам относятся: а) противоправное действие; б) вредный результат этого действия; в) причинная связь между противоправным действием и вредным результатом. Субъективным элементом состава гражданского правонарушения считается вина правонарушителя. Более того, делается вывод, что указанный состав гражданского правонарушения является основным и единственным основанием и что нельзя говорить об ответственности причинителя вреда, если хотя бы один элемент этого состава отсутствует.

С.С. Алексеев, например, пишет: «При отсутствии законченного состава правонарушения лицо не может быть привлечено к гражданской ответственности»¹.

Другие авторы, придерживаясь этой же точки зрения, особо акцентируют внимание на том, что без вины нет ответственности. И если законодатель все же возлагает ответственность за причинение вреда на невиновного, пишут они, то он использует лишь «модель ответственности». Н.С. Малеин указывает: «Нет никаких оснований и необходимости наполнять эту модель чуждым ей содержанием»².

Законодатель тем не менее возлагает на причинителя вреда обязанность возместить вред, например, в случаях причинения его источ-

¹ См.: Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. С. 48.

² См.: Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968. С. 27; Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 7.

ником повышенной опасности (ст. 450 ГК) независимо от вины причинителя вреда. Поэтому О.А. Красавчиков разработал теорию риска, согласно которой возмещение вреда в этих случаях производится не на началах ответственности, а в порядке особой правовой формы восстановления имущественного положения потерпевшего¹. Так оказались сформулированными два начала или два вида «оснований» возмещения противоправно причиненного вреда — ответственность, основанная на принципе вины, и особая правовая форма восстановления имущественного положения потерпевшего, основанная на принципе локализации вреда на его причинителе.

Несколько по-иному подошел к проблеме риска В.А. Ойгензихт, считая, что и в самом понятии риска присутствует субъективный момент — сознание и воля причинителя вреда, вследствие чего у него и возникает обязанность возместить вред². Так была сформулирована теория субъективного основания безвиновной ответственности за противоправно причиненный вред, которой сейчас придерживается и С.Н. Братусь³.

Представляет интерес эволюция взглядов Г.К. Матвеева. В шестидесятые годы он писал: «Лицо отвечает за свои действия, по общему правилу, только в случае, когда его действия носят противоправный характер, если эти действия наносят кому-либо известный ущерб, при наличии причинной связи между действием и ущербом и, наконец, когда эти противоправные и вредные действия являются виновными, т.е. являются результатом умысла или неосторожности правонарушителя»⁴. Однако его позиция и тогда была не столь категорична, как у С.С. Алексеева. Считая, что состав правонарушения является основанием гражданско-правовой ответственности, Г.К. Матвеев при этом все же подчеркивал — «по общему правилу». Позднее он пишет, что в гражданском праве существуют не только «виновная», но и «безвредная» и «беспричинная» ответственность, а также ответственность «при отсутствии противоправности». При этом он по-прежнему считает, что ответственность, как правило, возникает в результате правонарушения — противоправного и виновного причинения вреда. Что же касается других указанных в законе оснований по возмещению вреда и именуемых законодателем ответственностью, то в этих случаях правильнее было бы говорить не об ответственности, а об обязанности возместить вред или уплатить штраф⁵. И, наконец, автор заключает: «Поскольку необходимо считаться с принятой в законодательст-

¹ См.: Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 131-137.

² См.: Ойгензихт В.А. Категория «риска» в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. N 5. С. 67.

³ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 177-178.

⁴ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. К., 1955. С. 24.

⁵ См.: Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 7, 17.

ве и установившейся в судебно-арбитражной практике традиционной терминологией, то нужно признать, что при неполноценности состава правонарушения так называемая «ответственность» возникает не из правонарушения, а из специальных юридических фактов, прямо предусмотренных законом»¹.

И все же большинство юристов, в том числе и автор настоящей работы, являются сторонниками теории ответственности, основанной на вине с исключениями, смысл которой состоит в следующем: ответственность за причиненный вред, по общему правилу, наступает при наличии вины причинителя вреда, а в случаях, предусмотренных законом, — и без вины. Установление ответственности без вины Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц, А.М. Белякова видят в необходимости «должного, нужного государству и обществу поведения»², М.М. Агарков — в стимулировании «повышенной бдительности»³, В.С. Серебровский — в обеспечении «особой предосторожности»⁴. Пожалуй, только К.К. Яичков считал, что нет никаких оснований утверждать, что вина как одно из этих начал — главное, определяющее, исходное по сравнению с другим — причинением⁵.

Во всех этих теориях, как верно заметили В.Т. Смирнов и А.А. Собчак, вольно или невольно допускается смешение понятий оснований и условий возмещения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права⁶. Более того, к этим отношениям без каких-либо к тому веских причин применяются категории уголовного права, т.е. они неосновательно подвергаются криминализации.

Представляется, что для правильного решения проблемы об основаниях и условиях деликтной ответственности необходимо прежде всего исходить из той посылки, что обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, — материально-правовые отношения, охраняемые и защищаемые государством (законом). Они таковыми являются и тогда, когда вред причиняется противоправными действиями.

В этом последнем случае названные обязательства приобретают лишь форму правоотношения, именуемого гражданско-правовой ответственностью, в силу которого причинитель вреда обязывается возместить вред потерпевшему.

³ См.: Матвеев Г.К. Основания юридической ответственности // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 30.

² См.: Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 88; Белякова А.М. Возмещение причиненного вреда. М., 1972. С. 10-12; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 137.

³ См.: Агарков М.М. Возникновение обязательств из причинения вреда // Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. М., 1944. С. 337.

⁴ См.: Серебровский В.И. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Советское гражданское право / Под ред. С.Н. Братуся. М., 1950. С. 521.

⁵ См.: Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве // Вопросы гражданского права. М., 1957. С. 170.

⁶ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 53.

Разумеется, и уголовное преступление причиняет вред, но оно также в этом случае порождает обязательство по возмещению вреда. Поскольку, однако, это противоправное действие является еще и общественно опасным, то за нарушение абсолютного гражданского права наступает и уголовная ответственность, но не перед потерпевшим, а перед государством, и не в форме возмещения причиненного вреда. Поэтому вообще неправильно включать в систему правоотношений и охватывать этим понятием так называемые уголовные правоотношения, якобы особо возникающие в результате совершения преступлений¹. В самом сочетании слов «уголовные» и «правоотношения» заключено противоречие. Если это правоотношение, то оно должно защищаться и охраняться. Если же это уголовное отношение, то оно преступно, подлежащее пресечению. Кроме того, следует иметь в виду, что нормы уголовного законодательства своего предмета регулирования не имеют в том смысле, что они охраняют гражданские и другие правоотношения. Материально-правовым основанием применения наказаний, предусмотренных нормами уголовного законодательства, является общественно опасное посягательство на эти правоотношения. Расследование преступлений и применение к преступнику уголовно-правовых наказаний осуществляется в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, а не каких-то особых материальных уголовных правоотношений. Следует заметить, что исторически нормы уголовного законодательства отпочковались от норм гражданского законодательства, образовав в силу усиления деятельности государственной власти самостоятельную отрасль законодательства².

Следует полностью согласиться с В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком в том, что если социальное назначение уголовной ответственности заключается в предупреждении совершения преступлений и перевоспитании преступника путем применения к нему мер наказания, а мерой ответственности являются форма и степень его вины, то назначение гражданско-правовой ответственности, в том числе деликтной, состоит в том, чтобы лишить причинителя вреда части его имущества с последующей передачей имущества в собственность потерпевшего с целью компенсации его имущественных потерь³.

Из сказанного можно сделать вывод и о том, что коль скоро нормы гражданского права регулируют абсолютные имущественные и другие отношения в их «обычном» состоянии и в то же время призваны восстанавливать эти отношения в случае нарушения их кем-либо, то вполне закономерно и возникновение гражданско-правовой деликтной ответственности в качестве особого вида гражданских правоотношений. При этом М.М. Агарков справедливо замечает: «Если

¹ См.: Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5. С. 499.

² Эта связь указанных норм, например, наглядно проявлялась в первых в истории народов сборниках законов: законах царя Хаммурапи, XII таблицах, Салической правде, Русской правде.

³ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 55.

право считается с умыслом и неосторожностью, то это не означает, что там, где нет умысла и неосторожности, право не имеет значения и не может быть правонарушением. Закон связывает определенные последствия и с теми случаями человеческого поведения, когда лицо, нарушившее норму, делает это без умысла и не по неосторожности¹.

Словом, когда речь идет об основаниях возникновения деликтных обязательств, законодатель имеет в виду сущность самого явления, а не установившуюся в законодательстве и судебной практике традиционную терминологию. А сущность этого явления состоит в том, что деликтное обязательство — гражданское правоотношение, возникающее в силу определенного основания. Под основаниями возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений, как известно, следует понимать определенные жизненные обстоятельства, именуемые юридическими фактами, с которыми закон связывает наступление указанных последствий². Основанием возникновения деликтных обязательств закон называет только противоправное причинение вреда (ст.ст. 4, 151, 440 ГК), т. е. правонарушение³.

Таким образом, основания возникновения указанных обязательств — это та основа, на которую опирается правопритязание кредитора и из чего возникает обязанность должника в правоотношении. Г.К. Матвеев был прав, когда писал, что в гражданском праве могут существовать не только «виновная» и «невиновная» ответственность, но даже и «беспричинная»⁴.

Другое дело, что реакция государства на совершенное правонарушение возможна лишь при наличии условий, установленных законом. Следовательно, условия — это те признаки, которые характеризуют «основание» и без наличия которых явление не может возникнуть. Они характеризуют факт в целом или отдельные его стороны. Эти признаки определены в законе как нормативные требования, которым в каждом конкретном случае должно отвечать «основание», т. е. юридический факт. Ведь таким же нормативным требованиям (условиям) должна отвечать и сделка как одно из оснований возникновения гражданских правоотношений. Но никто не утверждает, что эти условия действительности сделок сами по себе и являются основанием возникновения гражданских правоотношений.

¹ См.: Азарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 145.

² См.: Советское гражданское право / Под ред. В.Ф. Маслова, А.А. Пушкина. К., 1988. Ч. 1. С. 200.

³ Правда, иногда и законодатель под основанием деликтной ответственности понимает не сам факт причинения вреда, а условия, при которых наступает ответственность за причиненный вред (см., напр., ст. 447 ГК, детальный анализ которой осуществлен в § 3 главы III настоящей работы).

⁴ Статья 406 ГК 1922 г. предусматривала, что работодатель мог быть принужден к возмещению вреда, если он его не причинил, но для него было необременительно возместить этот вред.

Однако вполне естественно, что условия или нормативные требования, с учетом которых возникают деликтные обязательства, имеют свои особенности. В.Т. Смирнов и А.А. Собчак справедливо отмечают: «В одних случаях для возложения ответственности на причинителя вреда необходимо наличие его вины. В других — ответственность наступает независимо от вины и даже без вины. В третьих, не только случай, но даже действие непреодолимой силы не освобождает причинителя вреда от ответственности. В четвертых, учитывается специфика деятельности, при осуществлении которой причиняется вред»¹.

В соответствии со сказанным все условия деликтной ответственности подразделяются на две группы: общие и специальные. Общие условия регламентируются ст. 440 ГК. Специальные условия, при наличии которых возникают обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, предусмотрены в ст.ст. 446-450. Разумеется, что общие и специальные условия неверно рассматривать как сложный юридический состав, т. е. как основание, состоящее из ряда юридических фактов, с которыми якобы и связывается возникновение обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права.

§ 2. Состав общих условий возникновения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права

Исходя из смысла ст. 440 ГК, построенной на принципе генерального деликта, в состав общих условий рассматриваемых деликтных обязательств включаются следующие элементы: причинение вреда; противоправность поведения причинителя вреда; причинная связь между противоправными действиями и наступившим вредом; вина причинителя вреда. Эти условия отнесены к общим потому, что для возникновения деликтного обязательства их наличие необходимо во всех случаях, если иное не предусмотрено законом. Можно сказать и так: при отсутствии специальных условий, предусмотренных законом, ответственность за причиненный вред наступает на общих основаниях (ст. 440 ГК).

В числе этих общих условий деликтной ответственности следует прежде всего выделить вредные последствия противоправного деяния, так как, несмотря на наличие противоправных и виновных действий правонарушителя, деликтное обязательство не может возникнуть при отсутствии вреда. В юридической литературе еще не выработано единое определение понятия вреда. Так, Е.А. Флейшиц вредом называет уничтожение или умаление охраняемого правом блага. Такими благами являются разнообразнейшие материальные вещи, а также нематериальные блага — жизнь, здоровье, имя, честь граждан и организаций, авторство литературных, научных, художественных произве-

¹ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 56.

дений, авторство технических изобретений и усовершенствований¹. Аналогичное определение вреда дано и А.М. Беляковой, считающей, что вредом в праве является умаление принадлежащего организации или гражданину личного или имущественного блага². По определению Н.С. Малеина «Вред — социальное понятие. В наиболее общей форме вред может быть определен как последствие нарушения охраняемых законом прав и интересов государства, организаций или граждан»³.

Из приведенных определений понятия вреда можно сделать вывод, что этим термином обозначаются последствия правонарушения, в результате наступления которых повреждается либо уничтожается имущество потерпевшего, а также наступают отрицательные имущественные последствия, связанные с нарушением личных неимущественных благ. Однако теперь понятием вреда (ст. 440¹ ГК) охватывается и моральный вред, под которым понимаются причиненные лицу душевные, нравственные страдания и переживания. Эти последствия и выступают в качестве условия возникновения деликтного обязательства.

Как синонимы рассматривают вред и ущерб В.А. Тархов, А.М. Белякова и Г.К. Матвеев⁴. И с этим следует согласиться. Однако вредный результат противоправного действия является непрямым признаком (условием) гражданского деликта. В этом смысле гражданское правонарушение (вот здесь уже вопреки мнению Г.К. Матвеева) можно рассматривать как определенное единство противоправного действия и его вредного результата. С точки зрения гражданского права безвредных, безрезультатных противоправных действий, как правило, не бывает. Исключение составляет лишь договорная ответственность за случаи неисполнения договора, когда последствия неисполнения не выражаются в точно установленных убытках и когда ответственность неисправного контрагента ограничивается штрафными санкциями независимо от наличия убытков. Тем более гражданско-правовой деликт нельзя отождествлять с уголовным преступлением, в состав которого может и не входить как его необходимый элемент наступление конкретных вредных последствий. Именно в зависимости от этого в уголовном праве принято различать материальные и формальные составы преступлений. В гражданском праве значение имеет только «законченное» правонарушение. Или, говоря иначе, гражданская деликтная ответственность наступает лишь тогда, когда противоправное действие (бездействие) завершено и в результате этого потерпевшему причинен реальный ущерб.

¹ См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. С. 20.

² См.: Белякова А.М. Имущественная ответственность за причинение вреда. М., 1979. С. 7.

³ См.: Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. С. 5.

⁴ См.: Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 141; Белякова А.М. Указ. соч. С. 7-8; Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. С. 37.

Однако для полного раскрытия сущности вреда, причиненного гражданским деликтом, надо различать вред, причиненный имущественным и личным неимущественным правам субъектов гражданского права. К личным правам граждан, как известно, относятся: право на имя, честь и достоинство, неприкосновенность личности, жилища, жизни и здоровья, ряд авторских прав и др. Личные права юридических лиц включают право на фирму, деловую репутацию, честь, достоинство и пр. Следует также иметь в виду, что в одних случаях нарушение личных прав не вызывает материального ущерба, а в других — сопряжено с отрицательными материальными последствиями (например, повреждение здоровья может сопровождаться потерей заработка, умалением деловой репутации, престижа физического или юридического лица, влечь у него возникновение убытков). Поэтому, говоря о нарушении личных прав, следует помнить, что их нарушение может сопровождаться причинением как имущественного, так и неимущественного (морального) вреда. С учетом сказанного ст. 440 ГК, где говорится только об имущественном вреде, связанном с нарушением имущественных прав субъектов гражданского права, в новом ГК следовало бы сформулировать в такой редакции: «Имущественный вред, неправомерно причиненный личным благам физических и юридических лиц, а также вред, неправомерно причиненный имуществу физических и юридических лиц, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред»¹.

Вместе с тем исследование вреда, причиненного имуществу, целесообразно проводить наряду с анализом имущественных отношений. Имущественными признаются общественные отношения, которые «так или иначе касаются имущества»², складываются «по поводу имущества, в связи с имуществом»³, «обладают определенной экономической ценностью (возникают по поводу экономических ценностей)»⁴, «ввиду их связи со средствами производства, предметами потребления или иными продуктами труда человека»⁵. «Имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, имеют стоимостную форму»⁶. Поэтому правильным является утверждение Н.С. Малеина: «Материальные (экономические) последствия правонарушения (умаление имущества), имеющие стоимостную форму — это и есть имущественный вред в понимании гражданского права... Имущественный гражданско-правовой вред может быть определен как разность между материальным положением потерпевшего до и после правонарушения»⁷.

¹ О развернутой характеристике неимущественного вреда (морального), причиненного противоправными действиями, в том числе и в случаях, предусмотренных ст. 440¹ ГК, а также об условиях и способах его возмещения см. § 3 главы IV настоящей работы.

² Азарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 38.

³ Алексеев С.С. Предмет советского социалистического права // Учен. труды. Сер. «Гражданское право». Свердловск, 1959. Т. 1. С. 18.

⁴ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 34.

⁵ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л., 1958. С. 7.

⁶ Там же. С. 8-9.

⁷ Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. С. 9.

Имущественный вред, выраженный в денежной оценке, признается убытком, подлежащим возмещению при невозможности, нецелесообразности, при отказе потерпевшего от возмещения вреда в натуре. Под убытками понимаются расходы, произведенные потерпевшим, утрата или повреждение его имущества, а также не полученные доходы, которые он получил бы, если бы не было правонарушения¹. Такое понимание убытков имеет важное практическое значение, поскольку в результате совершенного правонарушения может быть причинен ущерб наличному имуществу непосредственно либо исключена возможность приобретения имущества, которого у потерпевшего на момент правонарушения не существовало, но оно могло быть создано или получено при отсутствии правонарушения. Поэтому следует включать в состав убытков как положительный ущерб, так и утраченный доход. Такая классификация убытков будет обеспечивать реализацию принципов полного возмещения вреда, предусмотренного ст. 440 ГК.

В юридической литературе нет единой точки зрения по вопросу о разграничении убытков на прямые и косвенные. В.И. Кофман считает, что деление убытков на прямые и косвенные не обосновано². Напротив, по мнению Г.К. Матвеева, следует различать и эти два вида убытков. Он пишет: «Прямым признается убыток, находящийся в необходимой связи с противоправным действием (бездействием); действие в этом случае является существенной причиной по отношению к конкретному ущербу, причиной, без наличия которой этот ущерб не наступил бы. Косвенным признается убыток, находящийся с противоправным действием (бездействием) в случайной связи и в то же время в необходимой связи с каким-то другим породившим его обязательством»³. Такую позицию разделяют и другие авторы.

Однако и те авторы, которые признают наряду с прямыми и косвенные убытки, придерживаются различного мнения о возможности взыскания последних. Г.К. Матвеев, например, считает, что возмещению подлежат лишь прямые убытки, косвенные не возмещаются⁴. Напротив, Л.А. Лунц и И.Б. Новицкий полагают, что ограничение ответственности только прямыми убытками является по существу отступлением от принципа полного возмещения вреда⁵.

Представляется, что более убедительной является точка зрения Г.К. Матвеева, так как если между действием (бездействием) и вредом нет достаточной причинной связи, то, следовательно, и вред причинен не данным действием, и говорить об обязанности возмещения вреда (и тем более в полном объеме) нет достаточных оснований. Однако нельзя полностью исключать то обстоятельство, что в некото-

¹ Такое определение убытков дается в ст. 203 ГК, однако применительно к регулятивным (договорным) обязательствам.

² См.: Кофман В.И. Основные вопросы причинной связи в свете общей проблемы гражданской ответственности // Вестн. ЛГУ. 1950. № 10. С. 124.

³ Матвеев Г.К. О прямых и косвенных убытках // Правоведение. 1963. № 2. С. 457.

⁴ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. С. 49-58.

⁵ См.: Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 372-373.

рых случаях, в зависимости от степени вины причинителя вреда, возможна постановка вопроса о юридическом признании косвенных убытков, что здесь и случайная причинная связь может оказать свое воздействие на наступление вредного результата.

В неразрывной связи с вредом находится и второй элемент общих условий ответственности за причинение вреда — противоправное поведение причинителя вреда.

Обязанность возместить вред может быть возложена на его причинителя лишь в том случае, если вред вызван его противоправным поведением. И только в этом, а не в каком-либо ином случае наступает деликтная ответственность за причинение вреда.

В основе противоправного поведения лежит действие или бездействие субъекта гражданского права. Действие в самом широком и общем смысле этого слова есть объективированная воля (и сознание) человека, т. е. целеустремленное и волевое движение или, напротив, целеустремленное и волевое воздержание от определенного движения. Именно этим, как справедливо пишет Г.К. Матвеев, нормальные действия людей отличаются от поведения животных, в основе биологического состояния которых заложены инстинкты, а не разум¹. Уместно в связи с этим вспомнить и слова К. Маркса о том, что «... самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально»². Вместе с тем объективные и субъективные стороны любого действия человека следует рассматривать только в их сочетании. Изолированные друг от друга, они безразличны для права «лишь постольку, — писал К. Маркс, поскольку я проявляю себя, я вступаю в область действительности, я вступаю в сферу действия законодателя. Помимо своих поступков я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»³. Поэтому действие становится противоправным только тогда, когда оно нарушает установленные государством правовые нормы. Однако, чтобы при этом возникло деликтное обязательство, нарушение правовой нормы должно сопровождаться и нарушением конкретного субъективного гражданского права физического или юридического лица.

Бездействие, равно как и действие, может приводить к наступлению вредного результата. Вместе с тем бездействие нельзя сводить к простой пассивности субъекта гражданского права. В юридическом смысле оно представляет собой несвершение конкретного действия, т. е. такого действия, которое предписывалось данному субъекту, вменялось ему в обязанность. Для возникновения деликтного обязательства и в этом случае нужно, чтобы бездействие привело к нарушению абсолютного гражданского права соответствующего лица.

¹ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. С. 25.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1950. С. 85.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 120.

Таким образом, бездействие как акт внешнего поведения человека с точки зрения юридической принципиально не отличается от действия: как то, так и другое сопровождается волевым поведением лица, может вызвать противоправный результат. Поэтому представляется неубедительным утверждение Б.С. Антимонова, что закон, говоря о «причинении бездействием», употребляет лишь вошедшее в повседневный язык идиоматическое выражение, что речь идет в законе «только об упущении, а ответственность возлагается в таких случаях не за действие (его ведь нет) и не за его последствия (не за чем следовать), а за события, которые естественно произошли в отсутствие действия (его должен был совершить обязанный, но виновно не совершил)»¹.

Приведенное обоснование противоправного действия (бездействия) как элемента общих условий гражданско-правовой деликтной ответственности существенно расходится с понятием противоправного поведения как элемента состава преступления, чем лишний раз подтверждается недопустимость аналогии между этими позициями.

Прежде всего указанные действия отличаются друг от друга по тому, на что они направлены, т. е. по объекту, а также по степени общественной опасности.

Объектом уголовных противоправных действий принято считать общественные отношения и соответствующие нормы права, которые регулируют эти отношения и в результате преступного действия оказываются нарушенными преступником². Нарушается объективное право. Гражданские же противоправные действия нарушают как нормы объективного права, так и субъективные гражданские права физических и юридических лиц. Если преступлением нарушаются и субъективные гражданские права граждан и организаций, то их восстановление все равно обеспечивается с помощью гражданско-правовых средств защиты.

Всякое уголовно наказуемое деяние является общественно опасным. Гражданско-правовые деликты обладают меньшей степенью общественной опасности, да и опасность эта носит несколько иной характер. Недопустимо нарушение нормального хода развития гражданских правоотношений, в силу которого его субъектам причиняется вред.

Противоправность действия как условие возникновения деликтных обязательств предполагается. Противоправность действия как элемент состава преступления должна быть прямо предусмотрена за-

¹ Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Тр. науч. сессии ВЮН. 1-6 июля 1946 г. М., 1948. С. 65; *Его же*. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 144-145.

² См.: Гельфер М.А., Гришаева П.И., Здравомыслова В.В. Советское уголовное право. Часть общая. М., 1972. С. 105; Бажанов М.И. Уголовное право Украины. Общая часть. Днепропетровск, 1992. С. 30.

коном. Она не предполагается. Здесь действует принцип *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания о том в законе).

Следует также отметить, что некоторые действия субъектов гражданского права, которые могут причинить вред другим лицам, фактически не выступают ни опасными, ни противоправными, а наоборот, при определенных обстоятельствах являются правомерными (дозволенными) и общественно полезными действиями. К ним, к примеру, относятся действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, а также действия, совершенные субъектами гражданского права в пределах предоставленных им правомочий и в соответствии с назначением принадлежащих им прав. Действия субъектов гражданского права, осуществляющих свои права, выходя за их пределы, установленные законом, следует считать противоправными, а если они при этом причиняют вред другим лицам, то и порождающими деликтные обязательства.

Третьим обязательным элементом состава общих условий гражданско-правовой деликтной ответственности за причинение вреда является причинная связь между противоправным поведением причинителя и наступившим вредом.

По мнению В.Т. Смирнова и А.А. Собчака, причинная связь выполняет функцию определителя объективно мыслимой границы ответственности за вредные последствия противоправного поведения¹. При этом они полагают, что постановка вопроса о существовании так называемой «беспричинной» ответственности (имея в виду высказывание Г.К. Матвеева) применительно к деликтным обязательствам лишена каких-либо оснований. Здесь, как представляется, авторы не совсем правы. Конечно, вред не может возникнуть, если нет причины, его вызвавшей. Но законодатель вправе установить обязанность того или иного лица по возмещению вреда, если причиной вреда явились не его действия, а иные обстоятельства. Ранее отмечалось, что ст. 406 ГК 1922 г. устанавливала именно такую «беспричинную обязанность» по возмещению вреда. Да и прежний Воздушный кодекс Украины, устанавливая обязанность воздушной транспортной организации по возмещению вреда, причиненного во время взлета самолета, его полета и посадки и при обстоятельствах непреодолимой силы, исходил из того, что причиной этого вреда является не действие экипажа самолета, а обстоятельства этой непреодолимой силы (удар молнии, густой туман и т.д.). Иное дело, что эти причины — исключение.

В.Т. Смирнов и А.А. Собчак правы в том, что действительной причиной вреда, как правило, должны быть противоправные действия лица, причинившего этот вред. Более того, авторы правы и в том, что в отдельных случаях деликтной ответственности возникает необходимость установления не одного, а двух и более рядов (звеньев) причинной связи².

¹ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 71.

² Там же.

Так, действительно, при причинении увечья гражданину противоправными действиями другого лица необходимо установить наличие причинной связи: а) между противоправным поведением и увечьем; б) между увечьем и утратой потерпевшим трудоспособности. При этом все ряды причинной связи должны быть юридически значимыми, т. е. необходимыми и достаточными для привлечения нарушителя к ответственности.

В юридической науке разработано несколько теорий причинной связи: необходимого условия; реальной возможности вмешательства; непосредственного причинения; необходимой и случайной причинной связи; возможного и действительного причинения и др. Все они хорошо известны и нет необходимости особо останавливаться на них. Тем более, что ни одна из них не является общепризнанной, а мы не предлагаем новой теории.

Однако следует согласиться с В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком в том, что для правильного уяснения сущности проявления причинной связи в правоотношении необходимо руководствоваться следующими понятиями.

1. Причинная связь имеется там, где существует временная последовательность явлений. Причина всегда предшествует результату, а результат есть лишь то изменение во внешнем мире, которое производится действием причины. От причины к следствию — таков непрерывный путь развития любой причинно-следственной связи. От следствия к причине — таков путь выявления причин уже наступившего результата.

Процесс установления судебными органами причинной связи как условия гражданско-правовой ответственности всегда имеет ретроспективный характер, заключается в восхождении от вредоносного результата к его причинам: юридически значимым, если убытки были вызваны противоправным поведением должника; юридически безразличным (т. е. не влекущим ответственности), если убытки явились результатом правомерного поведения.

2. Причина с необходимостью порождает свое следствие. Связь между причиной и следствием всегда необходима. Там, где связь результата с предшествовавшим ему действием случайна, вообще нет причинной связи, а есть лишь простая последовательность явлений. Причинная связь между фактами действительности отличается от других форм связи свойствами конкретности, постоянности и однозначности.

Конкретность причинной связи требует установления подлинного причиняющего воздействия каждого обстоятельства в реальных условиях совершенного правонарушения, а не предположительных соображений о якобы возможном ходе развития ввиду обстоятельств, потенциально способных предотвратить результат, но в действительности не существовавших.

3. Причина и следствие имеют значение как таковые только в применении к данному конкретному случаю. Поэтому необходимо изолировать отдельные явления из общей системы взаимосвязей (взаимодействия): одно — как причину, а другое — как ее результат. Но

для того чтобы выделить из общей системы взаимодействия конкретную причинно-следственную связь, необходима разработка специальных приёмов (способов) такого выделения. Каждое явление возникает в результате действия не одной какой-либо причины, а целого причинного комплекса, т. е. совокупности условий, предшествовавших или сопутствовавших результату. Поэтому не все связи и условия из этого комплекса имеют одинаковое значение для возникновения и развития результата. Необходимо выделение юридически значимой причинной связи.

4. При выделении причинно-следственных связей в общественных (в том числе правовых) отношениях необходимо проводить различия между общественными и естественными рядами причинности, т. е. различать юридически значимую причину, которой всегда является поведение человека, и естественную связь событий, контактно связанную с результатом. При постановке вопроса об ответственности естественная цепь событий (обстоятельств) в каждом конкретном случае должна изучаться с точки зрения того, какое место в ней занимает поведение человека, т. е. необходимо учитывать прежде всего общественные последствия поведения его участников¹.

Важное значение при установлении причинной связи между противоправными действиями и их последствиями имеет вопрос о соотношении «случая» (казуса) и непреодолимой силы. Одни правоведы рассматривают казус как понятие, противоположное понятию вины, другие — отождествляют случай, равно как и непреодолимую силу, с явлениями объективного характера. Положим, что казус (как он понимается в юридической науке) следует относить к явлениям субъективного порядка, а обстоятельства непреодолимой силы — к явлениям объективного характера. Однако составом общих условий деликтной ответственности они не охватываются.

Четвертым элементом раскрываемого состава условий ответственности за причинение вреда является вина причинителя вреда.

Вина причинителя вреда — субъективный элемент этих условий. Это означает, что деликтная ответственность, по общему правилу, наступает лишь за виновное причинение вреда.

Вина представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им правонарушению и наступившему вредному результату. В факте осознания своей вины и проявляется позиция правонарушителя к совершенному деянию. Поэтому, чтобы лицо было признано виновным, необходимо осознание им того, что своим поведением оно нарушает нормы права и охраняемые законом права и интересы других лиц. Иными словами, лицо должно осознавать как противоправный характер своего поведения, так и возможность наступления в результате этого вредных последствий.

Вина может выражаться в форме умысла или неосторожности. Исходя из этого можно дать следующее ее определение: вина есть

¹ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 72-74.

выраженное в форме умысла или неосторожности психическое отношение лица к совершаемому им противоправному деянию и возможному наступлению вредных последствий, ущемляющих права и интересы физических и юридических лиц.

В то же время следует подчеркнуть, что на размер ответственности причинителя вреда ни форма вины, ни ее степень, по общему правилу, не влияют, кроме случаев, указанных в законе (например, при учете вины потерпевшего). Иначе говоря, в гражданском праве не имеет значения умысленно или по неосторожности причинен вред потерпевшему. Возмещение вреда при любой форме вины осуществляется в полном объеме. Вина в гражданских правоотношениях, в том числе деликтных, не является мерой ответственности. }

В гражданском праве нет также деления умысла на прямой и косвенный, а неосторожности — на самонадеянность либо небрежность, как это принято в уголовном праве. Гражданское законодательство различает вину умысленную (в целом) и неосторожную (простую или грубую).

При умысленном причинении вреда лицо предвидит наступление вредных последствий своего противоправного поведения и желает либо сознательно допускает их наступление. Более того, при умысленной форме вины имеет место намеренность причинения вреда.

Вина в форме неосторожности в гражданском праве характеризуется тем, что лицо действует без должной внимательности, заботливости, предусмотрительности, без учета характера своей деятельности. Однако нельзя отождествлять неосторожную вину с фактической ошибкой. Неосторожное причинение вреда, как правило, является результатом недостаточной интеллектуальной и волевой активности субъекта, а разграничение между грубой и простой неосторожностью следует проводить с учетом как объективных, так и субъективных факторов. В случае грубой неосторожности субъект гражданского права нарушает очевидные для всех требования, которые предъявляются к лицу, осуществляющему определенную деятельность. В такой форме вины проявились, например, действия водителя Г., который, находясь в нетрезвом состоянии и управляя автомашиной ВАЗ, не справился с управлением, выехал за пределы дорожного полотна и совершил наезд на препятствие. При этом находившемся в автомобиле пассажиру Б. были причинены тяжкие телесные повреждения¹.

Отметим в связи с характеристикой вины в форме грубой неосторожности и следующее: лицо, допускающее грубую неосторожность, либо предвидит возможность наступления вредных последствий, но рассчитывает их предотвратить, либо не предвидит таких последствий, однако сознает, что совершаемые им действия могут привести к подобному вредному результату.

Но вот другой пример. Водитель М., будучи трезвым и двигаясь со скоростью, не превышающей установленный ее предел, тем не

¹ См.: Архив Дзержинского районного народного суда г. Харькова за 1975 г. Дело № 75891.

менее, проявив невнимательность, перед перекрестком совершил наезд на стоящий автомобиль, водитель которого ожидал разрешающего движение сигнала светофора. В результате наезда транспортные средства были повреждены¹. Здесь имела место простая неосторожность.

Как предусмотрено законом (ст. 441 ГК), организация обязана возместить вред, причиненный по вине ее работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей. Понятно, что тогда, когда действия такого работника носят не служебный, а личный характер, сам работник отвечает перед потерпевшим за причиненный вред.

Исходя из ст. 441 ГК, действия работников организации, связанные с выполнением ими трудовых (служебных) обязанностей, являющиеся действиями самой организации, а следовательно, и вина такого работника будет виной этой организации.

Иной точки зрения на эту проблему придерживается Г.К.Матвеев, считающий, что вина предприятия, учреждения, организации качественно отличается от вины работников, образующих данное юридическое лицо. Это, по его мнению, особая вина коллектива, психологическим содержанием которой служит порочная воля (и сознание) участников этого коллектива или даже всего коллектива².

Обосновывая свою точку зрения, Г.К.Матвеев указывает на различие, существующее между индивидуальной и коллективной волей. «Подобно тому, как коллективная воля и деятельность коллектива не сводимы к совокупности индивидуальных усилий, а являются собой новое качество, так и вина юридического лица отлична от своих составляемых. Провинности отдельных работников трансформируются здесь в новом виде — в вине коллектива как такового»³.

Представляется, что такая позиция не является правильной. Действительно, воля коллектива отличается от воли каждого его члена. Однако такой вывод будет справедливым, если речь идет о правомерной и целенаправленной деятельности юридического лица, реализация которой возможна без воли всего коллектива. Правонарушение же есть отклонение от установленной нормы поведения. Поэтому, для того чтобы воля считалась коллективной, необходимо, чтобы она была согласована всеми или большинством участников этого коллектива. А это возможно лишь при правомерной деятельности, а не в случае совершения правонарушения. Важно при этом учитывать и следующее. Как ранее было сказано, вина есть психическое отношение правонарушителя к совершаемому им противоправному деянию и возможному вредному результату. А в качестве правонарушителя здесь может выступать только конкретный человек. Думается, что для изме-

¹ См.: Архив Червонозаводского районного народного суда г. Харькова за 1980 г. Дело № 08-133.

² См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. С. 216, 217, 227; *Его же*. Основания гражданско-правовой ответственности. С.236, 241.

³ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 235-236.

нения ст. 441 ГК достаточных оснований не имеется. Содержание ее должно быть сохранено и в новом ГК.

Наконец, следует отметить, что вина как одно из общих условий ответственности за причинение вреда играет, с одной стороны, важную воспитательную роль, являясь общественным осуждением причинителя вреда, а с другой — с достаточной полнотой обеспечивает интересы потерпевшего, поскольку причинитель вреда всегда предполагается виновным в причинении вреда, если им не будет доказано, что вред причинен не по его вине (ч. 2 ст. 440 ГК). Предполагается противоправным и причинившее вред действие, пока не будет доказано иное. Такая конструкция общих условий ответственности за причинение вреда является наиболее оптимальной, отвечающей, если можно так сказать, обычным (чаще всего встречающимся) случаям нарушения абсолютных прав субъектов гражданских правоотношений.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИЛИ ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Соотношение специальных и общих условий ответственности за причинение вреда

Противоправные действия одних субъектов гражданского права, причиняющие вред абсолютным правам других его субъектов, порождают обязательства по возмещению вреда, представляющие собой особый вид правоотношения, именуемый деликтной ответственностью. Поэтому в различном обозначении этих правоотношений (как обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями, и как ответственности за причинение вреда указанными действиями) никакого расхождения в существе этих понятий не кроется. Это лишь разные наименования одних и тех же гражданских правоотношений.

Общие условия ответственности за причинение вреда, охватываемые понятием генерального деликта, влекущие за собой возникновение данного вида правоотношений, включают в себя: противоправность действий, которыми причинен вред; наличие самого вреда, вызванного этими действиями; причинную связь между вредом и противоправными действиями; вину причинителя вреда. Считается, что тогда, когда факт причинения вреда абсолютным правам субъектов гражданского права обусловлен действием других субъектов гражданского права, возникает отношение, в силу которого вред, причиненный субъектом гражданского права, должен быть им возмещен лицу, абсолютное право которого было нарушено.

Однако обязанность по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, в иных случаях может возникать только при наличии специальных условий, предусмотренных гражданским законодательством. Но и в этих случаях, поскольку вред причиняется противоправными действиями, возникают деликтные обязательства в виде особых правоотношений гражданской ответственности, а не в виде каких-либо иных обязательств (правоотношений). Гражданско-правовая деликтная ответственность за вред, если он причинен противоправными действиями, может наступить, как правильно подчеркивает Д.В. Боброва, и при наличии специальных условий, в частности возможна и безвиновная ответственность¹. Верно и другое, что эти специальные условия не предполагаются, а должны быть особо предусмотрены законом.

¹ См.: Боброва Д.В. Проблемы деликтной ответственности в советском гражданском праве. С. 16, 229-232.

Поскольку общие условия ответственности за противоправно причиненный вред предусмотрены в общей норме гражданского законодательства (ст. 440 ГК), а специальные условия предусматриваются в особых нормах гражданского законодательства, то соотношение между ними — это не что иное, как соотношение между общим и специальным гражданским законодательством, регулирующим однородные отношения. И здесь необходимо иметь в виду два следующих правила. Во-первых, если отношение урегулировано специальной нормой, то общая норма в этом случае не применяется. Так, если считать, что в ст. 450 ГК, предусматривающей ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, предусмотрены все условия ее применения, то ст. 440 ГК применяться не должна. Во-вторых, если в специальной норме тот или иной вопрос не разрешен, следует руководствоваться общими нормами гражданского законодательства. Так, орган милиции и ее должностные лица, правомерно пресекая правонарушение и причиняя в связи с этим вред преступным элементам, не обязаны возмещать этот вред. Однако вред, причиненный при этом преступными элементами органам милиции (поджог зданий, повреждение транспортных средств, иного имущества, принадлежащего органам милиции) или должностным лицам этих органов (повреждение их здоровья и имущества), хотя это особо и не регламентируется законодательством о милиции, должен возмещаться по общим правилам гражданского законодательства. К сожалению, почему-то такие иски не предъявляются¹. А то, что работникам милиции и членам их семей за причиненный им ущерб, связанный с исполнением работником милиции служебных обязанностей, назначается повышенная пенсия, вовсе не исключает ответственности причинителей вреда². Этот вопрос также обходится молчанием и в постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 1 июня 1993 г. «Про практику застосування судами України законодавства про відшкодування матеріальної шкоди, заподіяної злочиним, і стягнення безпідставно нажитого майна»³.

Вместе с тем, имея в виду соотношение общих и специальных условий ответственности за причинение вреда или возмещение вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, специальные условия устанавливаются законом там и тогда, где и когда закон расширяет или ограничивает перечень условий, необходимых для возложения деликтной ответственности на причинителя вреда. Эти условия могут определяться характером деятельности, при осуществлении которой причиняется вред. Это относится, как будет показано далее, к случаям причинения вреда источником повышенной опасности, когда ответственность наступает независимо

¹ См.: Пушкин А.А., Скаун О.Ф., Загоруйко А.И. Гражданское (частное) право на страже субъективных прав граждан // Бизнес-Информ. 1994. № 1. С. 7-8.

² См.: Донцов С.Е., Глянцева В.В. Возмещение вреда по советскому законодательству. М., 1990. С. 37-38.

³ См: Бізнес. 1993. № 36. С. 8-14.

от вины и даже при ее отсутствии (ст. 450 ГК). Иногда эти условия записаны, как в этом, так и в других случаях, от необходимости учета наличия более сложной причинной связи между противоправными действиями и вызвавшим их вредом, а иногда — от субъекта ответственности либо от того, кому причинен вред (организации или гражданину).

Так, если ныне согласно ст. 456 ГК при возмещении имущественного вреда жизни и здоровью потерпевшему работнику пенсии и другие его доходы не учитываются, то нет никаких препятствий для применения этого правила и к случаям возмещения вреда работникам милиции, причиненного им при исполнении служебных обязанностей другими лицами.

В этой связи трудно согласиться с Д.В. Бобровой, признающей в гражданском праве безвиновную ответственность и вместе с тем отстаивающей тезис об использовании уголовно-правовой теории «единого объекта правонарушения в гражданском праве для обоснования общественной вредности и общественной опасности любого гражданского правонарушения независимо от наличия убытков»¹. Первое утверждение Д.В. Бобровой, думается, противоречит второму ее утверждению. Нельзя смешивать гражданские правоотношения и преступления, хотя и первые, и вторые посягают на одни и те же общественные отношения. Поэтому необходимо различать, какие из этих действий, посягающих на одни и те же общественные отношения, являются общественно опасными, а какие — нет. Так, если вред причинен действиями, содержащими признаки преступления, будет иметь место кумуляция санкций (одновременное привлечение преступника к уголовной ответственности и возложение на него гражданско-правовой ответственности). Соответственно нельзя смешивать и эти два вида ответственности. Существование гражданско-правовой невиновной и даже виновной ответственности само по себе никак напрямую не связано с общественной опасностью действия, которым причинен вред. Только тогда, когда действие затрагивает интересы всего общества, нарушает установленный государством правопорядок, оно становится общественно опасным и влечет за собой уголовную ответственность даже независимо от наступившего вреда. Гражданское правонарушение, не причинившее никакого вреда вообще, не является основанием для деликтной гражданско-правовой ответственности. Но если оно будет квалифицировано как общественно опасное действие, т. е. как преступление, за ним последует уголовное наказание.

Причинение вреда субъектом гражданского права правомерными действиями и обязанность его возмещения, когда это особо предусмотрено законом, также влечет за собой возникновение обязательства, обусловленного фактом причинения вреда. Но это не деликтное обязательство, хотя этими правомерными действиями и нарушаются охраняемые законом права и интересы субъектов гражданского права.

¹ Боброва Д.В. Проблемы деликтной ответственности в советском гражданском праве. С. 58-63; Автореф. дисс. С. 10.

Именно потому, что эти права и интересы охраняются законом, вред, причиненный им хотя и правомерными действиями, в необходимых случаях (с учетом значимости нарушенных прав и интересов) должен быть возмещен. Как общее правило, вред, причиненный правомерными действиями, возмещению не подлежит. И в этих случаях вообще не возникает никаких обязательств из факта причинения вреда.

Иное дело, когда вред причиняется противоправными действиями. В этих случаях возникает не просто обязательство из причинения вреда, а деликтное обязательство — особый вид обязательств из причинения вреда, влекущий за собой ответственность причинителя вреда. Однако эта ответственность наступает при наличии общих или специальных условий, особо предусмотренных законом. Об этом вновь приходится говорить, чтобы подчеркнуть единство логики всех деликтных обязательств и вместе с тем показать не выходящие за правила этой логики особенности отдельных видов деликтных обязательств, в частности тех из них, возникновение которых вызвано противоправными действиями субъектов гражданского права.

§ 2. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте до 15 лет

Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу организации, как сказано в ст. 440 ГК, подлежит возмещению лицом, причинившим его. Однако законодатель особо предусмотрел в ст. 446 ГК, что вред, причиненный лицом в возрасте до 15 лет, возмещают родители (усыновители) или опекуны, а если несовершеннолетний в это время состоял под надзором учебного, воспитательного или лечебного учреждения, то имущественную ответственность за причиненный вред несут эти учреждения, если не докажут, что вред возник не по их вине. Вместе с тем Пленум Верховного Суда Украины в постановлении № 6 от 27 марта 1992 г. «О практике рассмотрения судами гражданских дел по искам о возмещении вреда» (п. 6 ч. 1—3) указал, что за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим 15 лет, в соответствии со ст. 446 ГК несут ответственность перед потерпевшим его родители (усыновители), опекуны, а в соответствующих случаях — учебные, воспитательные или лечебные учреждения при наличии общих оснований, предусмотренных ст. 440 ГК. Согласно этой статье общими условиями ответственности за причинение вреда являются: наличие вреда; противоправность поведения причинителя вреда; наличие причинной связи между этим поведением и наступившим вредом; вина правонарушителя. Поскольку вред в соответствии со ст. 446 ГК возмещается не причинителем вреда (несовершеннолетним, не достигшим 15 лет), а его родителями (усыновителями), опекунами или учебными, воспитательными либо лечебными заведениями, если вред был причинен несовершеннолетним в то время, когда он состоял под их надзором, то и эти общие условия ответственности применительно к указанным лицам приобретают специфическую окраску. Разумеется, кроме вредных последствий (наличия вреда), ибо никакое деликтное обязательство не может возникнуть при отсутствии вреда.

Однако главная особенность данных деликтных обязательств, позволяющая отнести их к специальным случаям деликтной ответственности, заключается в том, что ответственность за причиненный вред в силу этих обязательств несут предусмотренные в ст. 446 ГК лица, которые сами своими действиями вреда не причинили. Вместе с тем считается, что эти лица — физические и юридические — отвечают за свои, а не за чужие действия. И обусловлено это тем, что лица в возрасте до 15 лет, хотя они правоспособны и обладают в сфере регулятивных обязательств, как считает Я.Р. Веберс¹, ограниченной дееспособностью или, как более правильно полагают Л.Г. Кузнецова и Я.Н. Шевченко², частичной дееспособностью, в то же время признаются полностью недееспособными, т. е. не обладающими способностью самостоятельно отвечать за причиненный вред. Но не может быть такого положения, чтобы за причиненный ими вред никто не отвечал. Это противоречило бы самому существу гражданского общества, было бы несовместимо с ним. С другой стороны, круг лиц, на которых бы возлагалась ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 15 лет, не может быть широким и произвольным. Естественно, что за вред, причиненный несовершеннолетними в этом возрасте, должны отвечать родители (усыновители), опекуны, а также указанные в ст. 446 ГК учреждения, под надзором которых находились дети во время причинения ими вреда. Эта обязанность по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними, возложена на них специальным законом, каковым является ст. 446 ГК.

Полагаем, что определенный в ст. 446 ГК перечень физических и юридических лиц, несущих ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 15 лет, является исчерпывающим и распространительному толкованию не подлежит³. Соседка, бабушка, домработница, присматривающие за малолетним, не могут считаться субъектами ответственности за вред, причиненный этим лицом. Закон указывает прежде всего на родителей как субъектов ответственности за этот вред, потому что именно на них в первую очередь возлагается обязанность воспитания детей, подготовка их к общественно полезному труду. В Кодексе Украины о браке и семье⁴ прямо записано, что родители обязаны заботиться о здоровье и физическом развитии не достигших совершеннолетия детей, об их воспитании в соответствии с требованиями морали и права (ст. 61 КоБС). Эти их обязанности, как и принадлежащие им права в отношении детей, основаны на происхождении детей от данных родителей, удос-

¹ См.: Веберс Я.Р. Основные проблемы правосубъектности граждан в советском гражданском и семейном праве. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. С. 25.

² См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Гражданское правовое положение несовершеннолетних. М., 1968. С. 16.

³ См.: Загоруйко А.И. Особенности возмещения вреда, причиненного несовершеннолетними // Бизнес-Информ. 1994. № 12. С. 13.

⁴ В дальнейшем — КоБС.

товеренном в установленном законом порядке (ст. 158 КоБС). Судебная практика правильно придерживается той позиции, что предполагаемый отец или мать не могут привлекаться к имущественной ответственности за причиненный детьми вред.

Важно подчеркнуть: в деле воспитания детей родители имеют равные права и обязанности, что предполагает и равные их обязанности по возмещению причиненного их детьми вреда. Родитель, проживающий отдельно от детей, не освобождается от обязанностей по возмещению вреда, причиненного ребенком, наряду с родителем, при котором проживает ребенок¹. Поэтому не правы те авторы, которые считают, что лицом, которое обязано нести ответственность за причиненный ребенком вред, должен считаться тот родитель, у которого находился ребенок. Освободить одного из родителей, проживающего отдельно от семьи, от ответственности можно лишь в том случае, если он объективно не в состоянии влиять на воспитание ребенка и осуществлять за ним надзор.

Признание брака недействительным также не освобождает ни одного из родителей от ответственности за вред, причиненный их детьми, что прямо вытекает из смысла статьи 50 КоБС. В случае причинения вреда внебрачным ребенком к ответственности может быть привлечена только мать, если в отношении ребенка не было установлено отцовство. Однако, как справедливо отмечают Л.Г. Кузнецова и Я.Н. Шевченко, родители, лишенные родительских прав, не могут привлекаться к ответственности за вред, причиненный их детьми. Родители в этих случаях не имеют фактической возможности воздействовать на детей, так как дети у них отбираются. За родителями, лишенными родительских прав, сохраняются обязанности содержать детей (ст. 74 КоБС), но эта обязанность ничего общего не имеет с обязанностью по возмещению вреда².

В число физических лиц, ответственных за вред, причиненный детьми в возрасте до 15 лет, все же следовало бы включить, кроме родителей (усыновителей) и опекунов, также других родственников и посторонних ребенку лиц, осуществляющих постоянное воспитание детей с их иждивением (ст. 95 КоБС). Следует согласиться с высказанным В.Г. Вердниковым мнением, что эти лица обязаны нести ответственность за вред, причиненный малолетними детьми³. И такой подход к проблеме представляется правильным, потому что эти лица, если они занимаются воспитанием детей постоянно и фактически заменяют им родителей, и должны заботиться о детях, следить за их поведением, осуществлять за ними соответствующий контроль. Однако в число лиц, ответственных за вред, причиненный детьми в возрасте до 15 лет, наряду с названными лицами не могут быть включены

¹ См.: Тадевосян В.С. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми // Сов. гос-во и право. 1949. № 4. С. 30.

² См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С. 76.

³ См.: Вердников В.Г. Советское гражданское право. М., 1961. Т. 2. С. 390.

лица, на договорных началах с родителями осуществляющие надзор, а порою и воспитание их детей в порядке своеобразной предпринимательской деятельности. Вместе с тем следует согласиться с К.Б. Ярошенко, что в этих случаях родители, возместившие вред, вправе предъявить регрессный иск к указанным лицам¹.

Названными в ст. 446 ГК учреждениями, могущими отвечать за вред, причиненный детьми до 15 лет, когда они находились в этих учреждениях, охватываются также ясли, детские сады, детские дома, школы, школы-интернаты, спортивные лагеря, детские санатории и многие другие подобные им организации. В состав указанных организаций могут и должны включаться не только учреждения, основанные на государственной форме собственности, но и организации с правами юридического лица, основанные на других формах собственности.

Таким образом, круг лиц (физических и юридических), ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими 15 лет, целесообразно дополнить физическими лицами, указанными в ст. 95 КоБС, и теми учебными, воспитательными, лечебными и иными детскими заведениями, которые ныне, в условиях рыночной экономики, могут создаваться и в качестве негосударственных организаций, в том числе и основанных на индивидуальной (частной) собственности физических лиц. Безусловно, что перечень этих лиц должен быть исчерпывающим. Желательно все это учесть при разработке нового ГК.

Все указанные в ст. 446 ГК лица несут ответственность за свои действия, которыми непосредственно вред другим лицам не причиняется, но которые обуславливают причинение вреда другим лицам детьми, находившимися под родительской властью, опекой или надзором соответствующих заведений, учреждений или организаций. Следовательно, действия всех этих физических и юридических лиц, приводящие к причинению вреда находящимся соответственно под их родительской властью, опекой и надзором детьми, должны быть противоправными. Это одно из предусмотренных ст. 440 ГК общих условий деликтной ответственности, которое в силу прямого указания ст. 446 ГК должно учитываться и при ее применении. Однако в чем же должна выражаться их противоправность?

При анализе ст. 440 ГК говорилось, что противоправность действия субъекта гражданского права должна выражаться в нарушении им как объективного права (соответствующей нормы закона), так и конкретного субъективного абсолютного гражданского права другого лица. При этом лицо, просто осуществляющее свое субъективное право с превышением его пределов и тем самым совершающее противоправное действие, не обязывается законом к его осуществлению. Оно действует по своему усмотрению. Несколько иначе надо подходить к определению противоправности действий лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 15 лет.

¹ См.: *Ярошенко К. Б.* Жизнь и здоровье под охраной закона. М., 1990. С. 86.

Во-первых, для признания юридической значимости противоправности действий всех указанных в ст. 446 ГК лиц достаточно нарушения ими норм объективного права: родителями и опекунами — соответствующих статей КоБС; учебными, воспитательными или лечебными заведениями (учреждениями, организациями) — их уставов и положений, а также законодательства, регулирующего их деятельность. Если действиями этих физических и юридических лиц будут нарушены и субъективные права других лиц, то они за причиненный вред будут отвечать не по правилам ст. 446 ГК, а по общим правилам ст. 440 ГК.

Во-вторых, все лица, указанные в ст. 446 ГК как ответственные за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте до 15 лет, должны не только выполнять возложенные на них обязанности, но и осуществлять предоставленные им права. Неосуществление ими своих прав также является противоправным.

В-третьих, необходимо точно знать, что входит «в предмет ведения» родителей, опекунов и соответствующих заведений (учреждений, организаций). Относительно родителей (усыновителей) и опекунов по этому вопросу ч. 1 ст. 446 ГК ничего не говорит. Да в этом, видимо, и нет необходимости. «Предмет ведения» этих лиц достаточно полно определен семейным законодательством. Относительно учебных, воспитательных и лечебных заведений в ч. 2 ст. 446 ГК сказано лишь о том, что в «предмет ведения» их входит осуществление надзора за детьми во время пребывания их в этих заведениях (организациях, учреждениях). Значит, следует иметь в виду, что родители (усыновители) или опекуны несут имущественную ответственность в случаях, если вред, причиненный несовершеннолетним, является следствием неосуществления за ним контроля, надлежащего воспитания или неправильного использования в отношении несовершеннолетнего своих прав. Учебные, воспитательные и лечебные заведения несут имущественную ответственность за вред, если он возник вследствие неосуществления ими надлежащего контроля за несовершеннолетним в период пребывания его под надзором.

Однако следует признать, что понятие «надзор» применительно к рассматриваемым отношениям между детьми и названными заведениями (учреждениями, организациями) не выражает всей сущности этих отношений. Надзор обязаны осуществлять и родители, и опекуны. Но невозможность осуществления надзора за ребенком со стороны родителя, проживающего отдельно от семьи, не может служить основанием для освобождения этого родителя от ответственности за вред, причиненный его ребенком. Но дело не только в этом. Надзор не является тотальной регламентацией поступков ребенка. Надзирать за несовершеннолетним означает не только предотвратить его от недозволенных поступков, но и оказывать нравственное влияние на ребенка. Процесс воспитания и надзора представляется неразрывным. Это означает, что и предусмотренные ч. 2 ст. 446 ГК заведения (учреждения, организации) осуществляют большие по объему функции, чем просто надзор за поведением детей. И все же, если в новом ГК

применительно к названным заведениям (учреждениям, организациям) при определении их прав и обязанностей по отношению к несовершеннолетним детям, не достигшим 15 лет, находящимся в их «ведении», будет сохранено понятие надзора, то во всяком случае в отношении детских домов и школ-интернатов должно быть записано, что они несут имущественную ответственность за вред, причиненный находящимися в их «ведении» несовершеннолетними, не достигшими 15 лет, и при установлении отсутствия надлежащего воспитания этих несовершеннолетних.

Другой особенностью ответственности лиц (физических и юридических), предусмотренных ст. 446 ГК, является то, что противоправными действиями должны быть и действия несовершеннолетних, не достигших 15 лет, которые соответственно находились под родительской властью, опекой или надзором и которыми в это время был причинен вред другим лицам.

Неверно думать, что если несовершеннолетние лица, не достигшие 15 лет, полностью неделиктоспособны, то их вредоносные действия не являются противоправными. Малолетние дети могут причинять вред по незнанию, из-за неспособности осознать вредный характер своего поступка и невозможности предвидеть его результат. Они легко поддаются чужому влиянию, импульсивны, чрезвычайно ранимы. Но все это никак не относится к существу совершаемых ими действий как противоправных. Более того, при определении противоправности действий этих несовершеннолетних требуется установить нарушение не только норм объективного права (законодательства), но и конкретных субъективных прав других лиц. Только при установлении такой противоправности действий несовершеннолетних лиц, не достигших 15 лет, лица физические и юридические, предусмотренные ст. 446 ГК, несут ответственность за причиненный несовершеннолетними вред. Однако главное в едином составе противоправных действий родителей, опекунов, соответствующих заведений (учреждений, организаций) и несовершеннолетних, не достигших 15 лет, принадлежит противоправным действиям первых. Поэтому тогда, когда будет отсутствовать противоправность действий родителей, опекунов, указанных в ст. 446 ГК заведений (учреждений, организаций), несмотря на противоправность действий самих несовершеннолетних, причинивших вред, ответственность родителей (усыновителей), опекунов и этих заведений (учреждений, организаций) за причиненный несовершеннолетними вред не возникает. В этих случаях вред вообще никем не будет возмещаться.

И тогда, когда несовершеннолетними причинен вред, несмотря на упущения в воспитании и надзоре за несовершеннолетними указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц, ответственность последних также не возникает, если действия несовершеннолетних были правомерными, например, совершены ими в состоянии необходимой обороны или при задержании преступника.

Поскольку при применении ст. 446 ГК учитываются и общие условия деликтной ответственности за причинение вреда, предусмот-

ренные ст. 440 ГК, то надо сказать, что противоправность действий как родителей (усыновителей), опекунов, учебных, воспитательных или детских заведений (учреждений, организаций), так и действий самих несовершеннолетних предполагается.

Из сказанного следует вывод: противоправность поведения родителей (усыновителей), опекунов, учебных, воспитательных и лечебных заведений (учреждений, организаций) является лишь одним из элементов условий имущественной ответственности за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми. При этом противоправность их поведения взаимосвязана с противоправным поведением детей, и только в единстве своем они являются достаточным основанием для привлечения указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц к ответственности за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, не достигшими возраста 15 лет.

Как следует из ст. 446 ГК, для возложения ответственности на родителей (усыновителей), опекунов, учебные, воспитательные и лечебные заведения (учреждения, организации) за вред, причиненный несовершеннолетними детьми, не достигшими 15 лет, необходимо установление и причинной связи между противоправными действиями тех и других и наступившим вредом. Поэтому особенностью данного вида деликтных обязательств является и то, что при его установлении необходимо учитывать два ряда не только противоправных действий, но и причинных связей между этими действиями и наступившим вредом. Последовательность рядов причинной связи здесь такая же, как и последовательность рядов противоправных действий.

Наконец, для возложения ответственности на родителей (усыновителей), опекунов, учебные, воспитательные и лечебные заведения (учреждения, организации) согласно уже прямому указанию ст. 446 ГК требуется установление их вины.

Однако закон не раскрывает как понятия противоправности поведения ответственных за причинение вреда несовершеннолетними перечисленных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц, так и их вины. Четкой точки зрения по этому поводу в цивилистической литературе также не существует. Все сводится в основном к тому, в чем должна выражаться их вина.

Так, О.С. Иоффе под виной родителей понимает их вину в ненадлежащем воспитании детей и слабом надзоре за ними¹.

В.И. Серебровский и В.А. Тархов ограничивают вину родителей только упущениями в надзоре за детьми². Л.Г. Кузнецова и Я.Н. Шевченко, возражая В.И. Серебровскому и В.А. Тархову, пишут: «Вина в надзоре вполне может быть понята как вина в непредотвращении вреда в момент его причинения детьми. Воспринять подобное толкование означало бы требовать от родителей безотлучного нахождения при детях, чего, конечно же, никто по отношению к родителям детей

¹ См.: Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. Л., 1952. С. 58-59.

² См.: Сов. гос-во и право. 1949. № 5. С. 71.; Тархов В.А. Обязательства, возникающие из причинения вреда. Саратов, 1957. С. 69-70.

старше ясельного возраста требовать не станет. Результатом такого толкования вины родителей явилась бы почти полная их амнистия, либо же другая крайность — безвиновная ответственность по принципу причинения, а не вины, что противоречило бы общим началам ответственности, установленной в нашем законодательстве»¹.

Ясно, что виной указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими 15 лет, должны охватываться те действия или бездействие, которые могут считаться противоправными. На вопрос о том, какие из этих действий и бездействия должны считаться таковыми, ответ был уже дан ранее. Сейчас важно ответить на другой вопрос: любая ли форма вины указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц является достаточной для привлечения их к ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними детьми, не достигшими 15 лет? И ответить на этот вопрос надо положительно: любая вина, в том числе в форме легкой (простой) неосторожности. При этом вина, как и противоправность их действий, предполагается. Для того чтобы освободить себя от ответственности, они должны доказать, что вред, причиненный несовершеннолетними, возник не по их вине.

Возникает и другой вопрос. Надо ли при этом учитывать, отдавал ли себе отчет о вредоносности (противоправности) своих действий и сам несовершеннолетний? В.А. Тархов полагает, что это также следует учитывать². Возможно, с точки зрения выводов о воспитании и самовоспитании несовершеннолетнего это и надо делать. Однако с юридической точки зрения малолетние, т. е. не достигшие 15 лет, виновными быть не могут в силу полной своей недееспособности. Поэтому при установлении ответственности указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц за вред, причиненный несовершеннолетними, психическое отношение последних к совершенным ими противоправным действиям юридического значения не имеет и во внимание судом не должно приниматься. Думается, что и тогда, когда в противоправных действиях несовершеннолетнего в возрасте до 15 лет, причинивших вред другим лицам, имеется состав преступления, ответственность за причиненный имущественный вред будет нести не он, а указанные в ст. 446 ГК физические и юридические лица. К уголовной ответственности этот несовершеннолетний, конечно, будет привлекаться. Иначе говоря, и в этом вопросе нельзя смешивать гражданско-правовую и уголовную ответственность.

Не менее важным вопросом, возникающим в связи с виной предусмотренных ст. 446 ГК физических и юридических лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними, является и вопрос о том, должна ли их вина охватывать и противоправные действия самих несовершеннолетних. Думается, что да. Но форма их вины за эти противоправные действия должна выражаться в форме неосто-

¹ См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С. 82.

² См.: Тархов В.А. Обязательства, возникающие из причинения вреда. С. 70.

рожности. Если их вина имела место по отношению к противоправным действиям несовершеннолетнего в форме умысла (прямого или косвенного), то перед потерпевшими должны нести ответственность указанные в ст. 446 ГК физические и юридические лица по правилам ст. 440 ГК. В этих случаях надо говорить, что за указанными лицами поведение несовершеннолетних было использовано как средство (способ) причинения ими вреда другим лицам.

В ст. 446 ГК ничего не сказано о том, на каких началах в случае причинения вреда несовершеннолетним одновременно по вине родителей (усыновителей), опекунов, а также учебных, воспитательных или лечебных учреждений должен возмещаться вред. В свое время в литературе и судебной практике считалось, что за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими возраста деликтоспособности, возможно наступление солидарной ответственности родителей и детских учреждений. Сейчас является общепризнанным: если будет доказано, что причинение несовершеннолетними вреда имело место по вине как родителей или опекунов, так и учебных, воспитательных или лечебных учреждений, то вред возмещается ими по принципу доле-вой ответственности. Правильно это и по существу. На солидарных началах, как сказано в ст. 451 ГК, отвечают лишь лица, совместно причинившие вред. В рассматриваемых же случаях в деятельности родителей и детских учреждений невозможно усмотреть ни взаимосвязанных, ни совместных действий, ни, тем более, действий с единой целью, которые бы являлись следствием причинения вреда несовершеннолетними. Другими словами, каждый из указанных субъектов права отвечает в рамках обязанностей, а эти обязанности у них разные. Родители осуществляют прежде всего воспитание ребенка во взаимосвязи с надзором за ним. Детское учреждение обязано, по смыслу ст. 446 ГК, организовать надлежащий и непосредственный надзор за ребенком. По этому поводу Л.Г. Кузнецова и Я.Н. Шевченко справедливо замечали: «Солидарная ответственность означала бы в этом случае взаимную ответственность указанных лиц друг за друга, что по существу влекло бы их ответственность за выполнение таких обязанностей, которые они хотя бы в силу своего места в системе организации воспитания и присмотра за детьми не в состоянии выполнить и означало бы неоправданное расширение ответственных лиц»¹.

Разумеется, может иметь место совместное причинение вреда противоправными действиями нескольких несовершеннолетних, не достигших 15 лет. Однако и в этих случаях ответственность за этот вред указанных в ст. 446 ГК физических и юридических лиц будет строиться не на солидарных началах. Представляется, что ст. 451 ГК не может применяться к лицам, хотя и причинившим вред совместными противоправными действиями, но не являющимися деликтоспособными. Совместность предполагает не только объективный, но и субъективный момент (сговор, соучастие). Говорить о вине лиц, не достигших 15 лет, применительно к случаям совместного причинения противоправного вреда неправильно. Ну а те, кто должен нести

¹ См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С. 82.

ответственность за причиненный ими вред, сами своими действиями в причинении вреда не участвовали.

Следует также отметить, что ни в теории, ни на практике не выработано единого подхода относительно размера доли ущерба, возмещаемой каждым из физических и юридических лиц, предусмотренных ст. 446 ГК. Одни авторы и работники сферы правоприменительной деятельности считают, что эти доли должны быть равными, другие предлагают определить их размер в зависимости от поведения конкретного ребенка. Отметим, что поведение ребенка само по себе не может быть критерием для определения указанных долей. Он не деликтоспособен и поэтому его психическое отношение к совершенным действиям приниматься во внимание не должно. Родители несут ответственность в равных долях. Во всех остальных случаях, когда к ответственности привлекаются родители (усыновители), опекуны, а также соответствующие учебные, воспитательные и лечебные заведения (организации, учреждения), размер их долей должен определяться в зависимости от степени допущенной ими вины.

Представляется, что правильным будет возлагать имущественную ответственность на родителей (усыновителей), опекунов или детские учреждения и тогда, когда подросток, совершивший правонарушение в малолетнем возрасте, стал совершеннолетним. Соответственно на лиц, причинивших вред в возрасте до 15 лет, не должна возлагаться ответственность по его возмещению и после достижения ими совершеннолетия. По достижении несовершеннолетними лицами совершеннолетия к ним не могут предъявляться и иски в порядке регресса теми физическими и юридическими лицами, предусмотренными в ст. 446 ГК, которые в свое время возместили причиненный несовершеннолетними вред. Было бы желательно все эти моменты учесть в новом ГК.

§ 3. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет

Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет, построена на иных началах, чем ответственность малолетних (несовершеннолетних до 15 лет). Во-первых, эти несовершеннолетние согласно ст.ст. 13 и 447 ГК считаются полностью деликтоспособными, т. е. способными нести имущественную ответственность за вред, причиненный ими другим лицам. Поэтому ч. 1 ст. 447 ГК вполне четко определяет: несовершеннолетний в возрасте от 15 до 18 лет отвечает за причиненный им вред на общих основаниях, предусмотренных ст. 440 ГК. Казалось бы, за этим и не должно ничего иного следовать. Они должны отвечать наравне с совершеннолетними лицами.

Однако ч. 2 ст. 447 ГК предусматривает, что за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет, могут нести ответственность и их родители (усыновители) или попечители. При этом они могут нести имущественную ответственность при наличии двух условий: если у несовершеннолетнего старше 15 лет, причинившего своими противоправными действиями вред другим лицам, нет

имущества или заработка, иного дохода, достаточного для возмещения причиненного им вреда; если будет установлено, что родители (усыновители) или попечители виновны в причинении вреда несовершеннолетним. Ответа на вопрос, в чем должна заключаться эта вина родителей (усыновителей) или попечителей, ч. 2 ст. 447 ГК не содержит. В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 27 марта 1992 г. «О практике рассмотрения судами гражданских дел по искам о возмещении вреда» разъяснено: обязанность по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет, возлагается на родителей (усыновителей) или попечителей при условии, что их виновное поведение содействовало возникновению вреда¹.

Подобная ответственность родителей (усыновителей) или попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними, обладающими в полном объеме деликтоспособностью, была предусмотрена, как известно, в ГК 1922 года. При этом в данном ГК было сказано, что за вред, причиненный несовершеннолетними, наряду с ними ответственность перед потерпевшим несут и родители (усыновители), попечители. Соответственно, с учетом указаний Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда»², эта ответственность родителей и несовершеннолетних перед потерпевшим рассматривалась как солидарная. В последующем такой подход к проблеме ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, был изменен постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1950 г. В п. 3 этого Постановления было сказано: «...имущественная ответственность родителей, будучи дополнительной, наступает в случае, если у несовершеннолетнего нет достаточных средств для возмещения вреда». Иначе говоря, ответственность родителей (усыновителей) и попечителей был придан субсидиарный характер. Однако если правоприменительная практика строго следовала данному указанию Пленума, то в цивилистической науке к этой проблеме сохранялся различный подход. Так, М.М. Агарков, О.С. Иоффе³ и ряд других ученых оставались приверженцами старой позиции, полагая, что за вред, причиненный подростком, должна применяться солидарная ответственность родителей и несовершеннолетних. Субсидиарный характер ответственности родителей отстаивали К.К. Яичков, В.С. Тадевосян, А.Н. Майданик и Н.Ю. Сергеева⁴.

¹ См.: Бюл. законодательства і юрид. практики України. 1995. № 1. С. 113.

² См.: Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного Суда СССР (1924-1944). М., 1946. С. 174.

³ См.: Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы соц. права. 1939. № 3. С. 61; Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда // Сов. гос-во и право. 1962. № 2. С. 101.

⁴ См.: Яичков К.К. Ответственность родителей за причиненный детьми вред // Соц. законность. 1950. № 6. С. 42-43; Тадевосян В.С. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми // Сов. гос-во и право. 1949. № 4. С. 18; Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за вред, причиненный повреждением здоровья. М., 1953. С. 38.

Представляется, что введение института субсидиарной ответственности вместо солидарной является правильным решением, ибо в этом случае наряду с функцией компенсационной, когда за причинение вреда несовершеннолетними, которые могут отвечать самостоятельно, родители несут только дополнительную ответственность, наступающую при отсутствии у детей имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, в той части ущерба, которую не в состоянии возместить сам несовершеннолетний, «работают» и воспитательная, и профилактическая функции гражданского права. При солидарной же ответственности исчезает акцент на первоочередном возмещении вреда несовершеннолетними, и он взыскивается либо только с родителей, либо только с несовершеннолетних, в результате чего значительно ослабевают воспитательная и предупредительная функции права. В этом случае получается, что несовершеннолетние, зачастую менее обеспеченные материально, не несут ответственности за причиненный ими вред, и это бремя полностью ложится на их родителей.

Следует, однако, отметить, что и в нормах ГК четко не указано, что ответственность родителей наступает во вторую очередь. В ст. 447 ГК говорится только о возмещении вреда родителями в соответствующей части, если у несовершеннолетнего отсутствуют средства, достаточные для такого возмещения. Получается, что возмещение вреда может производиться как детьми, так и родителями, и взыскание ущерба с детей не исключает возможности его взыскания с родителей, и наоборот. Ничего не говорится в ст. 447 ГК и о том, исходя из каких критериев должна определяться та часть ущерба, которая подлежит возмещению детьми, если они могут возместить вред лишь частично. Не сказано в этой норме и о том, как должно осуществляться прекращение (или изменение размера) взыскания с родителей, если у подростка появляется возможность погасить ущерб полностью или же в большем (либо, наоборот, меньшем) размере. Представляется, было бы правильным определять объем ответственности родителей и их детей в долях, и поскольку субсидиарная ответственность родителей ограничена лишь той частью ущерба, которую не могут возместить их дети, то следовало бы эту часть обозначать в решении или приговоре суда, если иск рассматривается в уголовном деле.

Несовершенство правового регулирования субсидиарной ответственности родителей обусловило возникновение ошибочных подходов к этой проблеме в судебной практике.

Так, если несовершеннолетние не могут полностью возместить причиненный ими вред, то некоторые суды возлагают ответственность за его причинение в полном объеме на родителей (усыновителей) и попечителей, фактически освобождая от возмещения вреда несовершеннолетних, что нивелирует как воспитательную, так и компенсационную функцию гражданского права применительно к лицам в возрасте от 15 до 18 лет, обладающих в полном объеме деликтоспособностью.

В других случаях при наличии у несовершеннолетнего возможности возместить ущерб хотя бы частично, суды возлагают ответственность только на несовершеннолетнего, освобождая от ответственности родителей (усыновителей) и попечителей, порождая тем самым прецедент освобождения родителей от ответственности за ненадлежащее воспитание своих детей.

Положительным фактором нормы ст.447 ГК является то, что она установила пределы ответственности родителей. Они прекращают возмещать ущерб по достижении причинителем вреда 18-летнего возраста либо если у него появляется имущество или заработок, достаточные для такого возмещения (ч.2 ст.447 ГК).

Таким образом, необходимо, чтобы в новом ГК был четко отражен сопроводительный характер ответственности родителей (усыновителей), попечителей за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми. При этом также важно, чтобы четко просматривались возникающие в случаях, предусмотренных ст.447 ГК, два вида обязательств — основное, в силу которого вред возмещают несовершеннолетние, и дополнительное (акцессорное), в силу которого к ответственности за причиненный несовершеннолетними вред привлекаются их родители (усыновители), попечители.

Зависимость ответственности родителей от ответственности детей, как правильно сформулировали Л.Г.Кузнецова и Я.Н.Шевченко, в случае причинения несовершеннолетними вреда влечет три важных практических вывода: а) иск о возмещении вреда не может быть предъявлен только к родителям, минуя несовершеннолетних; б) иск должен предъявляться не только к детям, но и к родителям; в) вопрос о дополнительной ответственности родителей рассматривается после того, как решен вопрос об ответственности несовершеннолетних¹.

Ответственность самих несовершеннолетних за причиненный ими вред строится, как было сказано, на общих основаниях, предусмотренных ст.440 ГК. Противоправность и виновность их действий предполагаются, пока не будет доказано иное. Причинная связь между их противоправными действиями и наступившим вредом, подлежащим возмещению ими, должна быть доказана. Учитывая, что значительный удельный вес в общей массе правонарушений, совершенных несовершеннолетними, составляют преступления, необходимо считаться с тем, как эти условия, дающие основания для привлечения их к гражданско-правовой ответственности по возмещению вреда, определены в приговоре суда. Л.Г.Кузнецова и Я.Н. Шевченко справедливо указывают: «При причинении вреда преступлением, правонарушение, которым нанесен вред, является уголовным, имущественный вред также является результатом уголовно-противоправного действия. Поэтому, если приговором установлены обстоятельства и факты, характеризующие не только само совершение действия данным лицом, а также причинную связь, вину и наличие вреда, то они должны быть признаны обязательными и для суда, рассматривающего гражданский

¹ См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С.125.

иск, поскольку суд не может ревизовать вступивший в законную силу приговор»¹. И это правильно, ибо использование судами принципа преюдиции обвинительного приговора по отношению к обстоятельствам, характеризующим наличие условий имущественной ответственности (противоправности, вреда, причинной связи, вины), дает возможность избежать противоречия между приговором и решением, а также излишней работы по сбору и исследованию доказательств.

Представляет интерес ситуация, когда гражданский иск о возмещении вреда рассматривается в уголовном деле. Применительно к квалификации данного деяния как преступления необходимо доказать вину причинителя вреда (действует презумпция невиновности), применительно к квалификации этого деяния как гражданского правонарушения действует презумпция виновности причинителя вреда. Видимо, надо сказать, что гражданский иск в этом случае будет удовлетворяться лишь после того, как будет доказано преступление.

Несовершеннолетние лица в возрасте от 15 до 18 лет, поскольку они являются полностью деликтоспособными, в случаях совместного причинения вреда наравне с совершеннолетними несут перед потерпевшим лицом солидарную ответственность (ст.451 ГК). Об этом содержится ссылка на указанную статью и в самой ст.447 ГК.

На каких же началах строится субсидиарная ответственность родителей (усыновителей) и попечителей за вред, причиненный находящимися под родительской властью несовершеннолетними и подопечными? Господствующее в литературе мнение сводится к тому, что и эта ответственность родителей (усыновителей), попечителей должна основываться на тех же началах, что и прямая ответственность родителей (усыновителей), опекунов за вред, причиненный малолетними, т. е. несовершеннолетними, не достигшими 15 лет.

Считается, что условием субсидиарной ответственности родителей (усыновителей) или попечителей является их собственная вина, выражающаяся в ненадлежащем воспитании находившихся или находящихся под их родительской властью или попечительством несовершеннолетних, хотя уже и достигших возраста 15 лет. Вина их предполагается. Однако если они докажут, что не могли обеспечить надлежащее воспитание этих несовершеннолетних по не зависящим от них обстоятельствам (например, находились на излечении в психиатрической больнице), то в этом случае их вина исключается, а следовательно, исключается и дополнительная ответственность.

Вместе с тем отмечается, что вина родителей и вина детей — это вина в совершении разных правонарушений, из которых правонарушения родителей непосредственно не связаны с наступлением вреда. Наступивший вред является результатом виновных, противоправных действий несовершеннолетнего, в то время как ненадлежащее их воспитание является виной родителей. В этом смысле действие (бездействие) родителей и считается правонарушением. Одно правонаруше-

¹ См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С.109.

ние порождает другое, и только в этом смысле можно говорить о совиновности родителей в причинении вреда, что одновременно свидетельствует о наличии и двух рядов причинной связи этих правонарушений с наступившим вредом. Причинная связь противоправного поведения родителей (усыновителей), попечителей прослеживается в неисполнении или ненадлежащем исполнении ими требований по воспитанию своих несовершеннолетних детей, что и материализуется в противоправном поведении этих детей. Иначе говоря, хотя вред причиняется непосредственными действиями несовершеннолетнего, эти действия являются прямым следствием бездействия родителей (усыновителей), попечителей, а следовательно, вредные последствия есть не что иное, как результат этого бездействия. В этом и состоит особенность указанных рядов причинной связи. Здесь особенно учитывается не только противоправность действий родителей (усыновителей), попечителей и их несовершеннолетних детей, но и виновность этих действий. Если согласно ст. 446 ГК о вине детей, не достигших 15 лет, говорить нельзя (они полностью неделиктоспособны), то согласно ст. 447 ГК наличие вины несовершеннолетнего в возрасте от 15 до 18 лет — необходимое условие для привлечения родителей (усыновителей), попечителей к субсидиарной ответственности.

Объяснение связи вины родителей (усыновителей), попечителей и несовершеннолетних для обоснования субсидиарной ответственности первых дается с той позиции, что психика несовершеннолетних находится в стадии формирования и характеризуется определенными возрастными особенностями. Несовершеннолетнее лицо не располагает достаточным жизненным опытом, который бы «подсказал», как действовать в сложившейся ситуации. Сознание и воля несовершеннолетних являются неокрепшими и нестабильными. Несовершеннолетние, следовательно, нуждаются в постоянном воспитании, а потому к ним нельзя предъявлять требования, которые предъявляются к лицам совершеннолетним относительно сознания отрицательной сущности своих действий и вызываемых ими последствий. Эти требования должны соответствовать уровню развития сознания и воли несовершеннолетнего. Значит, за вред, причиненный несовершеннолетними и в возрасте от 15 до 18 лет, должны отвечать родители (усыновители), попечители, хотя бы и в субсидиарном порядке.

Учебные, воспитательные или лечебные заведения, под надзором которых состоят несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет, не могут быть, как следует из ст. 447 ГК, субъектами субсидиарной ответственности.

Следовательно, круг лиц, ответственных за причинение вреда подростками в этом возрасте, уже круга лиц, ответственных за причинение вреда малолетнему до 15 лет. Это считается недостатком ст. 447 ГК. Л. Г. Кузнецова и Я. Н. Шевченко по этому поводу пишут: «В настоящее время детские учреждения отвечают согласно гражданскому законодательству только за вред, причиненный малолетними. Но в таких детских учреждениях, как школы-интернаты и детские дома, дети проводят большую часть времени, и именно эти учреждения

с полным основанием можно назвать главными воспитателями детей. Родители же, если имеются, осуществляют контроль за детьми только в дни каникул и по воскресеньям. Поэтому представляется, что если в результате плохого воспитания и надзора дети (даже если им больше 15 лет) причиняют вред государственным, общественным организациям или же отдельным гражданам, ответственность за это при наличии вины должны нести данные учреждения»¹. В этом направлении и предлагается изменить ст.447 ГК, включив в предусмотренный ею круг субъектов детские дома и школы-интернаты². Правда, Л.Г.Кузнецова и Я.Н. Шевченко все же полагают, что эти детские учреждения должны нести субсидиарную ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, при условии, если последние воспитывались в этих учреждениях не менее одного года³. Высказано мнение⁴, что в случаях причинения вреда несовершеннолетним в период прохождения им производственной практики на предприятии либо при выполнении работы в условиях школы (производственное обучение, работы на пришкольном участке, сбор макулатуры, металлолома и т.п.) ответственность должна возлагаться на самого несовершеннолетнего. Однако если в этих случаях будет установлено, что администрацией предприятия или школы ненадлежащим образом был организован труд школьников, не проведен их инструктаж перед началом выполнения работ, то предприятие и учебное заведение также должны нести дополнительную (субсидиарную) ответственность. По этой категории дел имеется и судебная практика, но диаметрально противоположная. Так, одни суды возлагают ответственность за причиненный вред только на несовершеннолетних, другие — только на предприятия и учебные заведения.

Разумеется, если следовать тому, что ответственность родителей (усыновителей), попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет, основана (с учетом особенностей их правового положения) на том же принципе, что и ответственность родителей (усыновителей), опекунов, соответствующих детских учреждений за вред, причиненный малолетними, то вполне обоснованными являются предложения о совершенствовании ст.447 ГК в указанном направлении.

Правда, и тут возникал вопрос о том, в каком порядке перед потерпевшими за вред, причиненный несовершеннолетними, должны нести субсидиарную ответственность детские дома, школы-интернаты, школы и предприятия, в которых несовершеннолетние проходят производственную практику? Видимо, также в соответствующей заранее определенной доле. Думается, что наряду с указанными уч-

¹ Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Указ. соч. С.77.

² В одном из вариантов нового ГК Украины это и предусматривается.

³ См.: Кузнецова Л.Г., Шевченко Я.Н. Там же. С. 77.

⁴ См.: Малаев К. Вопрос об основаниях ответственности родителей за вред, причиненный детьми // Учен. зап. АзГУ. 1955. № 4. С.86-87.

реждениями (предприятиями) такую субсидиарную ответственность¹ должны нести и родители (усыновители), попечители этих несовершеннолетних. При причинении вреда совместными действиями нескольких несовершеннолетних, происходящих от разных родителей (усыновителей), воспитываемых разными попечителями, находящихся в разных детских домах, школах-интернатах, ответственность всех указанных лиц, физических и юридических, за вред, причиненный совместными действиями этих несовершеннолетних, должна носить долевой характер и также в заранее определенной доле. Ответственность же самих несовершеннолетних должна носить солидарный характер, как это и было в свое время предусмотрено применительно к родителям и их несовершеннолетним детям в ч.2 п.15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. «О судебной практике по искам о возмещении вреда»².

В ч.2 ст.447 ГК сказано, что обязанность по возмещению вреда родителей (усыновителей), попечителей (теперь надо сказать, что и обязанность детских домов, школ-интернатов) прекращается по достижении причинившим вред совершеннолетия, а также в случае, если у него до достижения совершеннолетия появится имущество или заработок (доход), достаточный для возмещения вреда³.

В связи с этим в литературе отмечается, что освобождение родителей от обязанности возместить вред по достижении детьми совершеннолетия, независимо от того, имеется ли у них к этому времени имущество или заработок, позволяющий возместить ущерб, приводит на практике к тому, что вред во многих случаях оказывается не погашенным. И действительно, ведь достижение причинителем вреда совершеннолетия вовсе не означает, что у него тут же появляются средства, достаточные для самостоятельного возмещения вреда. В качестве примера могут служить студенты, ученики на производстве, лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы и т.п., которые, будучи совершеннолетними, зачастую не имеют достаточных средств для самостоятельного возмещения вреда. Следует ли в этих случаях освобождать родителей (усыновителей), попечителей от возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним при достижении им совершеннолетия?

С другой стороны, появление у несовершеннолетнего средств, достаточных для возмещения ущерба, само по себе, как представляется, не может служить основанием для прекращения обязанности родителей по возмещению вреда. Такая обязанность может временно прекратиться, однако если причинитель снова окажется неспособным возместить вред, то эта обязанность родителей должна быть восста-

¹ Но не солидарную, как полагает К.Малаев (См.: Малаев К. Указ. соч. С.87).

² См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924-1986). М., 1987. С. 204.

³ Соответственно должно быть учтено в связи с этим и прекращение обязанности школ и предприятий, где несовершеннолетние проходили производственную практику.

новлена. Поэтому в интересах потерпевшего было бы правильно устанавливать пределы ответственности родителей (усыновителей), попечителей в совокупности как с достижением причинителем совершеннолетия, так и с появлением у него средств, достаточных для возмещения вреда. И решение этого вопроса должно найти свое отражение в нормах нового ГК.

Не вызывает сомнения необходимость совершенствования нормы ст.447 ГК и, следовательно, ст.446 ГК в плане изменения возрастных границ ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними лицами. Более того, в юридической литературе неоднократно ставилась под сомнение даже правильность определения возрастных границ для различных, с точки зрения их отраслевой принадлежности, видов ответственности. Отмечалось, что не только в гражданском праве, но и в других отраслях права решение вопроса об ответственности производится с учетом состояния психики и возраста лица, совершившего противоправное действие. Так, ч.1 ст.10 УК Украины предусматривает ответственность лиц, которым к моменту совершения преступления исполнилось 16 лет, а при совершении отдельных преступлений, указанных в ч.2 ст.10 УК, — с 14 лет. Ответственность за совершенные административные проступки законом установлена с 16 лет. Не соглашаясь с этим, Н.С. Малеин высказал следующее суждение: «... та или иная степень духовной зрелости подростка, дающая или исключаящая возможность осознать значение своих поступков и их последствий, не может меняться от того, с точки зрения каких норм (отраслей) права она рассматривается»¹. И это правильно. Почему лица, виновные в совершении убийства, нанесении телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, разбойном нападении, грабеже либо умышленном уничтожении или повреждении имущества, могут быть привлечены к уголовной ответственности, но вместе с тем их сознание признается законом недостаточным, чтобы возложить на них обязанность возместить вред по нормам гражданского права?

Представляется, что дело тут не просто в зрелости или уровне сознания несовершеннолетних. Установление оптимального возраста для несовершеннолетних, способных отвечать за противоправно причиненный ими вред, должно связываться с их реальными возможностями возмещать этот вред.

Однако, учитывая, что в условиях становления рыночных отношений несовершеннолетние граждане все больше вовлекаются в гражданский товарооборот, у них появляются собственные денежные и материальные средства, а также что законодатель уже предусмотрел их право вносить вклады в кредитные учреждения и самостоятельно распоряжаться ими, было бы правильно предусмотреть в новом ГК самостоятельную ответственность несовершеннолетних в возрасте не от 15, а от 14 до 18 лет.

¹ Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 123.

Небезынтересно вспомнить, что до 1961 г. низший предел частичной гражданской дееспособности несовершеннолетних и начальный возраст их полной деликтоспособности составлял 14 лет. Сейчас и по новому ГК Российской Федерации он тоже равен 14 годам (ст. 26). Отметим, что по законодательству США и ряда других государств заранее определенный возраст несовершеннолетних, с которым связывается признание их деликтоспособными, вообще не устанавливается. Суды при рассмотрении конкретных дел сами определяют, способен несовершеннолетний с учетом его сознания и имущественного положения нести самостоятельную ответственность за причинение вреда или нет. Думается, что такой подход к определению деликтоспособности несовершеннолетних таит в себе определенные минусы. Возможны широкие судебные усмотрения, выходящие за пределы справедливости.

Однако при высказанной в целом поддержке конструкции ответственности родителей (усыновителей), попечителей, соответствующих учебных, воспитательных организаций (детских домов, школ-интернатов и некоторых других) за вред, причиненный деликтоспособными несовершеннолетними лицами, хотелось бы отметить два положения. В постановлении Пленума Верховного Суда Украины от 27 марта 1992 г. «О судебной практике рассмотрения судами гражданских дел по искам о возмещении вреда» сказано, что за вред, причиненный несовершеннолетними, несут ответственность перед потерпевшим их родители (усыновители), опекуны, а в соответствующих случаях — учебные, воспитательные или лечебные заведения при наличии общих оснований, предусмотренных ст. 440 ГК. Такого указания нет относительно ответственности родителей (усыновителей), попечителей и, как сейчас почти всеми признано, соответствующими учреждениями за вред, причиненный деликтоспособными несовершеннолетними лицами. И далее. Как ст. 447 ГК, так и ч. 4 п. 6 названного постановления Пленума говорят о том, что эта обязанность указанных выше лиц, ответственных за вред, причиненный полностью деликтоспособными несовершеннолетними, возместить причиненный ими вред наступает лишь при условии виновного их поведения. Вместе с тем та же ст. 447 ГК предусматривает, что эта обязанность названных в ней лиц бесспорно прекращается в случае, если у несовершеннолетних до достижения ими совершеннолетия появится имущество или заработок (доход), достаточный для возмещения вреда. Получается, что тут виновное поведение названных в ст. 447 ГК лиц значения не имеет. Так не лучше ли сказать, что в соответствии со ст. 447 ГК ответственность названных в ней лиц за вред, причиненный деликтоспособными несовершеннолетними, является лишь особым способом обеспечения исполнения деликтных обязательств этими несовершеннолетними. При такой конструкции этих двух видов обязательств (основного и дополнительного как способа обеспечения основного) допустимым представляется и право регресса к этим несовершеннолетним, которое ныне отражается в литературе и судебной практике.

**§ 4. Особенности обязательств по возмещению вреда,
причиненного недееспособными и гражданами,
не способными понимать значение своих действий**

Регламентация обязательств по возмещению вреда, причиненного недееспособными лицами, которые признаны таковыми в установленном законом порядке, дана в ст.448 ГК.

Согласно правилам ст.16 ГК недееспособными признаются граждане, которые вследствие душевной болезни или слабоумия не могут понимать значения своих действий или руководить ими. Порядок признания граждан недееспособными установлен ГПК. Над такими лицами устанавливается опека (ст. 131 КоБС).

Одной из особенностей обязательств по возмещению вреда, причиненного недееспособным, является то, что за причиненный им вред отвечает не он, а назначенный над ним опекун или организация, обязанная осуществлять за ним надзор. Последние несут ответственность за причиненный недееспособным вред, если не докажут, что вред возник не по их вине, т. е. возложенные на них функции по надзору за недееспособным подопечным они выполняли исправно либо не смогли их выполнить по не зависящим от них причинам. В ст.448 ГК, как и в ст.446 ГК, речь идет о последствиях причинения вреда лицами, полностью недееспособными. Вместе с тем основания привлечения к ответственности опекунов и соответствующих организаций (поликлиник, больниц, специализированных интернатов и др.) обладают и некоторой спецификой. На них не возлагается обязанность по воспитанию недееспособного. Функции опекунов, назначенных над недееспособными лицами, уже функций опекунов малолетних. Они носят исключительно надзорный характер. Функция воспитания объективно утрачивает свое значение вследствие особого статуса недееспособного. То же самое можно сказать и в отношении организаций, призванных лечить недееспособных.

Таким образом, опекуны лиц, признанных недееспособными, и соответствующие организации должны нести ответственность за вред, причиненный недееспособными, лишь в случаях ненадлежащего осуществления ими надзора. Организации, которые имеются в виду в ст. 448 ГК, — это не организации, на постоянной основе выполняющие опекунские функции. Поэтому в каждом конкретном случае при решении вопроса о субъекте ответственности по ст.448 ГК решающее значение, как справедливо замечает К.Б.Ярошенко¹, имеет выяснение вопроса о том, кто именно, организация или опекун, должен был осуществлять надзор за недееспособным в момент причинения вреда. Законодатель, к сожалению, умолчал о тех особых условиях, при которых такая организация должна нести ответственность за вред, причиненный находящимся на их излечении недееспособным. Представляется, что правильно будет привлекать к ответственности соответствующие организации (поликлиники, больницы, специализированные интернаты и др.) только тогда, когда они не осуществляли должным

¹ См.: Ярошенко К.Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. М., 1990. С. 90-91.

образом возложенный на них контроль за недееспособными причинителями вреда либо вообще не установили его, хотя должны были и могли установить такой контроль, исходя из состояния его здоровья.

В связи с тем, что недееспособный всегда должен находиться под надзором определенного лица (опекуна, соответствующей организации), совместная ответственность указанных лиц ни в долевом, ни в солидарном варианте по ст.448 ГК наступить не может.

Согласно ч.2 ст.16 ГК в случае выздоровления или значительного улучшения здоровья гражданина, признанного недееспособным, суд восстанавливает его в дееспособности. И он, следовательно, становится и деликтоспособным. Круг лиц, могущих возбуждать в суде дела о восстановлении гражданина в дееспособности, как и в признании его недееспособным, строго определен ГПК.

Однако на практике бывают случаи, когда по заявлениям предусмотренных ГПК лиц и главным образом по их вине ранее признанные недееспособными граждане восстанавливаются в дееспособности без достаточных к тому оснований, после чего они совершают противоправные действия, нередко причиняющие существенный имущественный вред другим лицам. В этих случаях, как представляется, вред должен возмещаться теми лицами, по заявлению которых недееспособные были восстановлены в дееспособности, при условии, что их недобросовестность в подаче соответствующих заявлений в суд установлена в предусмотренном законом порядке. Думается, что такое правило должно действовать и в противоположных ситуациях, а именно: когда указанные в ГПК лица своевременно не возбудили в суде вопрос о признании душевнобольных и слабоумных недееспособными.

Регламентация обязательств по возмещению вреда, причиненного гражданином, неспособным понимать значение своих действий, дана в ст.449 ГК. Речь идет о тех ситуациях, когда вред причиняется лицом, не понимающим значение своих действий, либо когда он не в состоянии руководить ими, однако же решение суда о признании такого гражданина недееспособным не состоялось. На данный момент законная основа для возмещения вреда в таких случаях отсутствует, ибо в ст. 449 ГК сказано, что гражданином в этом случае не отвечает за причиненный им вред, исключение — лишь случаи, когда он сам приводит себя в такое состояние потреблением алкоголя или наркотиков либо иным способом, однако потерпевший в правовом государстве должен быть защищен от любых посягательств таких лиц как на личные, так и на имущественные права. Поэтому было бы правильным в новом ГК предусмотреть, что и во всех случаях освобождения такого лица от ответственности за вред последний должен быть возмещен физическим или юридическим лицом, по вине которого своевременно не были приняты меры к признанию такого лица недееспособным (члены его семьи, лечебные учреждения и т.п.).

Принимая во внимание, что содержание ст.ст.448,449 ГК в литературе особых затруднений или каких-либо сложностей с точки зрения их теоретической основы не вызывает, мы ограничились сказанным и теми предложениями, которые, по нашему мнению, было бы желательно учесть при инкорпорировании данных статей в новый ГК.

§ 5. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности

В гражданско-правовой литературе исследованию вопросов, связанных с ответственностью за причинение вреда источником повышенной опасности, уделено значительное внимание. Однако как в теории, так и на практике существует ряд спорных проблем, относящихся к понятию источника повышенной опасности, субъектов ответственности, условий ее возникновения и др. Актуальность этих проблем определяется удельным весом соответствующих гражданско-правовых споров в судебной и арбитражной практике. Кроме того, следует иметь в виду, что в случае причинения вреда источником повышенной опасности механизм причинения и условия возникновения деликтного обязательства, как справедливо отмечают В.Т.Смирнов и А.А.Собчак, существенно отличаются от общих правил, что и объясняет необходимость выделения указанного случая в особую разновидность деликтных обязательств¹.

Термин «источник повышенной опасности» впервые был использован в ст. 404 ГК 1922 г. В эти же годы судебная практика весьма определенно высказывалась за отнесение к числу источников повышенной опасности таких транспортных средств, как автомашина, мотоцикл, морские и речные суда, пополнив тем самым весьма ограниченный перечень источников, названных в законе (ст. 404 ГК). Однако ни законодатель, ни судебно-арбитражная практика не сформулировали обобщающих суждений относительно сущности источника повышенной опасности. Вместе с тем с этой особой конструкцией законодатель использовал две взаимосвязанные, но не тождественные категории: а) повышенная опасность этого источника для окружающих; б) деятельность организаций и граждан, связанная с указанной опасностью.

В связи с этим значительное распространение в науке гражданского права получила точка зрения, согласно которой источник повышенной опасности представляет собой определенного рода деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих. Она получила в литературе наименование концепции «деятельности» и нашла свое отражение в работах Д.В.Бобровой, М.М. Агаркова, Б.С.Антимонова, В.И.Серебровского, О.С. Иоффе, К.Б.Ярошенко, В.Г.Вердникова и ряда других цивилистов. Так, в частности, М.М.Агарков писал: «Источником повышенной опасности является не вещь, а определенная деятельность по использованию соответствующих вещей². С точки зрения О.С.Иоффе, источник повышенной опасности есть определенного рода деятельность³. По мнению В.Г.Вердникова, ис-

¹ См.: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С.33.

² Гражданское право / Под ред. М.М. Агаркова. М., 1949. Т.1. С.339.

³ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Л., 1961. Т.2. С.478.

точником повышенной опасности являются определенные виды человеческой деятельности¹.

Наиболее обстоятельно об источнике повышенной опасности как определенном роде деятельности писал Б.С. Антимонов. Он утверждал: «Источник повышенной опасности — это всегда действие или система действий, т. е. деятельность, но никогда не «вещь» и не отсутствие действия, деятельности, не бездействие»². При этом он также подчеркивает, что не имеет значения характер деятельности: производственный, хозяйственный, научно-исследовательский или административно-управленческий³.

Д.В. Боброва особо акцентировала внимание на том, что эта деятельность, будучи связанной с использованием определенных предметов, главным образом различных видов техники, не поддается в процессе их эксплуатации непрерывному всеобъемлющему контролю со стороны человека, и поэтому обуславливает высокую степень вероятности причинения вреда⁴.

Представляется, что в основу концепции деятельности положено одно совершенно бесспорное соображение, что организация или граждане несут ответственность за причинение вреда, т. е. за действия. Надо полагать, что из этого исходит и закон (ст. 454 ГК), возлагая ответственность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, на организации и отдельных граждан, использующих в своей деятельности источники повышенной опасности. Но вряд ли таит в себе опасность сама по себе эта деятельность.

Принимая во внимание сказанное, Б.Б. Черепашин, К.К. Яичков, Е.А. Флейшиц, В.Л. Мусияка, В.Т. Смирнов, А.А. Собчак, Н.С. Приступа и, в особенности, О.А. Красавчиков подвергли критике взгляды Б.С. Антимонова и других ученых, придерживающихся теории «деятельности». В частности, О.А. Красавчиков замечал: «Трактовка причин наступления вреда в связи с его причинением источником повышенной опасности как определенного рода деятельности, лишенной каких-либо качественных характеристик, неприемлема»⁵. Абсолютизирование этого положения приводит, утверждают критики теории «деятельности», к отождествлению функционирования орудий и средств производства с действиями субъектов правоотношений по управлению данными предметами материального мира. В результате этого деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих, стала источником указанной опасности. Такая формулировка понятия источника повышенной опасности представляется неприемлемой.

¹ Советское гражданское право / Под ред. В.Г. Вердникова. М., 1961. Ч.2. С.398.

² Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952. С.98-101.

³ См.: Там же. С. 101.

⁴ См.: Боброва Д.В. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда / ГК УССР: Научно-практический комментарий. К., 1984. С. 510.

⁵ Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966. С. 9.

По мнению Е.А.Флейшиц, под источником повышенной опасности следует понимать «свойство вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам»¹. О.А.Красавчиков считал, что под источником повышенной опасности следует понимать предметы материального мира, обладающие особыми количественными и качественными состояниями, в силу которых владение (пользование, хранение и т.д.) ими связано с повышенной опасностью для окружающих².

Так сложилась другая концепция, которая получила название теории «особых материальных объектов».

Что касается практики судов Украины по этому вопросу, то она не отличается однозначностью. В одних случаях суды признают источником повышенной опасности любую деятельность, осуществление которой создаст повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, в других — также и деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами. Фактически заложником такого подхода к понятию источника повышенной опасности стал Пленум Верховного Суда Украины, который в п.4 постановления от 27 марта 1992 г. «О практике рассмотрения судами гражданских дел по искам о возмещении вреда»³ практически дословно повторил п.11 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 года «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья». В итоге было дано два понятия источника повышенной опасности, хотя и взаимосвязанных, но различных по содержанию, что вряд ли может считаться отвечающим смыслу ст.450 ГК.

По этому поводу В.Т. Смирнов и А.А. Собчак справедливо замечают: «Если под источником повышенной опасности понимают любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда, то по меньшей мере излишни дополнительные указания на деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения. Первая формулировка полностью охватывает (поглощает) вторую»⁴. И действительно, вред мо-

¹ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. 1951. С. 132. Однако следует заметить, что «силы природы» независимо от позиции по вопросу о понятии источника повышенной опасности этим понятием не охватываются, на что правильно обратил внимание О.С. Иоффе (см.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 186.).

² См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 347.

³ См.: Бюл. законодательства и юрид. практики України. 1995. № 1. С.312-313.

⁴ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Понятие источника повышенной опасности// Сов. юстиция. 1988. № 18. С. 22.

жет быть причинен в процессе осуществления деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих, но не источником повышенной опасности, и наоборот, при хранении, транспортировке и ином использовании объектов (механизмов, веществ, транспортных средств и т.п.), являющихся источником повышенной опасности, возможно причинение вреда не их действием, а деятельностью, не связанной с повышенной опасностью для окружающих, т. е. не подпадающей под признаки ст.450 ГК.

В качестве примера можно привести причинение вреда при повреждении ноги пассажиру, оступившемуся с подножки вагона во время посадки в стоящий поезд. Статья 450 ГК здесь не применима, ибо вред причиняется не источником повышенной опасности, хотя и имеет место его использование (эксплуатация). Стоящий поезд нельзя признать источником повышенной опасности. Другой пример: Дзержинский районный народный суд г. Харькова применил правило ст.450 ГК к ситуации причинения увечья гражданину П., который, будучи в нетрезвом состоянии и находясь на одной из станций метрополитена, попытался выйти из метро по эскалатору, который был на ремонте. В результате он попал ногой в расщелину между катками и получил при этом телесные повреждения средней тяжести. Областной суд правильно отменил это решение и указал, что П. получил увечье, когда эскалатор находился на ремонте, т. е. в состоянии покоя, а следовательно, не осуществлялась и деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих¹.

Из сказанного можно сделать вывод: если деятельность, считающаяся повышенной опасной для окружающих, должна быть связана с использованием (эксплуатацией) вредоносных объектов, то соответственно определяющим для источника повышенной опасности является объект, его характер. Вот почему и надо говорить об ответственности за вред, причиненный не самим лицом, осуществляющим определенную деятельность, а источником повышенной опасности, владельцем которого он является. Не существует деятельности, которая, не будучи связанной с вредоносными объектами, сама по себе может быть повышенной опасной для окружающих². Речь, таким образом, идет о владельце источника повышенной опасности, лицах, управляющих им, надлежащей охране источника. Это не оставляет никаких сомнений, что под источником повышенной опасности следует понимать определенные объекты (транспортные средства, предметы, вещества и т.д.). К ним относятся и такие объекты, которые таят в себе опасность случайного причинения вреда, связанную с возмож-

¹ См.: Архив Дзержинского районного народного суда г. Харькова за 1982 г. Дело 08-139.

² Существует деятельность, которая связана с определенным риском для жизни (например, работа шахтера, врача, выполняющего сложнейшую операцию на сосудах). Но эта работа (деятельность) опасна для того, кто ее выполняет или в отношении кого она выполняется. В случае причинения вреда при осуществлении такой деятельности правило ст.450 ГК не применяется. Применяться будет ст.440 ГК.

ностью самовозгорания и саморазложения, отравления парами химических и ядовитых веществ (например, бензохранилища, нефтепроводы и т.п.). Позиция О.А.Красавчикова, В.Л.Мусияки, А.А.Собчака, В.Т.Смирнова и ряда других авторов, разделяющих точку зрения на понятие и сущность источника повышенной опасности как предмета материального мира, обладающего особыми количественными и качественными состояниями, в силу которых владение ими в определенных условиях времени и пространства связано с повышенной опасностью для окружающих, наиболее полно раскрывает сущность источника повышенной опасности. Было бы желательным подобное определение источника повышенной опасности дать и в новом ГК Украины.

Немало высказано в гражданско-правовой литературе различных мнений и по вопросу о видах источников повышенной опасности. Однако ни практика, ни цивилистическая наука не выработали какой-то единой их классификации.

Если в литературе 20-х—30-х годов распространенным было мнение, что закон должен содержать исчерпывающий перечень источников повышенной опасности, то в последние годы множество сторонников приобрела другая точка зрения, которую можно назвать «негативной», согласно которой в законе невозможно привести исчерпывающий перечень источников повышенной опасности. В таком направлении, в частности, эволюционировали взгляды М.М.Агаркова, Е.А.Флейшиц, О.С.Иоффе¹. И это, видимо, правильно, ибо невозможно предусмотреть все виды источников повышенной опасности в условиях быстрого развития социальной и технической сферы. Вместе с тем следует согласиться с О.А.Красавчиковым, что в плане теоретическом все источники повышенной опасности можно было бы подразделить на такие основные группы (виды): физические (механические, электрические, тепловые); физико-химические (радиоактивные); химические (отравляющие), взрывоопасные (огнеопасные); биологические (зоологические, микробиологические)². Каждый из этих видов источников повышенной опасности оказывает соответствующее воздействие на окружающую среду, что также важно учитывать в практике по применению ст.450 ГК.

В ГК 1922 г. среди субъектов ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, фигурировали «содержатели диких животных». Действующее гражданское законодательство не содержит указаний на то, что субъектами обязательств по возмещению вреда, причиненного владельцем источника повышенной опасности, являются и держатели диких животных. Однако из этого не следует, что дикие животные перестали быть источниками повышенной опасности, а их владельцы — субъектами гражданско-правовой

¹ См.: Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда. С.68; Гражданское право. Т.1. 1944. С. 338; Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 133; Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Т. 2. С. 478.

² См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 44-45.

ответственности. Относимость таких животных к источникам повышенной опасности не должна вызывать сомнений.

В следственной и судебной практике нередко возникают сложности при решении вопроса о том, кто должен считаться владельцем источника повышенной опасности.

По мнению Е.А.Флейшиц, владельцем источника повышенной опасности должен признаваться тот, кто в момент причинения вреда от своего имени осуществлял деятельность, в которой он использовал источник повышенной опасности, и следовательно, был обязан и в состоянии осуществлять над ним контроль¹. Практика показала, что иногда владельцем источника повышенной опасности надо считать и того, кто не от своего имени осуществлял указанную деятельность. В разъяснении, содержащемся в п.4 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 27 марта 1992 г., дано более точное определение такого владельца. Под владельцем источника повышенной опасности, говорится в нем, следует понимать юридическое лицо или гражданина, осуществляющих эксплуатацию источника повышенной опасности в силу принадлежащего им права собственности, оперативного управления, полного хозяйственного ведения или других оснований (договора аренды, доверенности и т.д.).

Не относится к владельцам источника повышенной опасности и не несет ответственность за вред перед потерпевшим лицо, управляющее источником повышенной опасности в силу трудовых отношений с владельцем этого источника (шофер, машинист, оператор и др.). Такие работники не несут ответственность перед потерпевшим. Они могут и должны быть привлечены к ответственности путем предъявления к ним регрессного иска со стороны владельца источника повышенной опасности. Вместе с тем основания такого иска существенно отличаются от условий ответственности в порядке ст.450 ГК. Непосредственные причинители вреда отвечают перед владельцем источника повышенной опасности лишь при наличии в их действиях вины и, как правило, по нормам трудового законодательства. Так, районный народный суд привлек к ответственности автотранспортное предприятие и водителя грузового автомобиля М., нарушившего требования Правил дорожного движения и совершившего наезд на пешехода К., причинив ему тяжкие телесные повреждения. Суд вышестоящей инстанции, отменивший решение нижестоящего суда, указал, что увечье К. причинено не непосредственно действиями М., а управляемой им автомашиной — источником повышенной опасности, принадлежащей автобазе, которая и должна быть ответчиком по данному делу². Однако в связи с признанием вещными правами наряду с правом собственности, правом полного хозяйственного ведения и оперативного управления и таких прав, как сервитутные права, право довери-

¹ См.: Флейшиц Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья// Уч. зап. ВЮН. 1955. С. 51. .

² См.: Архив Червонозаводского районного народного суда г. Харькова за 1989 г. Дело 08-155.

тельной собственности¹, обладатели последних прав, использующие в своей деятельности источники повышенной опасности, также должны считаться владельцами этих источников. Если, скажем, источник повышенной опасности одновременно принадлежит одному лицу на праве собственности, а другому — на ином праве (выданной собственником доверенности), то ответственным за причиненный вред должен считаться тот, кто во время причинения вреда пользовался этим источником². Например, в результате столкновения автомобиля ВАЗ-2105 под управлением собственника А. с автомобилем ВАЗ-2103, которым управлял по доверенности Г., последний от полученных травм скончался, а транспортные средства получили значительные технические повреждения. А. предъявил иск о возмещении причиненного ему ущерба к собственнику автомобиля ВАЗ-2103 Л. Районный народный суд иск удовлетворил. Это решение было правильно опротестовано ввиду ненадлежащего определения субъекта ответственности. Владелец источника повышенной опасности в момент причинения вреда был Г., управлявший автомашиной по доверенности. При таких обстоятельствах Л. не должен отвечать по ст.450 ГК³.

Ранее на практике иногда ставилась под сомнение возможность возложения обязанности возмещения вреда на владельца источника повышенной опасности в тех случаях, когда его работник, непосредственный причинитель вреда, допустил нарушение трудовой дисциплины, самовольно воспользовался источником повышенной опасности и т.д. В практике последних лет такого рода сомнения — довольно редкое явление. В настоящее время общепризнано, что обязанность по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, возлагается на владельца данного источника и в тех случаях, когда вред возник в результате неправильных служебных действий работника. Этой позиции придерживаются как местные суды, так и Верховный Суд Украины.

На практике нередко в силу производственной необходимости происходит передача источника повышенной опасности от одной организации к другой. Осуществляется она, как правило, в форме передачи источника повышенной опасности в хозяйственное или в производственно-техническое управление.

Передача источника повышенной опасности в хозяйственное управление чаще всего имеет место на основании договора транспортного обслуживания. В случае причинения вреда третьим лицам (при исполнении такого договора) автохозяйство, осуществляющее транспортное обслуживание, несет полную ответственность по ст.450 ГК. И это понятно. Материально-техническое обеспечение автомашины,

¹ О праве доверительной собственности см.: *Майданик Р.А.* Траст: собственность и управление капиталом. К., 1995.

² См.: *Самойленко В.М.* Право частной собственности на автомобиль. Дисс. ... канд. юрид. наук. Х., 1983.

³ См.: Архив Червонозаводского районного народного суда г. Харькова за 1970 г. Дело 07-129.

технологическое обслуживание, осуществление профилактического ремонта и иных видов ремонта лежат на автохозяйстве. Это и определяет возложение ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, на автохозяйство, которое не перестает быть владельцем автотранспорта.

Однако из этого правила может быть исключение, например, в случае причинения вреда третьим лицам в силу особых свойств груза или неправомерного поведения обслуживаемой организации (например, лиц, сопровождающих груз). Так, в случае возгорания или взрыва перевозимых веществ по причинам, не зависящим от автохозяйства, возмещение вреда следует возлагать на владельца перевозимого источника повышенной опасности, а не на автохозяйство. Приведем в подтверждение изложенного гражданское дело, рассмотренное Заводским районным народным судом г. Николаева по иску гражданина К. к Николаевской парфюмерной фабрике. На автомашине автотранспортного предприятия перевозился груз парфюмерной фабрики. Металлические ящики с товаром были установлены в соответствии с предъявляемыми требованиями и закреплены веревкой, которая не выдержала нагрузки и в пути следования оборвалась. В результате этого выпавшим из кузова грузовика ящиком была повреждена проезжавшая мимо автомашина ГАЗ-24 под управлением владельца К. Материальный ущерб от повреждения автомобиля составил 50000 крб. Эта сумма и была взыскана судом с парфюмерной фабрики в пользу К.¹

В случае передачи источника повышенной опасности в производственно-техническое управление происходит смена технического персонала, а вместе с этим и перемена владельца этого источника. Лицо, к которому в этом случае переходит источник повышенной опасности, становится и юридическим, и техническим владельцем этого источника и несет полную ответственность за вред, причиненный используемой техникой.

Известно, что право собственности (право полного хозяйственного ведения) или оперативного управления у приобретателя имущества по договору возникает с момента передачи вещи, если иное не предусмотрено законом или договором (ст. 128 ГК). Это же правило следует применять и при решении вопроса о моменте перехода ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Это правило должно применяться и в тех случаях, когда договору предшествовал административный акт, обязывающий стороны заключить договор о передаче источника повышенной опасности. В качестве примера можно сослаться на дело по иску С. Истица была сбита автомашиной ГАЗ-53 под управлением Ч. В результате наезда ей причинены тяжкие телесные повреждения. Гражданский иск был предъявлен к нефтебазе № 1 как владелице источника повышенной опасности. Администрация нефтебазы против иска возражала, ссылаясь на то,

¹ См.: Архив Заводского районного народного суда г. Николаева за 1992 г. Дело № 02-67.

что решением вышестоящей организации автомобиль ГАЗ-53 должен считаться переданным нефтебазе № 2. Доводы ответчика суд справедливо не принял во внимание и указал, что лицо, передающее источник повышенной опасности, и лицо, принимающее его, меняются ролями владельцев данного источника не с того момента, когда было издано соответствующее распоряжение о передаче, а с момента самой передачи¹.

Источник повышенной опасности может быть фактически передан его владельцем другому лицу, но без надлежащего юридического оформления договором, доверенностью и т.д. В этих случаях ответственность должен нести и тот, кто юридически является владельцем источника повышенной опасности, и тот, кто фактически осуществлял эксплуатацию источника без юридических к тому оснований. Например, при совершении контрольной поездки после ремонта автомашины ВАЗ, принадлежащей на праве частной собственности А., автослесарь-предприниматель Д. нарушил требования Правил дорожного движения и совершил наезд на пешехода В., причинив ему телесные повреждения средней тяжести. Районный народный суд справедливо обязал владельца автомашины и автослесаря солидарно возместить причиненный потерпевшему вред².

В судебной практике нередки случаи выбытия источника повышенной опасности из обладания собственника помимо его воли при правомерном поведении третьих лиц. При этом важно установить, кто управлял источником в момент причинения вреда: владелец или иное лицо, например работник милиции, который действовал согласно Закону Украины «О милиции». Общеизвестно, что переход источника повышенной опасности в оперативное подчинение органов ГАИ или дознания не влечет за собой смены владельца источника повышенной опасности, а следовательно, не вызывает смены ответственного лица в случае причинения вреда. Примером может служить дело по иску Ц. к автотранспортному предприятию и Приморскому РОВД г. Одессы. Из материалов дела видно, что водитель автотранспортного предприятия г. Одессы К., следовавший на автомашине ГАЗ-24, был остановлен работником ГАИ Ф. и оперуполномоченным уголовного розыска Ш. с целью преследования и задержания опасного преступника Б. В пути следования на закрутлении дороги водитель К. не справился с управлением, выехал за пределы дорожного полотна и совершил наезд на шедшего по тротуару пешехода Ц. В результате наезда Ц. были причинены тяжкие телесные повреждения. Суд справедливо взыскал всю сумму иска с автотранспортного предприятия, не ставя при этом вопрос о возможности привлечения к гражданской ответственности органов внутренних дел³.

¹ См.: Архив Червонозаводского районного народного суда г. Харькова за 1970 г. Дело 07-13.

² См.: Архив Червонозаводского районного народного суда г. Харькова за 1980 г. Дело 08-97.

³ См. Архив Приморского районного народного суда г. Одессы за 1990 г. Дело 005-321.

В тех же случаях, когда источник повышенной опасности, в частности автомашина, оказывается не только в оперативном, но и техническом управлении работников органов внутренних дел, решение вопроса о субъекте ответственности должно осуществляться по общим правилам, т. е. владельцами источника повышенной опасности (а следовательно, и субъектами ответственности) в данных случаях должны считаться органы внутренних дел.

На практике иногда возникает ситуация, когда вред причиняется автомобилем, находящимся в общей собственности нескольких лиц. Судебных решений о привлечении к гражданско-правовой ответственности двух или нескольких собственников в этих случаях практически не встречается. Как правило, имущественная ответственность возлагается на непосредственного причинителя вреда. Органы ГАИ также регистрируют автомашины только на одно лицо. Однако органы предварительного расследования и суды обязаны в каждом конкретном случае исследовать вопрос о правовом режиме автомашины. Поэтому полагаем, что ответственность должна возлагаться не только на «документального» собственника, но и на других сособственников транспортного средства¹.

В судебно-следственной практике определенный интерес вызывает и вопрос об ответственности нанимателя автомашины, принадлежащей гражданину на праве собственности. В этом случае важно, чтобы машина собственником была передана другому лицу — нанимателю в пользование и техническое управление по надлежаще оформленному договору. При этом должны быть соблюдены два таких неперенных условия: наличие водительского удостоверения на право управления транспортом данной категории и доверенность от лица, которому принадлежит машина. В случае несоблюдения указанных условий такого рода нарушения не могут быть игнорируемы при рассмотрении имущественного спора при причинении вреда источником повышенной опасности, переданным нанимателю. В этом случае наниматель и собственник машины должны нести перед потерпевшим солидарную ответственность. Они оба допустили нарушения уже во время передачи автомашины от одного лица к другому.

Имеет свои особенности и институт проката автомашины (без водителей), время становления которого относится к 1959 г. В соответствии с существовавшими правилами пользования легковыми автомобилями на условиях проката (без шоферов) сторонами в договоре являются автотранспортная организация, передающая машину на прокат, и абонент-гражданин, получающий машину в краткосрочное пользование.

¹ Как справедливо замечал О.А. Красавчиков, «наличие внутренних имущественно-семейных (или только имущественных) правовых отношений между сособственниками, даже при условии оформления документов на имя одного из собственников не должно приводить к сужению круга ответственных перед потерпевшим лиц» (Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 84).

По этому договору автохозяство передает своему контрагенту в пользование и техническое управление источник повышенной опасности только при наличии у абонента удостоверения на право управления автомашиной и удостоверения на право пользования автомашиной на условиях проката. Автомобиль должен быть передан абоненту автохозяством в технически исправном состоянии. Надо полагать, что с момента получения автомобиля в пользование (прокат) и до возвращения его в автохозяство абонент является владельцем источника повышенной опасности и использует его по своему усмотрению в пределах, предусмотренных договором. Абонент несет гражданскую ответственность перед третьими лицами (организациями, отдельными гражданами) за ущерб, причиненный им при пользовании автомобилем.

Однако в случае причинения вреда в результате скрытой неисправности источника повышенной опасности, которую абонент не должен был и не мог выявить, ответственность за вред, как представляется, должно нести автохозяство.

Не менее остро в последние годы стоит вопрос о возмещении имущественного ущерба при угонах автотранспортных средств. Пленум Верховного Суда Украины в п.3 постановления от 27 марта 1992 г. указал, что «владелец источника повышенной опасности не отвечает за вред, причиненный действием этого источника, если докажет, что последний выбыл из обладания владельца не по его вине, а в результате противоправных действий третьих лиц». Отсюда вывод: ответственность третьих лиц за причиненный вред должна определяться по правилам ст.450 ГК. Причем для возложения этой ответственности на третьих лиц Пленум требует установления двух условий: а) источник повышенной опасности выбыл из владения собственника или иного титульного владельца помимо его воли; б) завладение источником повышенной опасности со стороны третьих лиц носило противоправный характер.

Однако некоторые суды считают, что при причинении вреда источником повышенной опасности, выбывшим из обладания его владельца в результате противоправных действий третьих лиц, но при наличии вины владельца, ответственность за причиненный вред должна возлагаться как на лиц, использовавших источник повышенной опасности, так и на его владельца¹. В целом с такой позицией следует согласиться. Однако суды при этом не всегда учитывают, что противоправные действия нескольких третьих лиц должны влечь для последних солидарную ответственность. Собственник же машины или иной титульный владелец должен отвечать лишь в долевом порядке. Пленум Верховного Суда Украины правильно указал, что лица, совершившие противоправные действия, возмещают вред по правилам ответственности владельцев источников повышенной опасности, а если

¹ Например, если по вине владельца не была обеспечена надлежащая охрана источника повышенной опасности (автомобиль оставлен на дороге открытым с ключом зажигания в замке).

этому способствовало виновное поведение владельца (не была обеспечена надлежащая охрана и т.п.), ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, может быть возложена на лицо, противоправно завладевшее этим источником, и на его владельца в соответствии со степенью вины каждого из них. Вместе с тем в каждом таком случае вопрос о привлечении владельца источника повышенной опасности к ответственности за причиненный вред должен решаться при тщательном анализе причин выбытия этого источника из обладания владельца. Такая связь между действиями угонщика автомобиля и его владельца нередко отсутствует, а значит, привлечение последнего к ответственности за причиненный потерпевшему вред является необоснованным. Д.В.Боброва, рассматривая эту проблему шире, справедливо замечает: «Поскольку ст.450 ГК Украины не предусматривает освобождение владельца источника повышенной опасности от возмещения вреда и в тех случаях, когда причинению вреда способствовало противоправное виновное поведение третьего лица, постольку на подобные случаи распространяется ст.450 ГК. Владелец источника повышенной опасности вправе предъявить регрессный иск к виновному третьему лицу»¹.

Достаточно важной в обязательствах по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, является и проблема управомоченного лица — субъекта права на возмещение вреда, причиненного владельцем источника повышенной опасности. Эта проблема не нашла еще своего точного освещения в гражданско-правовой литературе. И в данной работе эта проблема исследована не в целом, а лишь в той ее части, где она соприкасается с особенностями обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности.

Обычно считается, что управомоченные лица в этих обязательствах — лица, «окружающие» источник повышенной опасности, которые связаны с ним постоянно, периодически или эпизодически. Однако это вовсе не означает, что именно этим определяется круг управомоченных лиц. Действующее гражданское законодательство нигде не содержит указаний на то, что субъектом права на возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, являются лица, «окружающие» данный источник. Напротив, лица, непосредственно связанные с источником повышенной опасности и выполняющие работу по трудовому договору, не рассматриваются законодателем в качестве управомоченных лиц по ст.450 ГК. Видимо, более правильно управомоченными считать лишь тех лиц, которые случайно оказались в районе воздействия источника повышенной опасности. Это, как справедливо замечал О.А.Красавчиков, «посторонние» лица по отношению к источнику повышенной опасности².

¹ Боброва Д.В. Проблемы деликтной ответственности в советском гражданском праве. С.169-173 (автореф. дис. С.44).

² См.: Красавчиков О.А. Указ. соч.С.99. Этой же точки зрения придерживается и Боброва Д.В. (см. ее дис. С.282).

Конкретно такими «посторонними» лицами являются: лица физические и юридические, имуществу которых нанесен ущерб источником повышенной опасности; лица, которым причинен вред в связи с утратой кормильца; лица, утратившие полностью или частично, постоянно или временно трудоспособность. Такими лицами, являющимися гражданами управомоченными, надо считать и тех лиц, которые были связаны с владельцем источника не трудовыми, а гражданско-правовыми договорами или иными соглашениями. К ним следует отнести пассажиров городского и междугородного транспорта, экскурсантов предприятий, на которых используются источники повышенной опасности, посетителей цирков, зоопарков и иных предприятий, которые в своей деятельности используют источники повышенной опасности (диких животных). И обусловлено это тем, что наш закон, как верно отмечал Б.С.Антимонов, «принципиально выводит вопрос об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека за пределы договорных отношений»¹.

Квалификация такой ответственности как внедоговорной более широко защищает права и интересы граждан.

Однако не менее актуальным является и вопрос перевозки пассажиров частным транспортом как на возмездных, так и безвозмездных началах. Если перевозка пассажира на возмездных началах не вызывает сомнений в необходимости применения ст.450 ГК в случае причинения вреда потерпевшему, то во втором случае, казалось бы, возникает «моральное препятствие» при решении вопроса о возмещении вреда. Судебная практика в этом случае правильно идет по пути применения ст.450 ГК. Но и тогда могут возникать самые разнообразные комбинации. Примером может служить уголовное дело о дорожно-транспортном происшествии, расследованное следственным отделом УВД г. Харькова. В январе 1979 г. на Белгородском шоссе в г. Харькове произошло столкновение автомобиля ГАЗ-24 под управлением К. и автомобиля М-412 под управлением С., в результате чего находившимся в автомобиле М-412 пассажирам Н. и Р. были причинены телесные повреждения. Н. являлась женой водителя С., а Р. — приятельницей их семьи. Расследованием установлена вина обоих водителей. Дзержинский районный народный суд г. Харькова удовлетворил иск Р. к обоим водителям, так как указанные лица несли перед ней солидарную ответственность. Гражданка Н. являлась совладелицей источника повышенной опасности (М-412) и причиненный ей вред частично возмещен только владельцем автомобиля ГАЗ-24. И все же суд не учел то обстоятельство, что Н., наряду с С., являлась собственником автомобиля М-412, и ошибочно возложил ответственность на К. и документального собственника автомашины М-412 С., т. е. неверно определил правовой режим этого транспорта, не учтя, что Н. являлась не только потерпевшей и истцом, но и ответчиком одновременно, и также обязана была нести имущественную ответст-

¹ Антимонов Б.С. Указ. соч. С.224.

венность по правилам ст. 450 ГК¹. Тут важно было бы учесть постановление Пленума Верховного Суда Украины от 27 марта 1992 г., в ч. 2 п. 3 которого сказано: «Лица, совместно причинившие вред, т. е. причинившие нераздельный вред совместными взаимосвязанными действиями или действиями с единством цели, несут солидарную ответственность перед потерпевшим. В аналогичном порядке несут ответственность владельцы источников повышенной опасности за повреждения, причиненные другим лицам при столкновении с источником повышенной опасности. Вопрос об ответственности за повреждения, причиненные при этом самим источникам повышенной опасности каждого из их владельцев перед другим из них, разрешается по правилам ст. 440 ГК; вред, причиненный одному из владельцев по вине другого, возмещается виновным; при наличии только вины владельца, которому причинен вред, последний ему не возмещается; при наличии вины обоих владельцев размер возмещения определяется в соответствии со степенью вины каждого; при отсутствии вины владельцев во взаимном причинении вреда ни один из них не имеет права на возмещение».

Общие условия возмещения вреда, причиненного физическим и юридическим лицам источником повышенной опасности, также имеют свои особенности, и это обязательство возникает лишь в случаях, когда источником повышенной опасности причинен вред. Наличие вреда — необходимое условие и для применения ст. 450 ГК. Если источником повышенной опасности создается только угроза имуществу физических или юридических лиц, жизни и здоровью физических лиц, то обязательство из причинения вреда еще не возникает. С точки зрения действующего гражданского законодательства в этих случаях вообще не возникает гражданских правоотношений. Возможные вредные последствия от такой угрозы обычно устраняются мерами административно-государственного порядка, однако в плане совершенствования гражданского законодательства, в частности и в новом ГК было бы желательно иметь в системе охранительных обязательств и такой их особый вид, как обязательства, возникающие вследствие создания угрозы жизни и здоровью граждан, а также их имуществу и имуществу юридических лиц в связи с нарушением природной окружающей среды. Как правило, такая угроза и создается использованием источников повышенной опасности. Но это не деликтное обязательство в смысле ст. 450 ГК.

К числу других условий возникновения обязательств, предусмотренных ст. 450 ГК, относят противоправный характер действий владельца источника повышенной опасности и наличие причинной связи между действиями причинителя вреда и наступившим результатом.

То, что всякое причинение вреда, в том числе и источником повышенной опасности, является противоправным, сомнений не вызывает, если оно не основано на законе. Однако за что отвечает владе-

¹ См.: Архив Дзержинского районного народного суда г. Харькова за 1979 г. Дело № 56722.

лец источника повышенной опасности: за свои действия или за действия самого источника повышенной опасности?

Так, Е.А.Флейшиц считает, что ответственность, возлагаемая на владельца источника повышенной опасности, не есть ответственность за поведение самого владельца источника повышенной опасности. Для такой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, «надо, чтобы вред был причинен не поведением владельца источника повышенной опасности, а действием источника повышенной опасности, которым владелец пользуется в той или иной деятельности»¹. Исходя из этой концепции получается, что владелец источника повышенной опасности отвечает не за свои действия, а за действие свойств вещей или силы природы. Вроде бы это и так, поскольку вред действительно причиняется источником повышенной опасности. Но это только игра слов, своеобразный софизм.

Как справедливо отмечал О.А.Красавчиков, понятие причинения вреда в гражданском праве не может быть оторвано от категории субъекта, его действий и средств причинения вреда. В указанном понятии не могут противопоставляться действия причинителя тем материальным средствам, которые были «в руках» действовавшего. Любая форма движения (механическая, химическая и т.д.) немыслима вне материи, без определенной материальной субстанции. А это и значит, что в любом случае причинение вреда есть не только вредоносное действие человека, но и определенные средства (орудия), которыми произведено нежелательное изменение, например, в имуществе потерпевшего².

Следовательно, причинение вреда источником повышенной опасности (равно как топором, лопатой и иными вещами), в чем также нельзя не согласиться с О.А.Красавчиковым, означает, что вредоносное действие человека было совершено с использованием определенных предметов материального мира, которые в рассматриваемого рода случаях являются орудиями причинения³. Поэтому ответственность за вред, нанесенный с использованием указанного источника, является ответственностью владельца источника повышенной опасности за свои действия. Он отвечает не за «поведение» машины, а за свое собственное поведение или за действия своих представителей (лиц, им уполномоченных), но так или иначе, — за действия человека, но не машины, химических веществ, электрического тока и т.д.

Как уже отмечалось, причинная связь между противоправным поведением владельца источника повышенной опасности и наступившим вредом также является обязательным условием деликтной ответственности, предусмотренной ст.450 ГК. Однако для возложения имущественной ответственности на владельца источника повышенной опасности необходимо установить, что вред был причинен именно действием источника повышенной опасности, т. е. установить естест-

¹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С.132.

² Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 158.

³ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 158.

венную причинную связь между возникшим вредом и проявлением специфической вредоносности соответствующего материального объекта, квалифицируемого в качестве источника повышенной опасности. При этом в рамках указанной причинной связи, в свою очередь, необходимо установить наличие причинной связи между осуществляемой владельцем источника повышенной опасности деятельностью, представляющей повышенную опасность при использовании (эксплуатации) этого источника для окружающих, и наступившим вредом, а также между поведением лица, непосредственно обслуживающего источник повышенной опасности, и наступившим вредом. Только установление всех этих рядов причинной связи дает возможность выявить действительно ответственное лицо — владельца источника повышенной опасности — и решить вопрос о возложении на него имущественной ответственности за вред, связанный с деятельностью принадлежащего ему источника повышенной опасности. Отсутствие хотя бы одного ряда причинной связи исключает применение ст.450 ГК.

Примером может служить дело о травмировании К. автомашиной КамАЗ под управлением В. Установлено, что дорожно-транспортное происшествие возникло в результате внезапного обвала дороги, повлекшего за собой образование огромной ямы, в которую свалились автомашина и пешеход К. Во время падения в яму машины и пешехода последнему и была причинена травма машиной. В ходе рассмотрения этого происшествия правильно был сделан вывод о том, что на владельца автомашины не может быть возложена ответственность за причиненный К. вред, так как отсутствовала необходимая причинная связь между поведением В., управляющим машиной, и наступившим вредом.

Для возложения обязанности возместить потерпевшему вред, причиненный источником повышенной опасности, сама по себе вина владельца источника повышенной опасности значения не имеет. Вред возмещается независимо от наличия или отсутствия вины владельца источника повышенной опасности. Однако неверно считать, что в тех случаях, когда отсутствует вина владельца источника повышенной опасности, но не существует необходимая причинная связь между его поведением, использующим источник повышенной опасности, и наступившим вредом, то возмещение вреда якобы основывается не на началах ответственности, а на началах, как утверждает О.А.Красавчиков, специального риска владельца источника повышенной опасности. Статья 450 ГК исходит из единого начала ответственности за причиненный вред. Вместе с тем это не значит, что при рассмотрении дел, связанных с применением ст.440 ГК, не надо вообще пытаться устанавливать вину владельца источника повышенной опасности. Это необходимо делать. Поступая именно таким образом, суд выполняет важную воспитательно-профилактическую функцию, способствуя тем самым укреплению дисциплины и порядка в использовании источника повышенной опасности. Ясно, что вообще запретить использование этих источников на том основании, что эксплуатация их создает

для окружающих опасность, невозможно, так как это означало бы установление запретов в области технического прогресса. Поэтому законодатель нашел вполне разумный способ решения этой проблемы: использование источников повышенной опасности допускается, но на владельцев их при этом возлагается повышенная ответственность (независимо от вины) перед потерпевшими за причиненный им вред. Перед потерпевшим должны нести одинаковую обязанность по возмещению вреда и виновные, и невиновные владельцы источников повышенной опасности. И не может быть никакой конкурирующей обязанности по возмещению вреда между виновными и невиновными владельцами источников повышенной опасности, как полагал О.А. Красавчиков, выдвинувший теорию двух начал возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности.

Обоснованность позиции О.А. Красавчикова не подтверждается и приведенным им примером из судебной практики о причинении телесных повреждений гражданке в дорожно-транспортном происшествии с участием трех единиц автотранспорта, виновником которого явился один из водителей, а два других владельца источников были невиновны. По мнению О.А. Красавчикова, суд, рассматривавший данное дело, правильно возложил обязанность возмещения вреда на владельца источника повышенной опасности, водитель которого действовал виновно, а двух других владельцев, не виновных в причинении вреда, освободил от этой обязанности. Правильность решения данного дела О.А. Красавчиков усматривает в том, что возложение возмещения вреда и на освобожденных судом владельцев источников повышенной опасности вело бы лишь к своего рода имущественному амнистированию виновного причинителя либо к необоснованным и ненужным осложнениям в расчетах между потерпевшей и невиновными причинителями, последними и виновным¹.

С такой позицией согласиться никак нельзя, и прежде всего потому, что в таких ситуациях необходимо действовать максимально в интересах потерпевшего, защита имущественной сферы которого является главным принципом деликтных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда источником повышенной опасности. В приведенном примере обязательно должна была наступить солидарная ответственность всех трех владельцев источников повышенной опасности. Потерпевшего в этих случаях должно беспокоить лишь имущественное положение владельцев источников повышенной опасности в той части, кто из них может максимально удовлетворить его имущественные притязания. Расчеты же между владельцами источников не должны входить в сферу его интересов по возмещению вреда. И такой подход к этой проблеме, как представляется, максимально обеспечивает защиту имущественных интересов потерпевшего. При причинении вреда несколькими источниками повышенной опасности ответственность их владельцев перед потерпевшими третьими ли-

¹ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 172.

цами в соответствии с требованиями ст. ст. 450 и 451 ГК Украины всегда должна носить солидарный характер¹.

Согласно ст. 450 ГК организации и граждане, использующие в своей деятельности источники повышенной опасности, которыми причиняется вред, могут быть освобождены от ответственности только в случаях, если докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Это, следовательно, те юридические факты, с наличием которых закон связывает освобождение от имущественной ответственности за причиненный вред владельца источника повышенной опасности. Противоправность причинения вреда владельцем источника повышенной опасности и его обязанность по возмещению вреда предполагаются. Доказанность непреодолимой силы освобождает его от ответственности.

Однако неверно думать, что если в действиях владельца источника повышенной опасности отсутствует вина, то это означает, что причиненный вред обусловлен непреодолимой силой. Отсутствие вины — еще не основание освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности по возмещению вреда. Он отвечает и за случайное причинение вреда — простой казус (случай). Поэтому необходимо различать простой казус (случай) и непреодолимую силу.

По вопросу о критериях разграничения этих понятий в литературе, в том числе западной, существует ряд теорий. Однако все они могут быть сведены к двум основным: субъективной и объективной. Согласно субъективной теории разграничение казуса и непреодолимой силы проводится по степени предотвратимости вреда: казус рассматривается как обстоятельство, субъективно не предотвратимое для данного лица, а непреодолимая сила («квалифицированный случай») — как обстоятельство, не предотвратимое для всех вообще, несмотря на все возможные в современных условиях меры предотвращения².

Согласно объективной теории разграничение казуса и непреодолимой силы осуществляется по внешнему признаку: казус рассматривается как обстоятельство, специфически и внутренне связанное со сферой деятельности причинителя, а непреодолимая сила — как обстоятельство, специфически не связанное с его внутренней деятельностью³.

Г.К. Матвеев полагает, что обе эти теории имеют методологические порочные основания. Отграничивая понятие случая (казуса) от понятия непреодолимой силы, обе теории пытаются выделить эти понятия по признаку их причинной обусловленности, однако обусловленность эту понимают либо идеалистически (по признаку предвидения), либо механически (по признаку внешних и внутренних связей)⁴.

¹ См.: Мусияка В.Л. Указ.соч.С.111; Боброва Д.В. Указ. соч. С. 299.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1910. С. 581.

³ Главным выразителем этой теории является Экспер (см.: Der Begriff der höheren Gewalt im römischen und heutigen Verkehrsrecht Cruthts Zeitschrift für Privat- und Öffentliches Recht. В., 1883. 10).

⁴ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. К., 1955. С. 88.

Однако надо признать, что и в современной литературе нет должной ясности в определениях понятия казуса и в особенности непреодолимой силы, хотя термин непреодолимая сила известен со времен римского права. До сих пор, как говорили Э.Э.Пирвиц и Т.М. Яблочков¹, непреодолимая сила остается «загадочным правовым институтом».

Все же применительно к рассматриваемым обязательствам наиболее верной представляется точка зрения, согласно которой непреодолимая сила — это факторы объективного характера, причинно не связанные с деятельностью владельца источника повышенной опасности. Основную массу этих факторов составляют различного рода стихийные (природные) явления, которые наука иногда может предвидеть, но практически устранить неожиданное их воздействие на деятельность источников повышенной опасности не представляется возможным. Для них это всегда внешние и по силе своего воздействия чрезвычайные события, предотвратить вредоносное влияние которых на используемые (эксплуатируемые) источники повышенной опасности они не в состоянии, если даже и были предупреждены о наступлении этих последствий. Вместе с тем невозможность предвидеть или предотвратить вредоносные последствия непреодолимой силы не снимает с владельца источника повышенной опасности обязанности по исполнению всех имеющихся в его распоряжении средств для уменьшения либо полной ликвидации этих последствий.

Поэтому следует оценивать и конкретные возможности владельца источника повышенной опасности в плане его реального воздействия на свою деятельность, с тем чтобы и в условиях непреодолимой силы предотвратить причинение вреда источником повышенной опасности. Так что тут надо учитывать и субъективный момент. Однако если вред вызван только действием непреодолимой силы, то вопрос о чьей-либо ответственности вообще возникать не может.

Действие непреодолимой силы может быть направлено либо непосредственно на источник повышенной опасности, либо на обслуживающих его лиц. В качестве примера первого случая можно назвать штормовую погоду, в результате чего танкер выбросило на рифы, он разломался на части, а вытекшая из него нефть явилась причиной загрязнения морской среды, болезни и гибели живых организмов. В качестве примера другого случая можно привести дело, расследованное следственным отделом УВД г. Харькова. В марте 1984 г. на Московском проспекте в районе Дома культуры завода «Серп и молот» у водителя, управлявшего автомашиной ВАЗ-2105 и следовавшего в направлении ХТЗ, произошла внезапная остановка работы сердца. Автомобиль, будучи неуправляемым, выехал на обочину и совершил наезд на препятствие. Возможны случаи одновременного поражения действием непреодолимой силы как источника повышенной опасности, так и обслуживающего его персонала.

¹ См.: Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895; Яблочков Т.М. Понятие непреодолимой силы в гражданском праве // Юрид. зап. Демидовского лицея. 1911.

Словом, во всех тех случаях, когда вред причинен источником повышенной опасности в условиях действия непреодолимой силы, считается, что наступивший вред находится в необходимой причинной связи не с источником повышенной опасности, а с фактором этой непреодолимой силы. Он не является противоправно причиненным. Поэтому и не возникает обязанность владельца источника повышенной опасности возместить причиненный вред. Вместе с тем понятие непреодолимой силы подвижно, ибо все зависит от уровня человеческого познания природы и активного воздействия человека на силы природы.

В связи с этим то, что в настоящее время считается непреодолимой силой, может быть в дальнейшем отнесено к понятию простого случая или даже к вине¹.

В тех же случаях, когда на владельца источника повышенной опасности возлагается обязанность возместить вред, причиненный при обстоятельствах простого случая (казуса), считается, что наступивший вред находится в причинной связи с действием источника повышенной опасности. Только об ущербности психического отношения владельца источника повышенной опасности ко всему случившемуся нельзя говорить. Соответственно в этих случаях, несмотря на отсутствие вины владельца источника повышенной опасности, действия его считаются противоправными и на него возлагается ответственность по возмещению причиненного им вреда. Он рискует, а за риск согласно ст. 450 ГК, если все же причиняется вред, надо отвечать. В этом и состоит суть повышенной ответственности по ст. 450 ГК по сравнению с ответственностью по ст. 440 ГК, согласно которой ее необходимым условием является вина причинителя вреда. В отличие от непреодолимой силы случай (казус), как и вина, находится в плоскости не объективных, а субъективных явлений. Значит, и ответственность за риск (случай или казус) основана не просто на факте причинения вреда, но и на том, что владелец источника повышенной опасности понимает, что он рискует, используя его².

Субъективно случайное причинение вреда может проявиться в причинении вреда источником повышенной опасности, обусловленном поведением потерпевшего, состоянием источника повышенной опасности, которое не может быть поставлено в вину его владельцу, и в других подобных ситуациях.

В качестве примера первого случая может служить дело о травмировании малолетнего мальчика К., который пытался пересечь проезжую часть проспекта в г. Харькове, двигаясь за задней частью стоявшей на проспекте грузовой автомашины, и был сбит встречным автомобилем ГАЗ-24 под управлением водителя В. По заключению

¹ См.: Отчет о заседании сектора гражданского права ВИЮН, посвященном вопросу о вине в гражданском праве // Сов. гос-во и право. 1949. № 11. С. 73.

² В обосновании понятия риска более правильную позицию занимают В.А. Ойгензихт и С.Н. Братусь, а не О.А. Красавчиков, хотя он и первый ввел в оборот это понятие.

судебной автотехнической экспертизы, водитель В. в сложившейся дорожной ситуации не располагал технической возможностью предотвратить наезд на мальчика К., что позволило следователю с учетом других собранных по делу доказательств установить невиновность водителя. Однако здесь налицо случайное причинение вреда, и владелец источника повышенной опасности, несмотря на отсутствие вины, обязан возместить причиненный вред.

Примером причинения вреда, обусловленного материально-техническим состоянием источника повышенной опасности, которое не может быть поставлено в вину владельцу данного источника, может служить дело о наезде на пешехода Г., который был травмирован выехавшим на тротуар автомобилем ГАЗ-52 под управлением водителя Б. в результате разрушения одной из деталей рулевого управления. По заключению судебной автотехнической экспертизы, разрушение детали произошло из-за скрытого заводского дефекта, который не мог быть обнаружен при выезде транспорта на линию ни самим водителем, ни службой главного механика. В сложившейся дорожной ситуации водитель Б. не имел технической возможности для предотвращения наезда на пешехода. И в этом случае, согласно закону, владелец источника повышенной опасности обязан возместить причиненный вред.

Помимо непреодолимой силы, другим основанием освобождения владельца источника повышенной опасности от ответственности за причиненный вред является приведший к причинению вреда умысел потерпевшего, если он будет доказан. Это, видимо, настолько ясно и понятно, что не требует особого теоретизирования и комментария. Следует, однако, отметить известную несогласованность ст. 450 и ст. 454 ГК. В ст. 454 ГК сказано, что при определенных обстоятельствах и грубая неосторожность может служить основанием для освобождения причинителя вреда от ответственности, в том числе и владельца источника повышенной опасности. Думается, что в новом ГК эта несогласованность должна быть устранена¹. Должно быть предусмотрено, что только умысел потерпевшего может освобождать владельца источника повышенной опасности от обязанностей по возмещению причиненного этим источником вреда.

§ 6. О страховании гражданской ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности

В цивилистической литературе в течение ряда лет настойчиво выдвигалась идея о необходимости закрепления в нашем законодательстве страхования гражданской ответственности владельцев источников повышенной опасности за причиненный ими вред. При этом указывалось, что страхование такой ответственности широко применяется во многих государствах. Отмечалось, что по правилам этого

¹ Высказанные, в частности, В.Т. Смирновым и А.А. Собчаком суждения о том, что тут нет несогласованности, не могут быть признаны убедительными (см.: *Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 69.*)

института в обязанности страховщика должно входить возмещение потерпевшему вреда в полном объеме, т. е. все то, что он мог бы получить при этом от владельца источника повышенной опасности, рассмотрение всех предъявленных к страхователю претензий, защита его интересов в суде, возвращение произведенных им потерпевшему выплат и др. Таким образом, причинителю вреда предоставлялась бы возможность переложить на страховщика определенный риск, связанный с возможностью причинения вреда жизни и здоровью граждан, а потерпевшему гарантировать быстрое и полное (разумеется, в рамках, установленных гражданским законодательством) возмещение ущерба. Соответственно реальное удовлетворение притязаний потерпевшего не находилось бы в какой-либо зависимости от имущественного положения причинителя, если бы таковым являлся гражданин.

Исследуемая идея, как известно, получила поддержку в соответствующем Указе Президента Украины¹, нашла свое должное отражение в постановлении Кабинета Министров Украины от 7 июня 1994 г. № 372 «Об утверждении положения о порядке и условиях обязательного страхования гражданской ответственности собственников транспортных средств»². Однако, действие этих актов было приостановлено постановлением Верховного Совета Украины от 28 декабря 1994 г.³ до более тщательного изучения этой проблемы, увязки ее с действующим законодательством о страховании и ГК, в котором институт страхования гражданской ответственности собственников транспортных средств должен органически вписываться в его соответствующие разделы, иначе говоря, требуется дальнейшее исследование данного вопроса.

Представляется, что в новых предложениях по данному вопросу, которые должны быть представлены в Верховный Совет Украины в соответствии с его постановлением от 28 декабря 1994 г., следует сформулировать такие положения: юридическим основанием страхования гражданской ответственности источников повышенной опасности должен быть договор, подпадающий под общие правила договора об имущественном страховании, предусмотренном в ГК, но заключенный страховщиком только при наличии у него соответствующей лицензии. С учетом правил, предусмотренных ст. 450 ГК, при этом виде страхования ответственность страховщика должна исключаться в следующих случаях:

- а) когда вред наступил в результате умысла потерпевшего;
- б) когда вред явился следствием действия непреодолимой силы.

Страховщик не должен отвечать и за вредоносные последствия, которые возникли в результате действий лиц, противоправно захвативших и использовавших транспортное средство, а также в результате военных действий и мероприятий, ими вызванных. Указанное ограничение также согласуется с действующим у нас законодательством.

¹ См.: Указ Президента України «Про обов'язкове страхування цивільної відповідальності власників транспортних засобів» // Уряд. кур'єр. 1994. 11-12.

² См.: ЗП Уряду України. 1994. № 10.

³ Закон і бізнес. 1995. № 4.

Однако наряду с этими основаниями следует предусмотреть ограничения и по кругу субъектов: не должен подлежать возмещению вред, причиненный самому страхователю, членам его семьи, а также лицам и имуществу, которые находились в машине. В этом случае должны действовать общие нормы, предусматривающие ответственность за вред, причиненный в результате действий владельца источника повышенной опасности.

Представляется, что такой подход к проблеме будет оправданным, ибо позволит, к примеру, дисциплинировать участников дорожного движения, заставит их быть внимательными в складывающихся дорожных ситуациях и предпринимать активные меры по предотвращению причинения вреда. Более того, когда самим страхователем либо его членами семьи, а также другими лицами с согласия страхователя допущены грубые нарушения Правил дорожного движения, в результате чего потерпевшему причинен вред (грубое нарушение Правил может выражаться в управлении источником повышенной опасности в состоянии алкогольного или наркотического опьянения либо при отсутствии права на управление автомашиной), а тем более, если причиненный вред явился результатом умышленных действий, то страховщику должно быть предоставлено право регрессного требования к страхователю. И это оправданно, ибо такой порядок возмещения вреда поставит страхователя в рамки только законной деятельности и не позволит ему допускать нарушения, которые бы приводили к наступлению вредных последствий. В противном случае бремя ответственности следует полностью снимать со страховщика и возлагать на страхователя. Разумеется, в других случаях неосторожная форма вины страхователя, включая и ее грубое проявление, не должна быть основанием для возложения на него ответственности. В этом случае он должен освобождаться от регрессной ответственности перед страховщиком.

В своей основе указанные положения относительно страхования гражданской ответственности представляются приемлемыми и вполне оправданными. Вместе с тем при введении страхования гражданской ответственности на основе договора принцип добровольного его заключения целесообразно заменить принципом обязательности. Это повлечет за собой, естественно, и то, что основным должником всегда будет страховщик, а дополнительным (субсидиарным) — причинитель. Поэтому будет правильным признать за потерпевшим и право потребовать выплаты разницы от причинителя вреда в случае, если полное его возмещение от страховщика не может быть получено.

Реализация указанных предложений с учетом согласованной компенсационной направленности деликтной ответственности и страхования обеспечит надлежащую охрану личных и имущественных прав потерпевших, что согласуется как с общими принципами гражданского права, так и с требованиями постановления Верховного Совета Украины от 28 декабря 1994 г.

ОБЪЕМ И СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Объем и способы возмещения вреда, причиненного имуществу других лиц

Причинение вреда имуществу других лиц влечет за собой в каждом конкретном случае различные правовые последствия: уголовно-правовое и административно-правовое реагирование, а наряду с этим и применение мер гражданско-правовой ответственности. Однако применение последних ни в коей мере не играет второстепенную роль. Гражданско-правовые меры, воздействуя на имущественную сферу причинителя вреда, обеспечивают возмещение имущественного ущерба потерпевшему.

Для возникновения гражданской ответственности необходимо, чтобы имелись все условия (общие или специальные), предусмотренные законом. И если все условия для возникновения такой ответственности налицо, то ни степень виновности причинителя, ни другие обстоятельства при определении объема возмещения вреда значения, как правило, не имеют. Напротив, при назначении уголовного наказания судом учитываются степень виновности причинителя вреда, общественная опасность совершенного им деяния, характер вредных последствий, личность самого причинителя и др. Размер ущерба имеет значение для уголовно-правовой квалификации наказания. Однако, назначая наказание, суд учитывает этот фактор лишь в совокупности с другими обстоятельствами совершенного преступления. Но какую бы меру уголовного наказания лицо ни понесло, в гражданско-правовом порядке на него будет возложена обязанность полностью возместить причиненный им вред. Решение по гражданскому делу не изменится и в том случае, если вред причинен по неосторожности, и лицо вообще не привлекается к уголовной ответственности. Как справедливо замечает по этому поводу О.С. Иоффе, объем ответственности определяется всецело и исключительно в соответствии с объемом причиненного вреда¹. Такой подход к проблеме и называется принципом полного возмещения, в соответствии с которым определяется объем возмещения вреда, причиненного имуществу других лиц. И это правило закреплено в норме ст. 440 ГК, где указано, что вред, причиненный имуществу гражданина, а также вред, причиненный организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим.

Правило полного возмещения тесно связано со способами возмещения вреда. Законодатель в ст. 453 ГК предусмотрел эти способы,

¹ Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. С. 66.

указав, что присуждая возмещение вреда, суд, арбитражный или третейский суд в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за вред, возместить его в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.) или полностью возместить причиненные убытки. Под убытками согласно ст. 203 ГК необходимо понимать расходы, произведенные потерпевшим, утрату или повреждение его имущества, а также не полученные потерпевшим доходы, которые он получил бы, если бы не был причинен вред его имуществу. На практике первый способ — возмещение в натуре — применяется редко. Это связано прежде всего с тем, что такое возмещение зачастую невозможно. Кроме того, потерпевшему, как представляется, выгоднее было бы получить денежную компенсацию и приобрести вещь, отвечающую его личным вкусам и потребностям, нежели ту, которая восстановлена самим причинителем или предоставлена им взамен уничтоженной. Следовательно, способ возмещения вреда, установленный в ст. 453 ГК в качестве вспомогательного, фактически приобрел основное значение в нашей судебной практике. Представляется правильным и в новом ГК признать первичным способом возмещения вреда возмещение вызванных причинителем вреда убытков, а вторичным — восстановление поврежденных предметов в натуре.

Некоторые цивилисты рассматривают вред и убытки в качестве синонимов. Однако такой подход к проблеме представляется неверным, потому что в результате этого допускается смешение понятий, несущих различную смысловую нагрузку, что не способствует четкости и ясности в этом вопросе в ходе правоприменительного процесса. Представляется, что правильнее будет понимать под ущербом натурально-вещественную форму вреда, а под убытками — его денежную оценку, и такой вывод прямо вытекает из содержания ст. 453 ГК. При этом следует вновь подчеркнуть, что ст. 440 ГК предусматривает полное возмещение убытков, т.е. как положительного ущерба, так и упущенной выгоды.

В цивилистической науке и практике выработан единый подход к понятию упущенной выгоды, хотя формулировки этого понятия даются разные. Думается, что наиболее точно об упущенной выгоде следует говорить как о той реальной прибыли, которую физическое лицо получило бы, если бы не был причинен вред имуществу, повлекший за собой простой производства, нарушение режима его работы и т.д. Но для обоснования этого необходимо документальное (бухгалтерское) заключение. В судебной практике нередко отрицательно решается вопрос о взыскании неполученных доходов наряду с возмещением положительного ущерба, причиненного преступлением. Статья 440 ГК истолковывается таким образом, что неполученные доходы в соответствии со ст. 203 ГК подлежат взысканию лишь в случаях нарушения договорных отношений. Подобное толкование ст. 440 ГК противоречит ее смыслу, так как законодатель справедливо предусмотрел, что вред должен возмещаться в полном объеме, независимо от характера причиненного вреда. Возмещение причиненного

преступлением вреда в полном объеме имеет огромное воспитательное воздействие, является эффективной мерой предупреждения преступлений. Неотвратимость возмещения вреда подрывает побудительный стимул к совершению корыстных преступлений.

Однако суды, рассматривая дела по искам о возмещении вреда, причиненного преступлением, нередко сталкиваются с трудностями при исчислении и положительного ущерба. ГК не содержит правил об оценке такого вреда. В связи с этим постановлением Главного управления ценовой политики Министерства экономики Украины от 30 апреля 1992 г. утверждены Указания «О порядке оценки вреда, причиненного хищением, недостачей, уничтожением или повреждением материальных ценностей», где предусмотрено, что в случаях хищения, недостачи, уничтожения или повреждения имущества, сырья, материалов, комплектующих изделий и продукции оценка причиненного вреда осуществляется в следующем порядке.

1. Стоимость новых материальных ценностей, как отечественных, так и импортных (за исключением указанных в пп. 6—8), определяется исходя из розничных цен на новую продукцию, действующих в торговле на момент рассмотрения вопроса о материальной ответственности, а в случае их отсутствия — исходя из действующих оптово-отпускных цен производителей с коэффициентом 1,5.

2. В отношении продукции, снятой с производства до 1 января 1992 г., стоимость определяется исходя из цены ее приобретения, увеличенной пропорционально росту против 1991 г. цен на новые виды аналогичной продукции (по справкам производителей или торговли).

3. В отношении имущества, находившегося в эксплуатации, на которое предусмотрены амортизационные отчисления, размер причиненного вреда определяется исходя из указанных выше цен, уменьшенных пропорционально фактическому износу этого имущества, однако не ниже, чем на 50 процентов.

4. Стоимость узлов, деталей, полуфабрикатов и другой продукции, изготавливаемой предприятием для внутрипроизводственных потребностей, на которые цены не устанавливаются, определяется исходя из себестоимости их производства с начислением средней по предприятию нормы прибыли.

5. В отношении продукции, производство которой не закончено, размер ущерба определяется исходя из цен на готовую продукцию, уменьшенных на сумму стоимости материальных и трудовых затрат, необходимых для выпуска готовой продукции.

6. Размер вреда по всем видам и маркам этилового спирта, спирта этилового технического, спирта этилового ректифицированного и спирта коньячного определяется исходя из оптово-отпускной цены предприятий-изготовителей с начислением налога на добавленную стоимость. В определенной таким образом цене применяется коэффициент 8. Виноматериалы для приготовления вин, шампанского и коньячного спирта оцениваются исходя из оптово-отпускных цен с учетом налога на добавленную стоимость и акцизного сбора (в соот-

ветствии с установленными ставками) с коэффициентом 2, а обработанные коньяки — с коэффициентом 8. Плодово-ягодные соки, консервированные сернистым ангидридом или бензокислым натрием, оцениваются исходя из оптово-отпускных цен с учетом налога на добавленную стоимость с коэффициентом 3, а спиртовые настойки — с коэффициентом 6.

7. Продовольственные товары, розничные цены на которые дотируются, оцениваются путем суммирования к указанным розничным ценам суммы дотации.

8. При хищении или гибели скота сумма ущерба определяется по закупочным ценам, складывающимся на момент выявления факта гибели или хищения. При этом размер ущерба определяется в полуторной стоимости скота.

9. Данные о действующих ценах и расчет размеров ущерба, подлежащего возмещению, представляются судебно-следственным органам учреждениями и организациями-истцами.

Указания, учитывая существующие инфляционные процессы, устанавливают, что стоимость новых материальных ценностей определяется исходя из розничных цен на момент рассмотрения вопроса о материальной ответственности, а в случае их отсутствия — исходя из действующих оптово-отпускных цен производителей с коэффициентом 1,5. Этот фактор учитывается и в отношении продукции, снятой с производства до 1 января 1992 г. Ее стоимость определяется исходя из цены приобретения, увеличенной пропорционально росту против 1991 г. цен на новые виды аналогичной продукции.

Государство стало на позицию защиты предпринимателя, поэтому и в отношении имущества, находящегося в эксплуатации, предусмотрено, что при определении его стоимости надо учитывать фактический износ имущества, однако не ниже, чем на 50 процентов.

При определении стоимости вреда, причиненного хищением, недостачей, уничтожением или повреждением указанных выше марок спирта, виноматериалов, соков, не только учитывается налог на добавленную стоимость и акцизный сбор, но и применяются повышенные коэффициенты — 2, 3, 6, 8.

Оценка продовольственных товаров с дотированными ценами производится с учетом сумм дотации.

Определяя ущерб при хищении или гибели скота, необходимо исходить из закупочных цен, складывающихся на момент выявления факта гибели или хищения (с коэффициентом 1,5).

Однако в судебно-следственной практике может возникнуть такая ситуация, когда материальные ценности приобретаются по свободно складывающимся рыночным ценам, и в случае оценки вреда по правилам Указаний потерпевший лишается возможности полного возмещения вреда, предусмотренной ст. 440 ГК. Поэтому при оценке вреда в отношении продукции, приобретенной в условиях свободных рыночных цен, следует устанавливать фактическую цену приобретения этой продукции (либо фактические затраты на ее производство), что исключит ущемление интересов потерпевшего и не поставит винов-

ного в положение более благоприятное, чем того требует сложившаяся ситуация. Этот вывод будет особенно справедлив применительно к п. 8 Указаний, если вред причинен субъектам предпринимательской деятельности. Сказанное будет справедливо при определении как прямого ущерба, так и взыскиваемой упущенной выгоды.

За вред, причиненный работниками, находившимися с предприятием, учреждением, организацией в трудовых правоотношениях, ответственность наступает по правилам трудового законодательства (ст.ст. 130—138 КЗоТ). Взыскивается лишь прямой действительный ущерб. Эта ответственность, как правило, ограничивается средним размером заработка работника и не должна превышать полного размера причиненного ущерба. В случае совершения работником преступления ущерб возмещается в полном объеме, но опять-таки без учета упущенной выгоды. За ущерб, относящийся к категории нормального производственного риска, ответственность не наступает.

Не подлежащий возмещению вред, причиненный при необходимой обороне, если не были превышены ее пределы (ст. 444 ГК). Действия обороняющегося считаются правомерными.

В условиях крайней необходимости одно лицо причиняет вред другому в целях предотвращения более тяжких вредоносных последствий, если иные меры оказываются неэффективными. Ответственность за вред, причиненный в условиях крайней необходимости, предусмотрена в ст. 445 ГК. Из диспозиции ее вытекает, что при решении вопроса об ответственности по этой статье необходимо тщательно учитывать все конкретные обстоятельства причинения вреда. По общему правилу, вред возмещается его причинителем, однако суд может возложить обязанность по его возмещению на третье лицо, в интересах которого действовало лицо, причинившее вред, или освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред. Например, водитель Ч., управлявший автомобилем КамАЗ, в целях предотвращения наезда на пешехода К., перебежавшего проезжую часть дороги в неустановленном месте и непосредственной близости от движущегося транспорта, выехал за пределы дорожного полотна, совершил наезд на препятствие и повредил стоявший там автомобиль. Материальный ущерб от повреждения автомобиля составил 200 млн крб. По заключению судебной автотехнической экспертизы, при сохранении автомобилем КамАЗ прямолинейного движения наезд на пешехода К. был бы неизбежен. Водитель Ч., предотвращая угрозу жизни и здоровью пешехода К., причинил при этом материальный вред автопредприятию, которому принадлежал поврежденный автомобиль. Действия водителя Ч. в данной ситуации являются правомерными и не имеют состава преступления. Ответственность за вред следует возложить на пешехода К., допустившего нарушение Правил дорожного движения.

Однако вред может быть причинен не одним, а несколькими лицами совместно. Чаще всего это бывает при совместном совершении умышленных преступлений, например, хищений, грабежей, разбойных нападений. Но совместное причинение вреда возможно также

при неосторожной вине причинителей, например, в случае столкновения источников повышенной опасности (автотранспортных средств), в результате которого причиняется вред третьему лицу (в данном примере — пешеходу).

При этом возникает вопрос: кто и в каком объеме должен нести ответственность за наступивший вред. Для его правильного разрешения необходимо ясно представлять себе, что следует понимать под совместным причинением вреда.

Как справедливо отмечает В.Л. Мусияка, вред считается причиненным совместно при наличии двух следующих условий. Во-первых, необходимо, чтобы действия двух или нескольких лиц находились в причинной связи с наступившими вредными последствиями. Во-вторых, необходимо, чтобы вред, вызванный совместными действиями двух или нескольких лиц, был нераздельным, представлял собой единое целое, а не простое механическое соединение в одну общую сумму последствий, вызванных самостоятельными действиями каждого из нескольких лиц, привлекаемых к ответственности¹.

Чтобы в этих случаях наступила солидарная ответственность причинителей вреда (ст. 451 ГК), требуется еще и установление их общего умысла. Судебные органы неизменно стоят на той позиции, что недопустимо возлагать солидарную ответственность на лиц, которые осуждены по одному делу, но за самостоятельные преступления, не связанные с общим намерением, или на лиц, из которых одни, например, осуждены за хищение, а другие — за халатность или некорыстные злоупотребления, хотя бы действия последних и способствовали первым совершить хищение. Однако в случаях, когда ответственность за совместное причинение вреда не связывается обязательно с виной причинителей, как это предусмотрено ст. 450 ГК, солидарная ответственность может наступать и при отсутствии всякой вины причинителей. В случаях ответственности за совместное причинение вреда, по общим правилам ст. 440 ГК, когда у причинителей вреда отсутствует общий умысел, возмещение вреда должно производиться в долевом порядке с учетом степени и формы вины каждого из причинителей. В литературе высказано мнение, что сформулированное судебной практикой правило о солидарном порядке возмещения вреда, причиненного преступными действиями нескольких лиц, должно иметь более широкое значение и применяться независимо от того, причинен вред преступлением или иными умышленными противоправными действиями, не носящими преступного характера². В.Л. Мусияка, разделяющий это мнение, считает, что и ст. 451 ГК должна быть изложена в такой редакции: «Лица, причинившие вред действиями, объединенными общим намерением, несут солидарную ответственность перед потерпевшим»³. И с этим надо согласиться.

¹ См.: Мусияка В.Л. Указ. соч. С. 67-80.

² См.: Гильман Ю.М. Спорные вопросы солидарной ответственности // Правоведение. 1968. № 6. С. 53.

³ См.: Мусияка В.Л. Указ. соч. С. 76.

Содержание понятия солидарной ответственности дано в ст. 175 ГК, которая предоставляет кредитору по солидарному обязательству право требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от каждого из них в отдельности полностью или в части долга. Как верно замечает О.С. Иоффе,¹ применительно к обязательствам по возмещению вреда это означает, что потерпевший, которому вред был совместно причинен несколькими лицами, вправе предъявить требование о его полном или частичном возмещении всем им одновременно или любому из них в отдельности. Но солидарная ответственность, разумеется, не может служить способом для обогащения потерпевшего. Поэтому его право сохраняется лишь до тех пор, пока он не получит полного возмещения, — все равно было бы оно произведено всеми причинителями по частям или одним из них в полном объеме. После получения потерпевшим полного возмещения его право погашается, и все причинители, независимо от их участия в возмещении вреда, освобождаются от каких бы то ни было обязанностей перед потерпевшим.

Когда же один из причинителей предоставил потерпевшему полное возмещение и тем самым освободил от обязанностей перед ним других причинителей, то тогда возникает вопрос о расчетах между самими совместными причинителями. Порядок таких расчетов урегулирован нормами ст. 175 ГК, где указано: «Должник, исполнивший солидарное обязательство, имеет, поскольку иное не установлено законом или договором, право обратного требования к остальным должникам в равной доле». Как видим, ст. 175 ГК исходит из равенства долей в отношениях между солидарно обязанными должниками, не исключая, правда, возможности иного решения вопроса в законе или договоре.

Однако в солидарных обязательствах по возмещению вреда равенство долей при расчетах между совместными причинителями не всегда допустимо и приемлемо. Это относится, например, к случаям когда источник повышенной опасности находится в собственности двух и более лиц. Один из них, используя этот источник, причиняет вред. Но перед потерпевшим все собственники будут отвечать солидарно. Вместе с тем, учитывая полную невиновность других собственников, следует возложить бремя возмещения целиком на причинившее вред лицо. Если же виновными являются все совместные причинители, то и в этом случае вовсе не обязательно устанавливать в отношениях между ними равенство долей. Учитывая все обстоятельства дела и в первую очередь степень виновности каждого из совместных причинителей вреда, суд с учетом этого в ходе судебного разбирательства должен распределить между ними ущерб после того, как он был возмещен потерпевшему.

При этом следует подчеркнуть, что солидарная ответственность установлена в интересах потерпевшего, но отнюдь не в интересах совместных причинителей. Поэтому В.Л. Мусияка и ряд других авто-

¹ См.: Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда. С. 72.

ров справедливо указывают, что когда ставится вопрос о возмещении вреда потерпевшему, то ни о какой «дозировке» ответственности не может быть и речи: вред должен быть возмещен в полном объеме за счет всех причинителей или любого из них. Но после того как потерпевшему вред возмещен, определение доли, падающей на каждого из совместных причинителей, в соответствии со степенью виновности и другими обстоятельствами дела, не только целесообразно, но и необходимо для оказания должного воспитательного воздействия на лиц, привлекаемых к гражданской ответственности, для устранения какой бы то ни было возможности поставления в равное положение лиц, сыгравших фактически различные роли в причинении вредных последствий.

В ст. 454 ГК указано на то, что размер возмещения должен быть уменьшен либо в возмещении должно быть отказано, если будет доказано, что потерпевший, в свою очередь, допустил грубую неосторожность. Отмечалось, что грубая неосторожность потерпевшего не должна служить основанием для полного освобождения причинителя вреда от его возмещения. Она может быть основанием лишь для уменьшения объема ответственности причинителя. В этих случаях обычно принято говорить о смешанной вине¹.

Однако и сформулированное правило о смешанной вине не должно носить абсолютный характер. Верно, что при простой неосторожности потерпевшего эта форма его вины в общем-то не должна приниматься во внимание. Но ведь могут быть случаи этой смешанной вины, когда к причинителю вреда нельзя предъявить более высоких требований предусмотрительности, чем к потерпевшему. Будет ли в этих случаях правильным не учитывать и простую неосторожность потерпевшего? Думается, что нет.

Говоря о грубой неосторожности потерпевшего как об обстоятельстве, приводящем к снижению ответственности причинителя вреда, закон прежде всего указывает на то, что при грубой неосторожности потерпевшего размер возмещения, взыскиваемого с причинителя вреда, всегда должен быть уменьшен. Но из этого отнюдь не следует, что при наличии простой неосторожности со стороны пострадавшего объем ответственности причинителя вреда никогда не может быть уменьшен. Как справедливо замечал О.С. Иоффе, все зависит от конкретных обстоятельств дела, характера деятельности, причинившей вред, тяжести вины причинителя и потерпевшего, предъявляемых к ним требований предусмотрительности, значения нарушенных ими

¹ Поскольку в этих случаях вред является результатом совместных противоправных действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, то исходя из основного принципа деликтной ответственности — за вину, бремя такой ответственности должно ложиться как на причинителя вреда, так и на потерпевшего. Однако следует при этом учитывать тот факт, что потерпевший претерпевает в результате происшествия большие материальные, физические и моральные издержки. К нему, как правило, предъявляются лишь общие требования соблюдения установленных правил.

требований и т.д.¹ Суды должны исходить из того, что с учетом этих обстоятельств возможно уменьшение объема ответственности причинителя вреда и при простой неосторожности потерпевшего.

Особые затруднения в практике судов возникали в тех случаях, когда наряду с наличием грубой небрежности потерпевшего налично имелась грубая небрежность, халатность и т.п. со стороны причинителя ущерба. Например, суд по делу устанавливает нетрезвое состояние потерпевшего в момент причинения ущерба (увечья) и в то же время несоблюдение железнодорожными служащими правил о предупредительных свистках, уменьшении в определенных местах скорости движения и пр. В таких случаях суды обычно либо не придавали значения грубой небрежности потерпевшего и возлагали ответственность за увечье на железную дорогу, либо же отказывали потерпевшему в иске. В конечном счете и в этих случаях было признано необходимым применение принципа смешанной ответственности, сущность которого была сформулирована так: поскольку ущерб является результатом неправильных, неосторожных или небрежных действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, постольку ответственность за этот ущерб должна быть «смешанной», т.е. она может быть возложена в равной или в той или иной мере и на причинителя ущерба, и на потерпевшего. Вот конкретный пример того, как при установлении смешанной вины или ответственности в подобных ситуациях необходимо учитывать специфические оттенки каждого дела.

Водитель К., управляя принадлежащим ему на праве собственности автомобилем ВАЗ, в сильный ливень допустил превышение скорости, установленной для движения в городской черте, въехал в залитую водой яму, располагавшуюся на проезжей части дороги, накануне выкопанную рабочими государственного предприятия телефонных сетей, осуществлявшими ремонт кабеля, которая не была ограждена либо обозначена каким-либо предупреждающим знаком. В результате этого автомобиль выбросило на тротуар с последующим разрушением им телефонных стоек. Верховный Суд в определении по этому делу указал: «Поскольку в материалах дела имеются достаточные данные, указывающие на то, что причиной данного дорожно-транспортного происшествия явилось не только нарушение требований Правил дорожного движения водителем К., но и нарушение элементарных требований по соблюдению правил ведения ремонтных работ предприятием телефонных сетей, то было бы несправедливо всю ответственность за причиненный вред возлагать на К.»² Признав наличие грубой неосторожности как в поведении водителя, так и в действиях работников предприятия телефонных сетей, Верховный Суд применил правило о смешанной вине.

Иногда вина потерпевшего является настолько ничтожной, что суд вообще не должен учитывать ее для определения объема ответственности причинителя. Так, Г. получил увечье вследствие того, что

¹ См.: Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда, С. 74-79.

² См.: Архив Верховного Суда УССР за 1977 г. Дело № 6-125.

электрoпила, на которой он работал, не была оборудована в соответствии с требованиями правил техники безопасности, о чем было известно ответственным за это должностным лицам, которые не предприняли никаких мер для организации безопасных условий труда. Вначале в пользу Г. была взыскана лишь часть возмещения с учетом его вины, выразившейся в том, что он сам не проявил должной предусмотрительности. Верховный Суд, куда поступило дело, указал, что в действиях Г. не усматривается вина в форме ни грубой небрежности, ни грубой неосторожности, а причиной случившегося является грубое нарушение требований правил техники безопасности соответствующими должностными лицами предприятия, а поэтому и оснований для применения принципа смешанной вины по данному делу не имеется. Как видим, здесь высшая судебная инстанция установила отсутствие не вины вообще, а только грубой неосторожности потерпевшего, и этого оказалось достаточно для исключения принципа смешанной вины при принятии решения по делу.

Из сказанного следует вывод, что при решении вопроса о возможности применения принципа смешанной вины необходимо учитывать не только вину потерпевшего, но и все другие обстоятельства дела, как то — причинную связь и характер вины причинителя вреда. Применяя принцип смешанной ответственности (вины), суд обязан разрешить и вопрос об объеме ответственности причинителя, распределив сумму возмещения между ним и потерпевшим. При этом важнейшее значение будет иметь степень вины как причинителя, так и потерпевшего. Следует при этом обратить внимание и на то, что суды в таких случаях зачастую делят сумму ущерба пополам без учета степени вины сторон, тем самым нарушая как принцип справедливости, так и снижая воспитательное значение вынесенных ими решений. Это является недопустимым и противоречит смыслу законодательства о деликтных обязательствах.

§ 2. Объем и способы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан

Коренные преобразования, происходящие в Украине, имеют ~~ко-~~мной целью обеспечение свободного развития человеческой личности, создание оптимальных предпосылок для ее многосторонних проявлений. В связи с этим перед правом встает важнейшая задача — обеспечить защиту различного рода благ, принадлежащих личности.

Часть охраняемых законом благ связана с имуществом, принадлежащим гражданам на праве собственности и являющимся необходимой материальной основой развития личности. Но существуют и иные блага, отличительной чертой которых является то, что они не могут быть прямо выражены в денежной форме. Это социальные ценности, особенность которых состоит в том, что они неотделимы от человеческой личности. «Жизнь, состояние здоровья, свобода выбора, честь и достоинство — это все то, что в конечном счете определяет естественную и социальную сущность гражданина, составляет один из важ-

нейших объектов правовой защиты»¹. Перечисленные блага охраняются различными отраслями права. Нормы каждой отрасли имеют свою строго определенную сферу применения и соответствующие способы защиты. Меры гражданско-правовой ответственности за нарушение указанных благ обеспечивают их восстановление. Как предусматривает закон (ст. 453 ГК), в случае нарушения имущественного положения потерпевшего на лицо, причинившее вред, возлагается обязанность возместить его в натуре либо полностью возместить причиненные убытки, т.е. вред в его денежной оценке. Когда же речь идет о причинении вреда жизни и здоровью граждан, то к ним нельзя применить такую меру гражданско-правовой ответственности, как восстановление прежнего состояния потерпевшего (возмещение в натуре), поскольку эти блага невосстановимы². Но вместе с тем нарушение названных благ может породить имущественные последствия: утраченный в связи со снижением трудоспособности заработок, расходы, вызванные повреждением здоровья. В этих случаях восстановительная функция гражданско-правовой ответственности выражается в компенсации потерь в имущественной сфере гражданина, вызванных посягательствами на сферу неимущественную.

В соответствии с действующим законодательством вред, причиненный в связи с гибелью или повреждением здоровья гражданина, возмещается, как и вред, причиненный имуществу, по нормам внедоговорных обязательств (гл. 40 ГК). На этом же акцентирует внимание Пленум Верховного Суда Украины в постановлении «О практике рассмотрения судами гражданских дел по искам о возмещении вреда», в п. 10 которого говорится: «Вред, причиненный повреждением здоровья, возмещается по правилам главы 40 ГК и в тех случаях, когда он был причинен жизни и здоровью гражданина при осуществлении договорных обязательств (трудовой договор, договор перевозки, подряда и т.д.), если действующим законодательством не предусмотрено иное³. Такое решение вопроса объясняется тем, что нормы, регулирующие деликтную ответственность, — это императивные нормы, которые наиболее полно обеспечивают охрану интересов потерпевших.

Однако в литературе до сих пор ведутся споры по поводу отраслевой принадлежности обязательств, связанных с причинением вреда жизни и здоровью⁴. Прежде всего имеются в виду ситуации, при которых вред причинен в связи с существующими между сторонами (причинителем и потерпевшим) договорными отношениями: работнику — при исполнении им трудовых обязанностей, пассажиру — в пути следования, пациенту — в лечебном учреждении. В связи с этим

¹ Ярошенко К.Б. Указ. соч. С. 3.

² Здоровье в определенных случаях может быть восстановлено с помощью медицины.

³ См.: Бюл. законодавства і юрид. практики України. 1995. № 1. С. 315.

⁴ См.: Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986. С. 55 и далее.

нельзя не согласиться с утверждением К.Б. Ярошенко, что ответственность причинителя договором может быть лишь усилена по сравнению с обычной, деликтной, но не заменена ею¹. Принцип свободы договора это допускает.

Проблема соотношения договорной ответственности лечебных учреждений за ненадлежащее лечение имеет свою историю². Как известно, отношения между лечебным учреждением и пациентом прямо (непосредственно) гражданским правом не регулируются. Они попадают в сферу регулирования данной отрасли только тогда, когда одна из сторон — лечебное учреждение — не исполняет или ненадлежащим образом исполняет свои публичные обязанности и этим причиняет вред потерпевшему. В указанных случаях при определенных условиях возникает обязательство лечебного учреждения возместить потерпевшему причиненный ущерб, т.е. деликтное обязательство. Однако следует сделать оговорку. В условиях становления рыночной экономики появилось множество лечебных учреждений, оказывающих медицинские услуги за определенную плату. Нужно согласиться с К.Б. Ярошенко, которая говорит, что указанные отношения в принципе не отличаются от тех, которые складываются между гражданами и предприятиями бытового обслуживания: в основе тех и других лежит гражданско-правовой договор³. По своей юридической природе, пишет далее К.Б. Ярошенко, он представляет собой договор, близкий к подрячному договору на выполнение работ. Однако нормы договора подряда, предполагающие перенесение риска случайного недостижения результата на сторону, выполняющую работу (подрядчика), в данном случае в силу особенностей такого действия, как лечение, это исключают⁴. Представляется, что в новом ГК этот договор должен охватываться общим понятием договоров об оказании услуг. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и этим договором может быть установлена лишь повышенная ответственность за ненадлежащее лечение, повлекшее причинение вреда, по сравнению с той, что предусмотрена нормами деликтного законодательства. Например, лечебное учреждение принимает на себя обязанность при недостижении обещанного результата независимо от его вины продолжать лечение, но уже безвозмездно. Такого рода ответственность лечебных учреждений надо только приветствовать.

В связи с изложенным представляется, что было бы целесообразным ввести в новый ГК правило, согласно которому в случаях причинения вреда жизни и здоровью гражданина нарушением договора ответственность причинителя не может быть меньшей по объему, предусмотренному соответствующими статьями главы 40 ГК. Естественно, условия договора, ограничивающие ответственность за причинение

¹ См.: Ярошенко К.Б. Указ. соч. С. 23.

² См.: подробнее: Савицкая А.Н. Возмещение ущерба, причиненного ненадлежащим врачеванием. Львов. 1982.

³ См.: Ярошенко К.Б. Указ. соч. С. 30.

⁴ См.: Ярошенко К.Б. Указ. соч. С. 29-30.

вреда, должны признаваться недействительными. Однако недопустимо установление альтернативы — либо по закону, либо по договору.

Итак, вред, причиненный жизни или здоровью гражданина, повлекший его травму, увечье или смерть, не может быть возмещен в натуре, а его денежная компенсация практически не может привести к полному восстановлению нарушенного состояния потерпевшего.

ГК определяет, что в случае увечья или иного повреждения здоровья организация или гражданин, ответственные за вред, обязаны возместить потерпевшему: 1) заработок, утраченный им вследствие потери или уменьшения трудоспособности; 2) затраты, вызванные повреждением здоровья (усиленное питание, протезирование, посторонний уход и т.д.). Специальный нормативный акт «Правила возмещения собственником предприятия, учреждения и организации или уполномоченным им органом вреда, причиненного работнику повреждением здоровья, связанным с исполнением им трудовых обязанностей» от 23 июня 1993 г.¹ предусматривает также возможность возмещения морального вреда, причиненного потерпевшему вследствие физического или психического воздействия опасных или вредных условий труда (п. 1, 4). Возмещение морального вреда должно быть возможным и в том случае, если потерпевший не утратил своей трудоспособности.

Таким образом, объем возмещаемого потерпевшему вреда должен складываться из двух составных частей: компенсации имущественных потерь и морального вреда. Размер возмещаемого морального вреда должен определяться судом в каждом случае с учетом всех обстоятельств дела². Размер возмещения за причиненный потерпевшему имущественный вред исчисляется в соответствии с Правилами. Думается, что эти Правила относительно определения объема причиненного имущественного вреда должны применяться независимо от того, имело место трудовое увечье, либо вред возник вне трудовых отношений потерпевшего с причинителем.

При причинении вреда здоровью гражданина необходимо различать случаи, когда речь идет о кратковременном его расстройстве и о стойкой или даже невозстановимой утрате трудоспособности из-за травмы или увечья: В первом случае потерпевшему должны быть компенсированы утраченные им доходы (неполученный заработок) и расходы в связи с болезнью (размер последних определяется в соответствии с пп. 13, 14 Правил), причем эти затраты возмещаются, если потребность в них обусловлена заключением медико-социальной экспертной комиссии (МСЭК). Во втором случае необходимо определить, в какой мере травма или увечье затрудняет потерпевшему выполнение его прежней работы (т.е. уменьшают его профессиональ-

¹ В дальнейшем — Правила (см.: Нормативні акти і керівні роз'яснення з питань відшкодування шкоди, заподіяної каліцтвом, професійним захворюванням, смертю годувальника. Чернівці, 1993).

² Вместе с тем Правила ограничивают размер возмещения морального вреда 200 минимальными заработными платами (п. 11).

ную трудоспособность, под которой понимают способности гражданина к труду по имеющейся специальности и квалификации)¹. Размер возмещения утраченного потерпевшим заработка устанавливается в соответствии со степенью утраты профессиональной трудоспособности и среднемесячного заработка, имевшегося у него до повреждения здоровья (п. 9 Правил). Степень утраты трудоспособности определяется судебно-медицинской экспертизой, а также МСЭК в процентах к профессиональной трудоспособности, которую имел потерпевший до повреждения здоровья. МСЭК также устанавливает причину, время наступления и группу инвалидности в связи с повреждением здоровья. Если потерпевший признается инвалидом, то ему назначается пенсия органом социального обеспечения. Причем, согласно ныне действующему законодательству (ст. 456 ГК с изменениями от 22.04.93) размер возмещаемого вреда на сумму пенсии не уменьшается, тогда как ранее пенсия засчитывалась в общую сумму возмещения². Среднемесячный заработок для исчисления размеров возмещения потерпевшему утраченного заработка (или его части) определяется по нормам трудового законодательства: заработок берется за 12 последних или по желанию потерпевшего за 3 последних календарных месяца работы, предшествовавших повреждению здоровья, суммируется и делится на соответствующее число (п. 22 Правил). В случае повреждения здоровья лица в период производственного обучения (практики) размер возмещения вреда определяется по действующей на предприятии ставке (окладу) той профессии (специальности), по которой учился потерпевший, но не ниже наименьшего разряда тарифной сетки соответствующей профессии.

В настоящее время остается неурегулированным вопрос об определении дохода, подлежащего возмещению вследствие причинения вреда здоровью лиц, являющихся участниками предпринимательских структур. Судебная практика в этих случаях идет по пути определения размера возмещения на базе среднего годового дохода, который в соответствии с данными налоговой инспекции затем делится по месяцам. Данное правило было бы целесообразно ввести в новый ГК.

¹ Нужно отметить, что положительным в ныне действующем законодательстве является отсутствие учета общей трудоспособности при определении размера возмещения за вред, причиненный здоровью. Ранее наличие такого момента нередко ставило в неодинаковое положение лиц, полностью утративших профессиональную трудоспособность, и лиц, утративших ее частично, что первые (инвалиды 1 и 2 группы) практически не имели общую трудоспособность (до 10 процентов). Вместе с тем именно на сумму, равную части минимального заработка, соответствующей сохранившейся у потерпевшего общей трудоспособности, и снижался размер возмещения вреда, и эту-то сумму как раз и не могли заработать потерпевшие, полностью утратившие трудоспособность.

² См.: Правила відшкодування підприємствами, установами, організаціями шкоди, заподіяної робітникам і службовцям каліцтвом або іншим ушкодженням здоров'я, пов'язаним з виконанням ними трудових обов'язків від 3 липня 1984 р. // Нормативні акти і керівні роз'яснення питань відшкодування шкоди, заподіяної каліцтвом, професійним захворюванням, смертю годувальника.

Если вред причиняется работнику в связи с выполнением им трудовых обязанностей, то согласно Правилам помимо выплаты утраченного заработка (или его части) и компенсации затрат на медицинскую и социальную помощь выплачивается также в установленных случаях одноразовая помощь потерпевшему или членам семьи и иждивенцам умершего. Кроме того, если вред, причиненный лицу, состоящему с организацией в трудовых отношениях, связан с профессиональным заболеванием, он также подлежит возмещению.

Разумеется, размер возмещения потерпевшему может быть уменьшен, если его грубая неосторожность содействовала возникновению или увеличению вреда (ч. 1 ст. 454 ГК). Ухудшение или улучшение здоровья потерпевшего также может влиять на размер присужденного возмещения (ст.ст. 463-464 ГК). Однако если потерпевший, несмотря на установленный ему процент профессиональной трудоспособности, зарабатывает больше, чем казалось бы можно заработать, в этой превышающей части заработок учитываться не должен. Не нуждается в особом пояснении правило о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья несовершеннолетнему (ст. 462 ГК). Однако следует отметить, что при возмещении вреда, причиненного недееспособным лицом (малолетним, душевнобольным и слабоумным, не являющимся юридическим носителем вины), не учитывается ни вина этих лиц, ни вина тех лиц, на которых возложены функции контроля за ними. В случае причинения вреда этим лицам действует правило полного его возмещения. Что касается регрессных требований причинителя вреда, возместившего его потерпевшему в полном объеме, к лицу, осуществлявшему надзор за потерпевшим, то такие требования, как представляется, обоснованны, и в этом случае учет вины лица, надзиравшего за потерпевшим, является справедливым.

В случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда имеют нетрудоспособные лица, которые находились на иждивении умершего или имели на день его смерти право на получение от него содержания, а также ребенок умершего, родившийся после его смерти. Лица, имеющие право на возмещение вреда в данных случаях, предусмотрены в ч. 3 ст. 456 ГК.

В соответствии со ст. 459 ГК в случае смерти потерпевшего организация или гражданин, ответственные за причинение вреда, обязаны возместить затраты на похороны (в том числе на ритуальные услуги и обряды) тому лицу, которое понесло эти затраты. Поэтому требования о взыскании затрат на похороны могут предъявляться как лицами, имеющими право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца, так и посторонними к потерпевшему гражданами и организациями, которые фактически понесли эти затраты.

§ 3. Возмещение морального вреда

Проблема возмещения морального вреда, нашедшая отражение в ныне действующем законодательстве, практически не была предметом спора у цивилистов советского периода. Вопрос решался однозначно: идея возмещения морального вреда по своей сущности является буржуазной, а потому чужда советскому правосознанию.

Однако в настоящее время в связи с вступлением общества в новую фазу своего развития, возрождением вечных человеческих ценностей интерес к проблеме возмещения морального вреда возник вновь.

Обращаясь к этой проблеме, представляется важным исследовать, как возмещение морального вреда регулировалось в дореволюционной России и каковы были теоретические изыскания в этой области.

В целом удовлетворение морального вреда в России не признавалось, за исключением двух случаев. Это, во-первых, платеж за бесчестье, нанесение личной обиды, присуждаемый по просьбе обиженного в размере от 1 до 50 рублей, причем иск о платеже за бесчестье не может быть соединен с требованием наказания виновного (Гражданское уложение от 21 марта 1851 г., ст. 667). Во-вторых, это платеж суммы за неправомерное осуждение и наказание по вине суда в размере от 100 до 600 руб., если наказание отбыто в тюрьме, и в размере от 10 до 60 руб., если были применены исправительные работы (ст. 678).

Данными нормами регулирование возмещения морального вреда исчерпывалось. Что касается отношения юристов к этому институту в дореволюционной России, то оно не было однозначным. К противникам самой идеи возмещения морального вреда можно отнести известных правоведов того времени П.Н. Гусаковского, В.И. Синайского, Г.Ф. Шершеневича. Последний, в частности, писал: «Нужно проникнуться глубоким презрением к личности человека, чтобы внушать ему, что деньги способны дать удовлетворение всяким нравственным страданиям. Переложение морального вреда на деньги есть результат буржуазного духа, который оценивает все на деньги, который считает все продажным»¹.

Другой не менее известный юрист начала XX века С.А. Беляцкий полагал: «Нет ничего удивительного в том, что человек, у которого огняли по чужой вине житейские радости, удовольствия, духовные блага, желает компенсации в деньгах, открывающих источники человеческих удовольствий»². И далее, развивая эту мысль, он писал: «Постоянное упорное игнорирование морального вреда и моральных интересов, равнодушное отношение к ним со стороны суда, влекут за собой тот результат, что дается обильная пища для досад потерпевшего, чувство раздражения не находит выхода, растет ненужное озлобление, колеблется в массе уверенность в личном праве и личном благе»³. С.А. Беляцкий полагал, что если в законе нет «даже тени напоминания о том, что возмещению подлежит исключительно материальный ущерб», и «раз закон не выразил своего категорического веления по этому предмету, он, по меньшей мере, развязал руки практике и, не заполнив всего содержания понятия, оставил место для приспособления закона к нуждам жизни»⁴.

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 3. С. 683.

² Беляцкий С.А. Возмещение морального (неликвидного) вреда. СПб., 1913. С. 43.

³ Беляцкий С.А. Возмещение морального вреда. СПб., 1915. С. 46.

⁴ Там же.

В 1917 г. был разработан проект закона «Об обязательном праве», который предусматривал возмещение нематериального вреда при телесном повреждении, при лишении свободы, даже если потерпевший не понес убытков (ст. 1201); при прелюбодеянии и обольщении (ст. 22); в случае неисполнения должником своих обязательств при наличии умысла или грубой неосторожности. Таким образом, закон предусмотрел возмещение морального вреда при нарушении договорных обязательств, а также некоторые случаи возмещения такого вреда, возникающего из деликта. Безусловно, принятие такого акта было бы существенным шагом вперед на пути совершенствования гражданского законодательства, но по объективным причинам оно оказалось невозможным.

В теоретическом плане проблема возмещения морального вреда рассматривалась и в советский период, однако в первую очередь с позиции признания или непризнания морального вреда в качестве юридического факта.

За юридическое признание морального вреда одним из первых в советской литературе высказался В.Утевский, который считал возможным возмещение как имущественного, так и морального вреда¹. По его мнению, формальным основанием решения вопроса об удовлетворении морального вреда являлись в то время ст. 44 УК РСФСР (1926 г.), предусматривавшая возложение на осужденного обязанности «загладить вред», а также ст. 403 ГК РСФСР (1922 г.), согласно которой возмещению подлежал не только имущественный вред, но и «вред, причиненный личности», поскольку понятие личности охватывает духовную, моральную сферу человека, постольку право должно учитывать прежде всего моральный вред, причиненный личности².

В.Утевский исходил из того, что моральный вред, причиненный преступлением, часто более чувствителен для потерпевшего, чем вред имущественный, что иногда преступление, не нанося потерпевшему никакого имущественного вреда, «коверкает всю его жизнь» и приносит тяжкое нравственное страдание, которое ничем не компенсируется. При этом В.Утевский признавал, что моральный вред, заключающийся в нравственном или физическом страдании, сам по себе как таковой не может быть, конечно, возмещен и восстановлен за деньги. Но это не значит, что он не может быть компенсирован в какой-либо форме. Это может быть денежная компенсация, размер которой должен определяться в каждом конкретном случае не по принципу эквивалентности, а исходя из индивидуальных особенностей каждого дела, степени характера морального вреда, имущественного положения потерпевшего и причинителя.

¹ См.: Утевский В. Возмещение имущественного вреда как мера социальной защиты // Ежегод. сов. юстиции. 1927. № 35.

² Статья 403 ГК РСФСР 1922 г. В.Утевским была, конечно, неправильно истолкована, ибо она предусматривала только возмещение имущественного вреда, причиненного личности.

В последующих работах советских юристов вопрос о моральном вреде по существу не обсуждался. Авторы работ, посвященных обязательствам, возникающим из причинения вреда, как правило, ограничивались указанием на то, что моральный вред возмещению не подлежит, аргументируя это положение ссылкой на буржуазный характер института возмещения морального вреда, чуждый советскому праву. Хотя, нужно заметить, что законодательство ряда бывших социалистических стран предусматривало возмещение морального вреда. Например, ст. 355 ГК Чехословацкой Республики 1950 г. предусматривала, кроме возмещения утраченного заработка и расходов, также «...соразмерное вознаграждение за понесенные физические страдания и вознаграждение за обезображение, которое препятствует потерпевшему устроиться в жизни»¹.

В 1939 г. вопрос о возмещении морального вреда был вновь поднят М.М. Агарковым, а в 1958 г. — Х. Назаровым.

М.М. Агарков допускал компенсацию морального вреда в определенных, указанных в законе случаях. Он предлагал ввести в ГК правило, по которому «в случае, если повреждение здоровья потерпевшего влечет для него длительные страдания или лишения, суд может обязать ответственное лицо уплатить потерпевшему, помимо возмещения за имущественный вред, еще дополнительное возмещение в размере, определяемом судом. При этом суд может обязать уплачивать дополнительное возмещение в виде прибавок к периодическим платежам в возмещение утраты трудоспособности»².

В последнее время, как известно, идея возмещения морального вреда получила свое законодательное закрепление.

Первоначально она нашла свое отражение в союзных нормативных актах: Законе Союза ССР от 12 июня 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации» и Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. (ст.ст. 7, 131), где предусматривалась возможность возмещения морального вреда за унижение чести и достоинства гражданина, распространение сведений, порочащих деловую репутацию юридических лиц.

В Украине правовое регулирование возмещения морального вреда осуществляется следующими актами: ГК (ст.ст. 6, 7, 440¹ в редакции от 15.12.93), Законом «О службе безопасности» (ст. 5), Законом «О защите прав потребителей» в редакции от 15.12.93 (ст. 24), Законом «Об информации» (ст. 49), Законом «Об охране труда» (ст. 12), Декретом Кабинета Министров Украины «О режиме иностранного инвестирования» (ст. 10) и др. По нашим подсчетам, — более чем в двадцати случаях.

Таким образом, идея возмещения морального вреда, дискутировавшаяся в цивилистической науке, получила законодательное признание. И это был закономерный шаг к формированию гражданского

¹ См.: Малейн Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. С. 18.

Агарков М.М. Обязательства из причинения вреда // Проблемы соц. права. 1939. № 1. С. 74.

общества. И.А. Покровский в свое время писал: «Чем дальше развивается человечество, тем сильнее начинает оно жить разносторонними интересами, тем более праву приходится брать их под свою защиту, и гражданское право не может уклониться от участия в этой защите»¹.

Как известно, моральный вред может возникнуть: а) в результате деликта и б) в результате неисполнения либо ненадлежащего исполнения договора. Рассмотрим, как решается вопрос о возмещении морального вреда в обоих случаях в законодательстве других стран.

В англо-американском праве действует правило, в соответствии с которым компенсация морального вреда ограничена рамками деликтного права. Моральный вред, явившийся результатом (следствием) нарушения договора, не возмещается. Но в настоящее время прослеживается тенденция к возмещению морального вреда и в тех случаях, когда нарушение договора было «вызывающим и безрассудным» или договор имел такой характер, что моральный вред мог предполагаться как следствие его нарушения².

В Германии также нельзя получить компенсацию за неимущественный вред, если основанием является не деликт, а нарушение условий договора. Но если вред нанесен при обстоятельствах, дающих основание для возникновения как деликтной, так и договорной ответственности, то на основе § 847 Гражданского уложения Германии может быть вынесено решение о возмещении морального вреда³.

В отличие от ГУ Германии, гражданский кодекс Франции позволяет получить компенсацию за моральный вред независимо от того, что послужило причиной его возникновения, — нарушение договора или деликт.

В Украине судебная практика идет по пути возмещения морального вреда, возникающего из договора, руководствуясь при этом общей нормой — ст. 440¹ ГК.

Представляется, что моральный вред можно классифицировать следующим образом:

- 1) душевные страдания, соединенные с физическими;
- 2) душевные страдания, связанные с причинением имущественного вреда;
- 3) чисто душевные страдания вне их связи с физическим и имущественным вредом.

В связи с этим опять обратимся к законодательству других стран и рассмотрим, все ли виды морального вреда согласно данной классификации подлежат возмещению.

В соответствии с английским правом требовать возмещения морального вреда при отсутствии физических страданий или материального ущерба нельзя (за исключением нескольких случаев, о чем будет

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. С. 124.

² См.: Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М., 1991. С. 39.

³ См.: Мижно Е.А. Проблемы возмещения морального вреда // Правоведение. 1992. № 3. С. 93.

сказано ниже). Такие иски просто не принимаются к рассмотрению. Здесь действует принцип, выраженный лордом Вэнслидалом: «Моральные страдания и беспокойство право не может оценить и не может претендовать на их возмещение, если в совокупности с ними не идет речь о другом ущербе»¹. Таким образом, суд, принимая к рассмотрению соответствующие исковые требования, обязательно проверяет их «чистоту», т.е. наличие связи моральных страданий с физическим или имущественным вредом.

Однако правовая реформа в Англии 1970 г. признала, что ряд деликтов, такие, как обольщение, измена, переманивание жениха (невесты), нарушение обещания жениться, являются основаниями для возмещения морального вреда, причем нет необходимости доказывать связь морального вреда с физическим.

В Англии и США наряду с указанными деликтами существует также еще одна группа правонарушений, где вред проявляется исключительно в душевных страданиях и переживаниях и подлежит возмещению даже в том случае, если какие-либо материальные последствия отсутствуют. Это деликты, которые нарушают «privacy»². Впервые данное понятие было введено в 1890 г. американскими юристами Самуэлем Д. Варэном и Луисом Б. Брэндисом³, которые видели основную функцию этого института в защите неприкосновенности личности и всего того, что помогает человеку сохранить себя как личность. К этим деликтам можно отнести: нарушение уединения или права на одиночество, вторжение в частные дела истца, публичное разоблачение фактов, которые могут быть достоянием только истца или узкого круга лиц; присвоение имени истца и использование его внешности в целях получения выгоды; распространение сведений, которые показывают истца в ложном свете. Кроме того, американское право предусматривает еще и ответственность за «намеренное причинение сильного эмоционального потрясения». Основной принцип ответственности за этот деликт выражен во второй редакции свода Деликтного права (§ 46) 1965 г.: «то лицо, которое своим экстремальным и оскорбительным поведением намеренно или по неосторожности вызовет сильное эмоциональное потрясение у другого лица, должно нести ответственность за это эмоциональное потрясение»⁴.

Что касается Германии, то здесь проблема возмещения морального вреда решается несколько иначе, чем в странах обычного права.

§ 253 ГУ Германии устанавливает, что если вред причинен личности, а не имуществу, денежная компенсация может быть получена только в случаях, специально оговоренных в законе. А закон прямо оговаривает лишь следующие случаи: когда, обещая жениться, ответчик лишил женщину невинности (§ 1300); причинение вреда телу или

¹ См.: Мухно Е.А. Указ. соч. С. 90-91.

² Русского аналога данному слову нет.

³ См.: Warren S.D. and Brandies L.B. The Right of Privacy [1890] Harv. Law Rev. P. 193.

⁴ См.: Мухно Е.А. Указ. соч. С. 92.

здоровью (физический ущерб — § 847); лишение свободы (§ 847); склонение женщины угрозами, обманом к сожительству (§ 4300). Но практика Германии идет по пути, иногда очень близкому с системой Common law. В настоящее время суды Германии в сфере защиты прав личности руководствуются положением ст. 1 конституции ФРГ, в которой говорится, что «каждый имеет право на свободное развитие личности, но до тех пор, пока это не нарушает права других, конституционный порядок или нормы морали», а также принципом, в соответствии с которым права личности в современном обществе должны быть важнее прав собственности. В 1957 г. Верховный гражданский суд ФРГ признал права личности подпадающими под действие § 823 ГУ Германии и обосновал это тем, что «права личности сродни праву собственности» и соответственно должны быть защищены не только от намеренного, но и от неосторожного нарушения. Соответственно с этим первоначально в доктрине германского гражданского права, а затем и в судебной практике сложилось понятие «*personlichkeit*», что однозначно понятию «*privacy*» в Common law. Однако, в отличие от американского деликтного права, которое четко устанавливает те виды правонарушений в сфере частной жизни, за которое может быть назначено возмещение морального вреда, германское право и практика не ограничиваются перечисленными видами деликтов. Суды по своему усмотрению за любое правонарушение в сфере действия *personlichkeit* могут присудить денежную компенсацию за причинение морального вреда. Правда, на практике к такой возможности суды прибегают крайне редко. Чаще всего суды в каждом конкретном случае используют прием расширительного толкования положений ГУ и положений конституции.

Анализ законодательства Украины дает основание сказать, что оно предусматривает возможность возмещения как чисто морального вреда (например, при защите чести и достоинства), так и морального вреда, который непосредственно связан с физическим вредом, а также с умалением имущественных прав (ст. 440¹ ГК).

В связи с тем, что унификация норм, регулирующих возмещение морального вреда, является насущной необходимостью и, безусловно, будет осуществлена через определенный промежуток времени, при разработке данного института необходимо учесть и определить деликты, в связи с которыми возможно возмещение чисто морального вреда вне его связи с физическим и имущественным вредом.

В последнее время появляется много сообщений о фактах возмещения морального вреда, причиненного нарушением чести и достоинства путем распространения порочащих сведений (диффамация). Проблема денежного удовлетворения за посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию актуальна, но требует специального рассмотрения, поэтому отметим, что особый интерес она вызывает потому, что здесь сталкиваются право высказывать свои мысли, а следовательно, право на свободу печати и других средств распространения информации, и право каждого человека иметь личную жизнь,

защищенную от вмешательства извне. Найти разумный компромисс между этими равными по значимости в демократическом обществе правами — значит, добиться правильного сочетания общественных интересов и интересов личности. В нашем обществе, где эти интересы порой прямо противоположны, найти такой компромисс довольно трудно.

Как определяет ст. 440¹ ГК, моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину или организации деяниями другого лица, нарушившего их законные права, возмещается лицом, причинившим вред, если оно не докажет, что моральный вред причинен не по его вине. Моральный вред возмещается в денежной или иной материальной форме по решению суда независимо от возмещения имущественного вреда.

Размер возмещения определяется судом с учетом существа исковых требований, характера деяния лица, причинившего вред, физических или моральных страданий потерпевшего, а также иных отрицательных последствий в объеме не менее пяти минимальных размеров заработной платы.

Из диспозиции ст. 440¹ ГК, однако, не ясно соотношение между вредом неимущественным и вредом моральным. Представляется, будет правильным считать, что моральный вред является разновидностью неимущественного. Эта посылка согласуется с тем, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной или иной материальной форме, все же признается вредом неимущественным, и поэтому правильно, что и государственная пошлина взыскивается в твердой сумме, а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве возмещения понесенного истцом морального вреда.

Как указано далее в ст. 440¹ ГК, истцами, которым может быть причинен моральный вред, являются граждане или организации. Правовой статус данных субъектов гражданского права различен. Очевидно, что и сферы воздействия (объекты посягательства) при причинении морального вреда будут различны. Если моральный вред причинен гражданину, то такой вред затрагивает сферу его духовного, эмоционального состояния: имеет место посягательство на его психическое здоровье, состояние душевного комфорта, в связи с чем лицо вынуждено переносить нравственные и психические страдания.

Другим субъектом, которому может быть причинен моральный вред, является организация. Однако ст. 440¹ ГК не дает определения данного субъекта. По-видимому, под такой организацией понимается любая организация (государственная, общественная или занимающаяся предпринимательской деятельностью), выступающая в качестве субъекта гражданского правоотношения, т.е. юридического лица. При этом, видимо, моральный вред, причиненный юридическому лицу, должен выражаться прежде всего в умалении престижа этой организации, ее доброго имени, когда восстановить эти блага не представляется возможным путем опровержения сведений в прессе, как это предусмотрено ст. 7 ГК.

Таким образом, исходя из смысла ст.ст. 7 и 440¹ ГК, а также ст. 173¹ КЗоТ, под моральным вредом, причиненным физическому или юридическому лицу, надо понимать утраты неимущественного характера, возникающие вследствие моральных, физических или психических страданий, либо разлада обычного для лица душевного состояния, способа жизни, нормальных жизненных связей, умаления чести, достоинства, престижа или деловой репутации, причиненных нарушением прав лица другим лицом (лицами).

По смыслу ст. 440¹ ГК и других норм законодательства причиненный моральный вред возмещается лицу, законные интересы которого были непосредственно нарушены, т.е. право на возмещение имеет только потерпевший. Это право не может переходить в порядке правопреемства к третьим лицам, поскольку носит сугубо личный характер.

Лицо, причинившее моральный вред, несет ответственность только в случае виновного причинения вреда. Моральный вред, причиненный источником повышенной опасности, возмещается владельцем этого источника (ст. 450 ГК). Поскольку по правилам ст. 440¹ ГК возмещению подлежит моральный вред, причиненный виновными действиями, при наличии доказательств отсутствия вины владельца источника повышенной опасности в причинении морального вреда потерпевшему, на него не может быть возложена обязанность по его возмещению.

При причинении морального вреда работнику во время исполнения им трудовых обязанностей ответственность перед ним несет организация (юридическое лицо), с которой работник состоит в трудовых отношениях, а непосредственный причинитель морального вреда отвечает перед ней в порядке регресса (ст.ст. 130, 131, 134 КЗоТ), если специальной нормой закона, как например, ст. 47 Закона Украины «О телевидении и радиовещании», не установлено иное.

При причинении лицу морального вреда противоправными действиями нескольких лиц размер возмещения последних определяется с учетом степени вины каждого из них. Исходя из правил ст.ст. 174, 451 ГК на лиц, которые причинили моральный вред совместно (причинили нераздельный вред взаимосвязанными, совместными действиями или действиями с единым умыслом), возлагается солидарная обязанность по его возмещению.

Переходя к вопросу о форме возмещения морального вреда, нужно сказать, что он согласно ст. 440¹ ГК возмещается в денежной или иной материальной форме. Под иной материальной формой понимается предоставление других материальных благ, которые могли бы сгладить те отрицательные ощущения, которые испытал гражданин в результате противоправного нарушения его прав иным лицом.

Теория и практика под моральным вредом понимают ущерб, который не имеет точного денежного выражения на момент его возникновения¹. Только через какой-то определенный промежуток времени

¹ См.: Малейн Н.С. Указ. соч. С. 23.

гражданин сможет более-менее точно и беспристрастно оценить глубину постигшей его утраты, тяжесть испытанных им страданий и лишений, ощутить отрицательные последствия понесенных им переживаний. Все испытанные гражданином отрицательные воздействия на его психику не могут не отразиться на его здоровье, но ни одна экспертиза не сможет определить ущерб, нанесенный ими здоровью, а тем более найти его денежный эквивалент в силу несопоставимости этих величин¹.

Не вызывает сомнения тот факт, что моральный вред, приносящий нравственные страдания потерпевшему, сам по себе как таковой не может быть возмещен и восстановлен за деньги. Но, как полагают многие исследователи, это не значит, что он не может быть компенсирован в какой-либо форме. Существует также мнение, согласно которому возможна только частичная компенсация морального вреда. Так, Е. Солодко подчеркивал, что при любой форме возмещение морального вреда всегда будет частичным, ибо точно определить степень причиненного морального вреда и соответственно размер его возмещения невозможно².

Не совсем ясно, что по своей юридической природе представляют собой присуждаемые потерпевшему денежные суммы или иные материальные блага за моральный вред, причиненный ему.

В соответствии с американским правом при диффамации лицо может получить возмещение за реальный ущерб: за все то, что возможно объективно подсчитать к моменту рассмотрения дела, а также «штрафные убытки», которые преследуют две цели — наказание виновного и превенцию нового правонарушения; возмещение вреда, который, возможно, наступит в будущем³. Существует и другое мнение, в соответствии с которым при возмещении морального вреда речь может идти только о штрафной ответственности⁴. И это мнение представляется наиболее правильным. В силу того, что причиненный субъекту гражданского права моральный вред компенсировать невозможно, ибо невозможно найти денежный или материальный эквивалент, который бы заменял нравственные страдания, перенесенные потерпевшим в результате причинения ему морального вреда, действительно будет правильно говорить не о компенсации морального вреда, а о штрафных санкциях в пользу потерпевшего, налагаемых на причинителя морального вреда, размер которых должен определяться судом с учетом исковых требований, характера деяния лица, причинившего моральный вред.

Как было сказано ранее, в соответствии с законодательством Украины в случаях, прямо предусмотренных законом, моральный вред

¹ См.: Солодко Е. Моральный вред: понятие и порядок возмещения // Бизнес. 1994. № 8.

² См.: Солодко Е. Указ. соч.

³ См.: Слесарев В.Л. Объекты и результат гражданского правонарушения. Томск. 1980. С. 155.

⁴ См.: Михно Е.А. Указ. соч. С. 67.

возмещается, если причинение его связано с нарушением договорных прав гражданина (например, согласно закону о защите прав потребителя). В соответствии с законодательством в сфере трудовых отношений обязанность по возмещению морального вреда наступает в случаях, когда это было предусмотрено условиями заключенного сторонами контракта (ч. 3 ст. 21 КЗоТ) или когда такой вред является следствием опасных или вредных условий труда. При этом ст. 12 Закона Украины «Об охране труда» предусматривает, что возмещение морального вреда, независимо от заключенного контракта, производится собственником, если опасные и вредные условия труда привели к моральным утратам потерпевшего, нарушению его нормальных жизненных связей, требуют от него дополнительных усилий для организации своей жизни. Под моральными утратами потерпевшего понимаются страдания, причиненные работнику вследствие физического или психического влияния, которое привело к ухудшению или лишению возможностей реализации им своих привычек и желаний, ухудшению отношений с окружающими людьми, другим негативным последствиям морального характера. Причем возмещение морального вреда возможно и в случаях, когда потерпевший не утрачивает трудоспособность. В этих случаях порядок возмещения морального вреда будет определяться статьей 440¹ ГК. Существует также специальный нормативный акт — «Правила возмещения собственником предприятия, организации и учреждения или уполномоченным им органом ущерба, причиненного работнику повреждением здоровья, связанным с выполнением им трудовых обязанностей», утвержденные постановлением Кабинета Министров Украины от 23 июня 1993 г. № 472, в соответствии с которыми моральный ущерб возмещается по заявлению потерпевшего о характере морального вреда или на основе заключения медицинских органов — в виде одноразовой выплаты или в иной материальной форме, размер которой определяется в каждом конкретном случае на основании договоренности сторон (собственника, профсоюзного органа и потерпевшего или уполномоченного им лица) или решения суда. Представляется, что подобно тому, как имущественный вред, причиненный личности в связи с ненадлежащим исполнением гражданско-правовых договоров (перевозки пассажиров и т.д.), возмещается по правилам не договорного, а деликтного права, так и возмещение морального вреда должно основываться на правилах о деликтных обязательствах. Соответственно и размер присуждаемого в возмещение морального вреда должен всегда определяться решением суда.

В ст. 5 Закона Украины «О службе безопасности», в которой предусмотрена ответственность этого органа за нарушение прав и свобод человека его сотрудниками при выполнении ими служебных обязанностей и обязанность этого органа к принятию мер по восстановлению нарушенных прав и свобод, вообще не определено, в соответствии с какими нормами гражданского права должен при этом возмещаться моральный вред потерпевшему. Ясно, что имущественный вред этими органами должен возмещаться по правилам ст.ст. 442 и 443 ГК

в зависимости от характера виновных действий, совершенных этими органами. Поскольку относительно обязанности возмещения морального вреда этими органами нет специальных правил, этот вред и данными органами должен возмещаться в соответствии со ст. 440¹ ГК.

Подводя итог сказанному о возмещении морального вреда, причиненного в связи с нарушением прав граждан и организаций в регулятивных (договорных и др.) правоотношениях или в связи с нарушением их абсолютных прав (повреждение или уничтожение имущества, принадлежащего им на праве собственности или ином праве; умаление чести, достоинства и деловой репутации, посягательство на абсолютные права авторов произведений науки, литературы и искусства, результатов научно-технического творчества и т.д.), можно утверждать, что во всех этих случаях возникает самостоятельное охранительно-деликтное обязательство, связанное именно с причинением морального вреда. Иначе говоря, в этих случаях наряду с другими правами нарушаются и особое абсолютное субъективное гражданское право физических и юридических лиц на спокойную и нравственную жизнь, право на честное отношение. Это, в свою очередь, означает, что в структуре деликтных обязательств в новом ГК можно на базе ст. 440¹ действующего ГК особо предусмотреть и регламентацию данного вида деликтных обязательств. Однако, как показывает практика Верховного Суда Украины, последний не склонен придавать столь широкое значение обязательствам по возмещению морального вреда¹. И в этом также есть определенный резон. Нельзя допустить, чтобы институт возмещения вреда использовался как средство, с помощью которого в случаях любого нарушения спокойствия физического или юридического лица можно требовать определенного материального возмещения и, таким образом, легализовать занятие своеобразным бизнесом. Но эту опасность можно устранить, предусмотрев в новом ГК более четкие условия для предъявления исков из причинения морального вреда, с одновременным предоставлением права суду по своему усмотрению, исходя из начал справедливости, разумности и доброй совести, оценивать фактические обстоятельства каждого дела и устанавливать размер надлежащего возмещения за причинение морального вреда.

¹ См. проведенное Верховным Судом Украины обобщение практики рассмотрения судами Украины дел о спорах, связанных с возмещением морального вреда (Архив Верховного Суда Украины. 1994). 31.03.1995 г. Верховный Суд Украины принял постановление № 4 «О судебной практике по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда» // Право України, 1995. № 7. С. 53-60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая изложенное, важно подчеркнуть следующее.

Под правом, в том числе и такой его отраслью, как гражданское право, в литературе обычно принято считать выраженную в соответствующих законах и других нормативных актах определенную совокупность норм, установленных или санкционированных государством. Поэтому любые нормы, если они выражены в законе или других актах, рассматриваются как право. Но это есть определение права с позиций чистого юридического позитивизма, закрывающее пути к более углубленному исследованию права в качестве сложного социального явления, каковым оно является.

Представляется, что установленные или санкционированные государством нормы, выраженные в его законах и других нормативных актах, есть лишь одна сторона права, притом идеальная. Существо же права кроется не в государстве и не в названных выше «источниках», а в системе реально существующих общественных отношений, основу которых в любом обществе составляют отношения материального производства и потребления, а их сердцевину — отношения собственности. В этих отношениях заложена и первичная нормативность права — возможное и должное поведение их участников, которое лишь затем плохо или хорошо получает свое закрепление в установленных государством правилах поведения. Цель настоящего исследования и заключалась в том, чтобы не просто проанализировать существующую систему норм, регулирующих деликтные обязательства, возникающие вследствие причинения вреда противоправными действиями субъектов гражданского права, но и показать, какие из этих норм, в связи с переходом Украины к построению гражданского общества и правового государства, утратили правовой характер, какие из них сохранили свое значение, каковы новые тенденции в структуре этих отношений, требующие законодательного оформления.

Однако нельзя игнорировать или недооценивать и закон (законодательство). Право, взятое в его сущности, не будучи институтированным в той или иной форме, не в состоянии выполнить роль стабильного регулятора общественных отношений. Более того, эти формы являются юридически содержательными, обладают своей самостоятельностью (пусть и относительной) и подчиняются в своем развитии присущим им закономерностям. Поэтому при исследовании реально складывающихся в новых условиях деликтных обязательств, возникающих вследствие причинения вреда противоправными действиями субъектов гражданского права, важно учитывать и те юридические конструкции, в рамках которых они только могут и должны проявляться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Общая характеристика обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права	5
§ 1. Понятие и система обязательств в гражданском законодательстве Украины	5
§ 2. Обязательства по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права, в структуре обязательств из причинения вреда	10
Глава II. Общие условия возмещения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права	20
§ 1. Основания возникновения обязательств по возмещению противоправно причиненного вреда и условия его возмещения	20
§ 2. Состав общих условий возникновения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права	25
Глава III. Специальные условия или особенности отдельных видов обязательств по возмещению вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права	37
§ 1. Соотношение специальных и общих условий ответственности за причинение вреда	37
§ 2. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте до 15 лет	40
§ 3. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет	49
§ 4. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного недееспособными и гражданами, не способными понимать значение своих действий	59
§ 5. Особенности обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности	61
§ 6. О страховании гражданской ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности	81
Глава IV. Объем и способы возмещения вреда, причиненного противоправными действиями субъектов гражданского права	84
§ 1. Объем и способы возмещения вреда, причиненного имуществу других лиц	84
§ 2. Объем и способы возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью граждан	93
§ 3. Возмещение морального вреда	98
Заключение	110

канд. юрид. наук Загорулько Анатолий Иванович

**ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО СУБЪЕКТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

И.И. Пучковская
**ИПОТЕКА:
Залог недвижимости**

*Научно-практический
комментарий
к Закону Украины
о предприятиях*

Ответственный за выпуск

В. В. Сунцов

Технический редактор

А. И. Гергеша

Корректор

Е. Б. Бланк

Подписано к печати 05.09.96. Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7,95. Изд. № 6-10.
Тираж 1 завод 2000 экз., 2 завод 3000 экз.

Совместное коллективное предприятие с иностранными инвестициями
фирма «Консум»

Украина, 310057 Харьков, ул. Рымарская, 23, офис 5.

Типография ЧНПФ «Программ-Асс»

Украина, 310001 Харьков, ул. Нехасенко, 1.